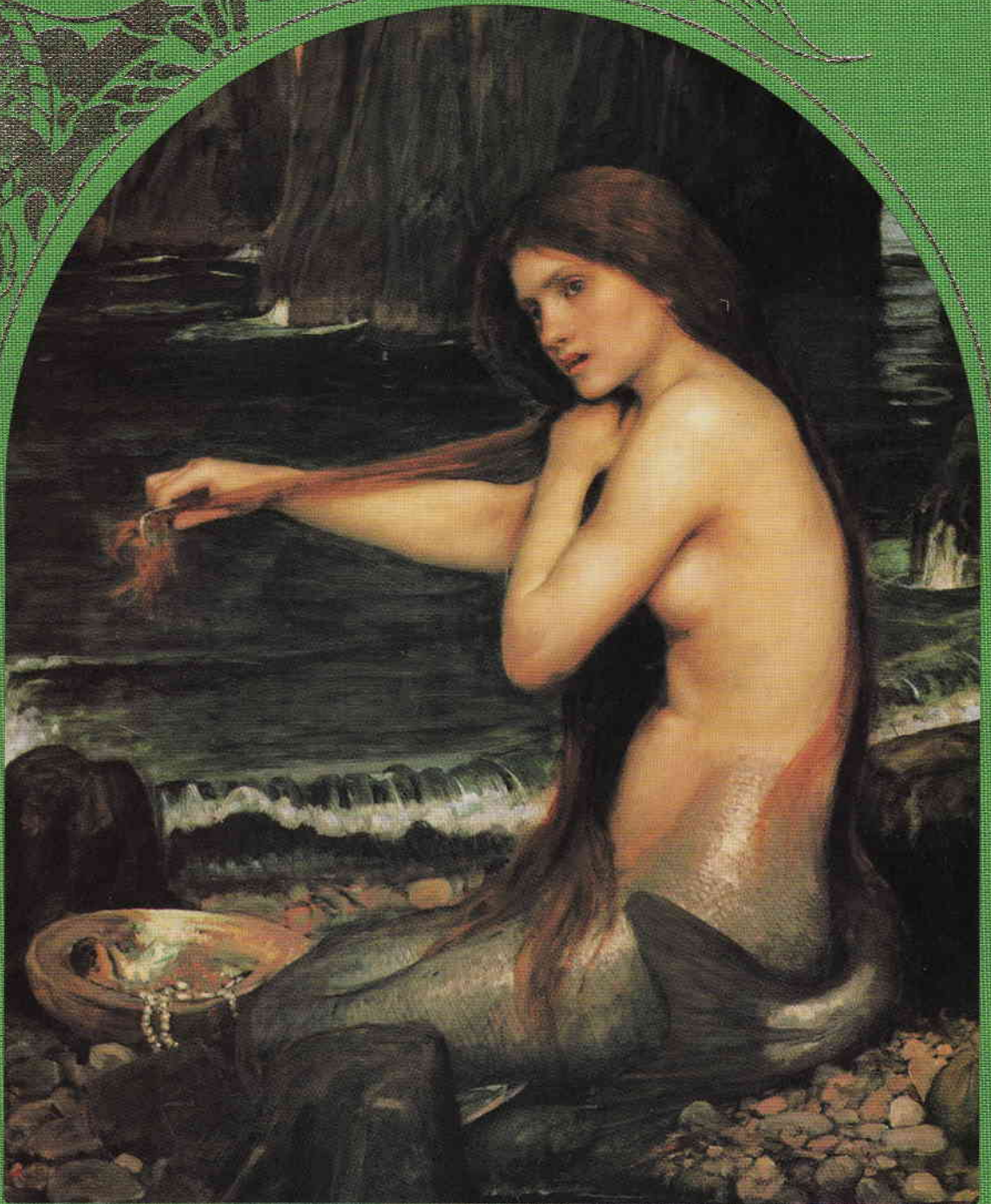
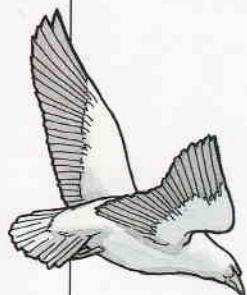

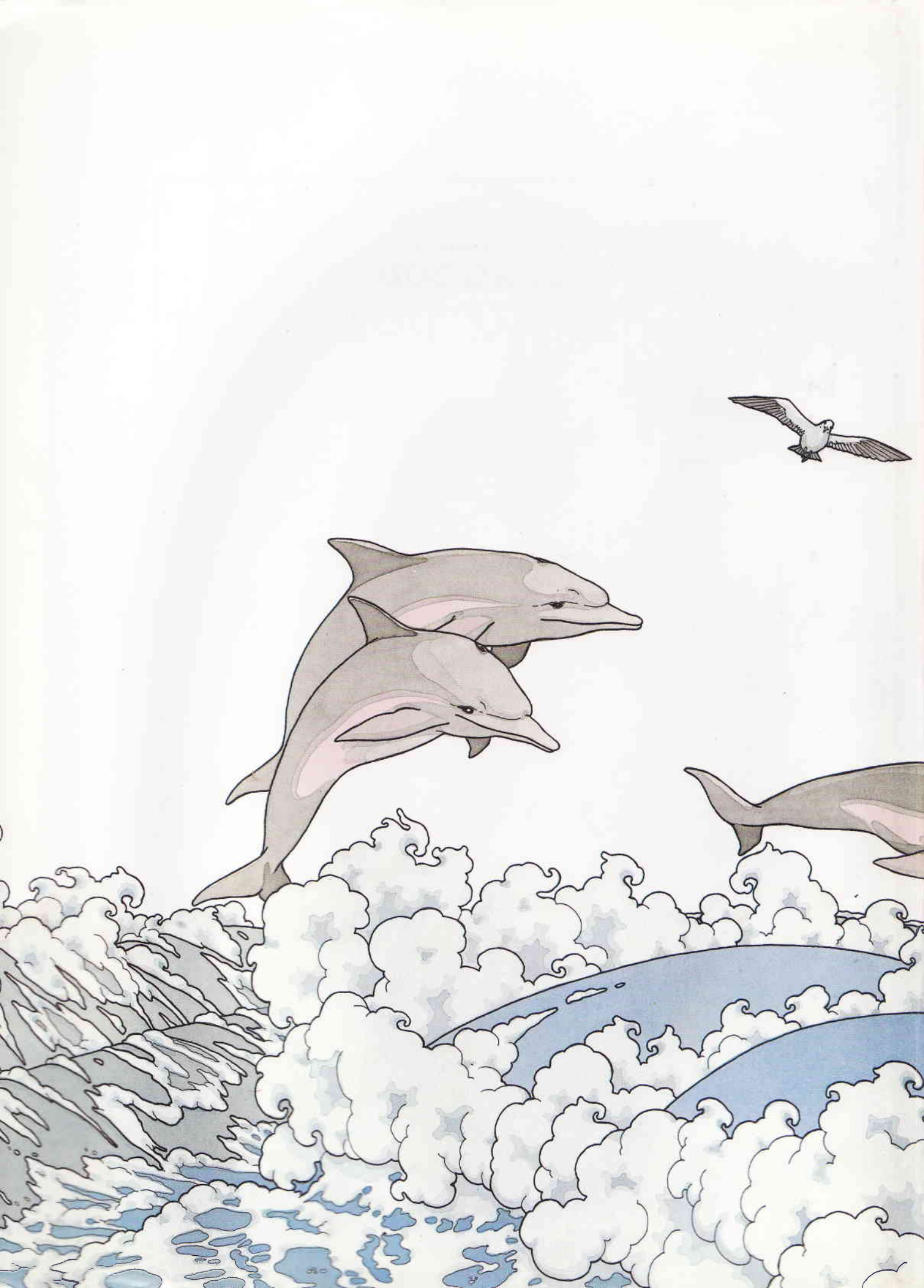
ЗАЧАРОВАННЫЙ МИР

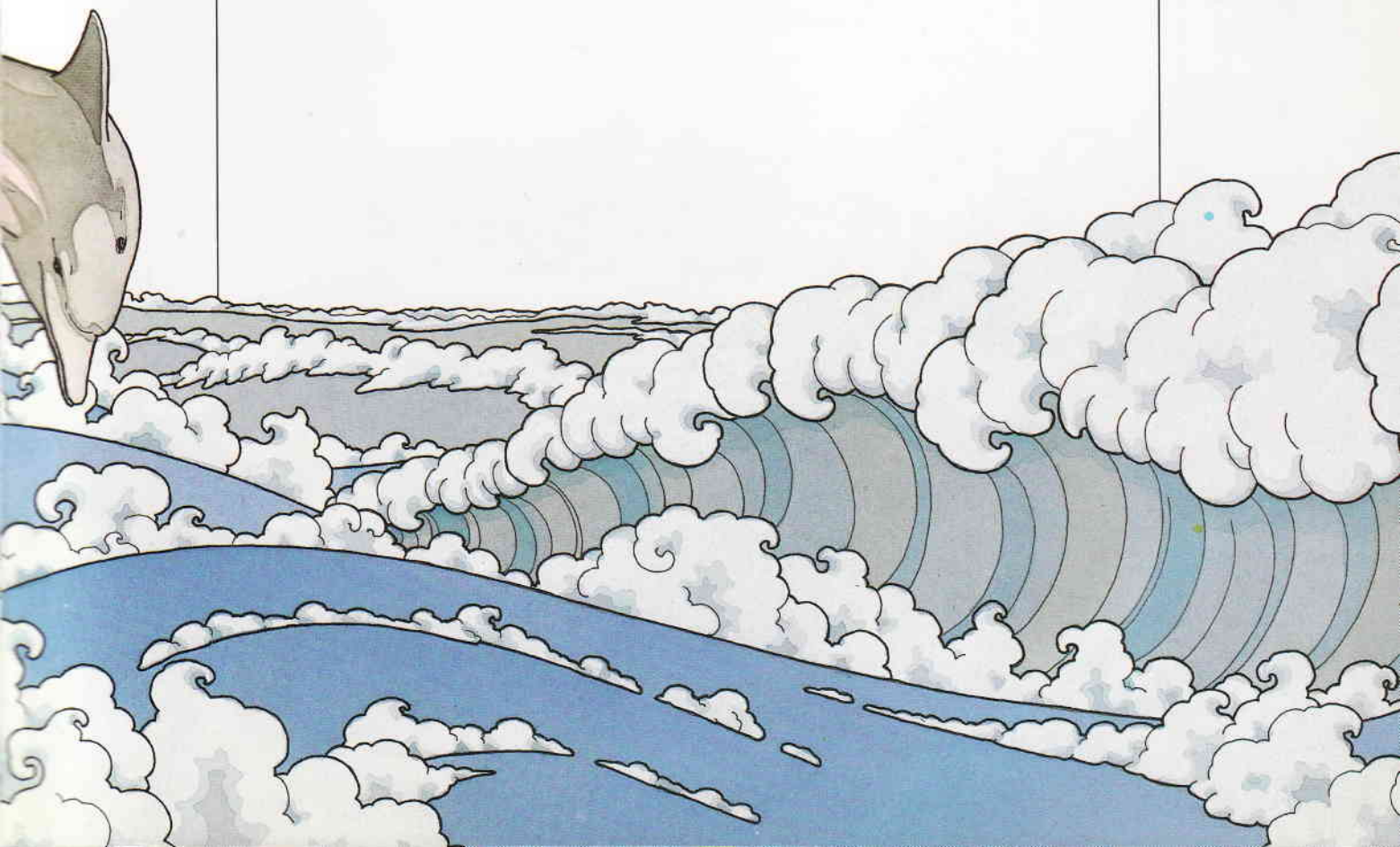
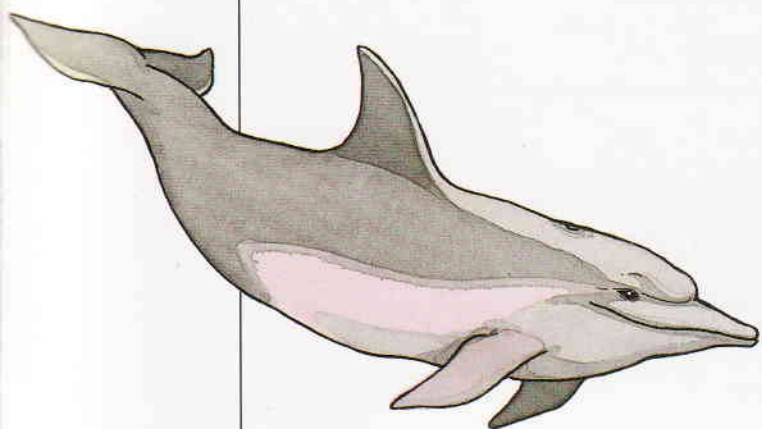
ДУХИ ВОД

Зачарованный мир
ДУХИ ВОД

Зачарованный мир
ДУХИ ВОД

Содержание

Глава первая

Источники вселенной • 7

Бич Севера • 29

Глава вторая

Отважные в царстве морских богов • 37

Чудовища первобытного мира • 61

Глава третья

Гнев ветра и воды • 69

Свидание с мертвым кораблем • 93

Глава четвертая

Опасные границы • 101

Роковой союз земли и воды • 126

«Терра»
Москва

Глава первая

В

Источники вселенной

доль сурового корнуоллского берега, где земля зажата в гранитных тисках и совершенно беспомощна перед злущими морскими волнами, из поколения в поколение бродили рыбаки в поисках сокровищ погибших кораблей. Им доставляли добычу штормы, разбивающие в щепки о Корнишские скалы торговые суда. После шторма море прибывало к берегу бочонки рома, соленую говядину, тюки и прочие товары с потерпевших кораблекрушение судов. Рыбаки же считали их такими же дарами моря, как сардины и макрель, которая попадалась в их сети в хорошие времена. Казалось, что за каждую жизнь, которую забирало море, оно платило дань.

Но одному рыбаку море подарило нечто большее. Человек средних лет по имени Лютей спокойно жил с женой и псом в приземистом каменном домике в Кури близ Лизарда. Когда его дети выросли и разбрелись по свету, этот промысел стал главным его занятием. Руль несчастного корабля служил ему полкой и на нем были прекрасные медные часы. Из угла его дома тарашила бессмысленные деревянные глаза позолоченная голова.

Жизнь Лютея изменилась весенним пасмурным днем, когда над морем расстился голубоватый туман, а у стен его дома буйно цвела розовая армерия. Вместе со своим псом он бродил вдоль скал в надежде чего-нибудь найти. Вдруг он услышал слабый крик, затем еще один, такой тихий, что его едва можно было различить за грохотом волн.

Он пошел на эти звуки через нагромождение камней, окружавших маленькую лошину на берегу. Когда нарастал прилив, вода свободно проникала внутрь и затем уходила обратно, но при отливе это место превращалось в маленький омут, отделенный от родного моря полоской песка и камнями. Так земля это была или море? И то и другое — нечто среднее, границы которого связаны с лунными периодами. Вот через такие таинственные местечки духи из иного мира попадают в мир смертных, что и произошло в этот день. Лютей всматривался в скалы, и вдруг взгляд его встретился со взглядом зеленых глаз.

Испуганные глазки помешались на прелестном бледном личике, полуприкрытом огненными волосами. Существо это было явно женского

пола от головы до талии, но вот от бедер тело превращалось в длинный, гладкий, блестящий и переливающийся под водой хвост.

Лютей застыл, разинув рот. Он нашел русалку! «Помоги мне, — жалобно просила русалка. — Помоги мне перебраться к воде». Она металась в мелкой луже. Лютей осторожно стал пробираться между испуганными рыбками и крабами к ней.

«Я могу дать тебе особую власть, если ты перенесешь меня к морю», — заявила русалка, доверчиво, как ребенок, протянув к нему руки.

Рыбак склонился и поднял ее из воды. Дочь моря была легкой, как облачко. Она ухватилась ручками за его шею, когда он вынул ее к морю. Рядом, нервно потягивая, бежал его пес.

У воды Лютей остановился. Русалка взглянула ему в лицо и поуютнее устроилась у него на руках. «Скажи мне, что желает твое сердце, и ты получишь это».

Лютей минуту смотрел вдаль и затем ответил: «Я хочу иметь силу изгонять злых духов».

Колдовство давно практиковалось в этих отдаленных и окруженных морем краях. Какой-нибудь корнуоллский житель в плохом настроении мог принести несчастье своему соседу, пожелав ему зла, и человек, умеющий это предотвратить, мог кое-чего добиться в жизни.

Девушка улыбнулась и пальчиком дотронулась до его лица. «Готово, — сказала она. — Другое желание?»

Лютей уже был в воде, которая пенилась, разбиваясь о его колени.

«Я хочу уметь исцелять людей».

«Готово, — сказала она. — Еще что?»

«Я хочу, чтобы это умение перешло к моим сыновьям и сыновьям моих сыновей и так далее, чтобы имя наше почиталось во все времена».

«Хорошо, — сказала русалка. — За доброту твою ты будешь иметь все это». В залог сказанному она вынула из своих волос, каскадом упавших ей на плечи, гребень слоновой кости и зажала в его руке. Стоя в море, Лютей чувствовал, как его затягивает прилив. Его ноги все глубже погружались в песок с каждой волной, которая на него обрушивалась, а на берегу пес заливался отчаянным лаем. Русалка рассмеялась, вцепившись в его шею. Брызги сверкали на ее ресницах. Теперь они оба были в ее стихии. Склонившись к его уху, она зашептала: «Оставайся со мной — что за радость тебе быть на суше?»

Лютей стал задыхаться и попытался вырваться — хрупкие ручки оказались неожиданно сильными, а его ноги скользили по морскому дну. Пес вцепился ему в штанину. Спотыкаясь, он выпустил из рук русалку и инстинктивно схватил свой нож. Морская барышня сильно ударила хвостом по воде и отплыла подальше. Как множество обитателей иного мира, она ненавидела железо.

«Прощай, — пропела она. — На девять лет я связана. Но затем мы снова встретимся». Она прыгнула, и последнее, что видел Лютей, — это ее огненные волосы, исчезнувшие в зеленом море.

Он выбрался на берег и поднялся к своему дому, сжимая в одной руке гребень, в другой — нож. На пороге дома его высматривала жена. «Что это? — завопила она. — Мокрый до нитки и ничего, кроме куска кости, после целого дня поисков?»

«Это гребень», — угрюмо ответил Лютей.

«Это гребень?! — повторила жена. — Да это акульки зубы».

Взглянув, рыбак обнаружил, что это правда.

«И все-таки я это сохранию», — заявил он и прошел мимо нее в дом. Он осторожно положил свою добычу на полку среди разбросанных в беспорядке сетей и деревянных буйков. Затем, развесив свою одежду над огнем, он молча съел еду, которую поставила перед ним жена. После ужина женщина недовольно отвернулась от него и склонилась над шитьем. Лютей рано отправился спать и лежа долго смотрел на русалочий подарок, до тех пор пока море не убаюкало его своей заунывной песней.

Вскоре исполнилось первое обещание русалки. По дороге рядом с деревней в зарослях чахлого боярышника Лютей увидел фермера, склонившегося над мертвой коровой. «Это только одна из многих», — проговорил он, сжав зубы. Его пастуха проклинали, но кто это сделал, он не знал.

Рыбак сел рядом. «Колдун сделал это, — сказал он. — Возьми кровь следующей коровы, которая заболеет, и ею вымажь солому.

Когда она высохнет, подожги ее и хорошенько приметь первого же, кто пройдет через дым. Это и есть твой недоброжелатель. А затем поступай с ним как знаешь». Он замолчал, с удивлением прислушиваясь к собственным словам. «Ладно», — просто сказал крестьянин.

Станный рецепт дал быстрые результаты, и слава о мудрости Лютея быстро разнеслась по Кюри. В следующий раз он спас ребенка. Поздно ночью пришел человек и повел его к бедной и тесной лачуге у залива, где мать сидела у тюфяка, на котором лежало сотрясаемое лихорадкой дитя.

«Как раз скоро будет прилив», — тревожно сказала женщина. В этих краях непоколебимо верили в то, что смерть наступает только при отливе. Если больной продержится до прилива, значит, есть еще шесть часов надежды.

Лютей вынес ребенка из дома и пошел к рошице, где в тени больших деревьев подрастали молоденькие березки. К ним Лютей осторожно подтолкнул ребенка, и в этот момент, между отливом и приливом, магия времен коснулась молодой поросли и лихорадка прекратилась. Осенью, когда пошла косяком сардина, Лютею уже не оставалось времени на ловлю. Известность его как целителя, способного изгонять болезни, распространилась до самого Лизарда. Бедняки шли к нему со своими бедами, расплачиваясь то кувшином рыбьего жира, то куском крепкого каната, если были не в состоянии принести что-нибудь еще. Казалось, ничего не было, чего бы он не знал. Он

*Прекрасны и страшны творения морские — это обнаружил один
корнуоллец, спасший русалку. Она вознаградила его за это волшебной
силой на время, чтобы затем навсегда забрать в морскую пучину.*

использовал веревку палача для лечения от золотухи и продавал написанные заклинания, чтобы носить их на шее от злых духов. Он знал таинственные рецепты снадобья из пепла мыши и корня скабиозы и чертополоха, который так ценим за свои целительные свойства. Один за другим сыновья Лютея оставляли свои лодки и присоединялись к нему. Они тоже знали силу листьев ангелики, цветов бузины в лечении простуды и крестовника, останавливающего малярию. Этот дар они обрели так таинственно, будто из воды, в которой они купались, или из воздуха, которым они дышали. Но и во время бесконечных зимних дождей, и летом во время цветения желтого брока Лютей хранил в тайне происхождение этого дара, так же, как и гребень, который был дан ему в залог.

Через несколько лет он переехал в большой дом в этой же деревне, к удовольствию его раздражительной жены. Год от года Лютей все больше удалялся от людей и часто приходил к старому каменному дому в низине, чтобы посидеть в одиночестве у маленького омута.

Как-то раз он взял свои сети и направился к морю. «Пойду за рыбой», — вот все, что он сказал. Хотя это явно был день не для рыбной ловли. В гавани волны лупили баркасы, небо было обложено тучами, которые гнал вдоль берега грозный ветер. Сыновья Лютея переглянулись, и младший последовал за стариком, присмотреть, как бы с ним чего не случилось, хотя он не мог ничего сделать с той силой, которая управляла его отцом. Лютей подтолкнул малень-

кий ялик к воде, и хотя его кидало и подбрасывало, старый рыбак не делал никаких усилий, чтобы управлять этим суденышком. Вдруг бледные руки и маленькая головка мелькнули рядом с лодкой. Русалка резвилась в воде, все такая же молодая и рыжая, в то время как голова смертного совершенно поседела. Парень смотрел на него с берега, а русалка звала его в море. Он поднялся на ноги. «Мой час пришел», — прокричал он сыну, затем прыгнул в воду и исчез. Позже юнец говорил, что море как будто проглотило Лютея. В известном смысле это так и было: нырнув, старик пересек границу иного мира, мира столь же старого и безмерного, как само время. Теперь уже русалка получила рыбака, увлекая его все ниже и ниже к своей пещере, далеко-далеко от корнуоллского берега.

Сожалел ли он о мире людей, красиво или убого было жилище русалки, одного ли его или и других держала она у себя — этого никто не знает. Лютей больше никогда не появлялся на земле. Русалочье волшебство коснулось и его потомков (из поколения в поколение Лютеи из Кюри славятся своим целительским искусством), но за это русалка получает плату. Говорят, что каждые девять лет, с постоянством морских приливов, один из них исчезает в море.

Подобные истории распространены среди народов, чья жизнь зависит от моря.

Как глубоко оно и как далеко простирается за видимым горизонтом? Оно древнее, чем что-либо еще из того, что знает человечество, вечно меняющееся и всегда постоянное: народы возникают, расцветают и исчезают, но воды, которые омывают их земли, остаются другим поколениям.

В карнавале земной жизни море играет множество ролей. Это одновременно и колыбель и могила, источник жизни и ее разрушитель. Это звено, связующее ограниченный берег с таинственным царством безграничного. Оно манит людей: первобытные племена создавали подобие кораблей и преодолевали морские просторы в поисках приключений. Они здорово рисковали, сталкиваясь с бурей, скалами и рифами. Но некоторые рассказывали об угрозах более страшных — духах и демонах, которые населяли глубины, мучителях, которые пожирали смельчаков. Говорили, что некоторые из них — чудовища, которые живут в морской пучине. Другие были призраками людей и кораблей, погибших в море и появляющихся сейчас, для того чтобы увлечь в бездну людей.

Страшные духи обитали также и в пресных водах озер, рек и источников. Эти водяные твари могли принимать любой вид, как отвратительный, так и прекрасный. Некоторые казались людьми и были

так же прелестны, как та русалка, что завлекла корнуоллца Лютея. Все они были сыновьями и дочерьми первобытных вод, создавших вселенную, и созданы были властной языческой магией, враждебной появлению новых цивилизаций.

В давние времена этой магии не было предела, и, поклоняясь ей, люди старались использовать ее в своих целях. Рождались легенды об удивительных водах, которые могли даровать мудрость и смертным и богам, могли исцелять болезни и очищать души от зла, могли вернуть молодость и даже принести смерть. Индусы почитают священным Ганг, к примеру, и проходят огромные расстояния для того, чтобы очиститься в широких мутных водах реки, текущих с Гималаев в Бенгальский залив.

Посвященные уносили речную воду в сосудах для того, чтобы использовать ее против злых духов, или чтобы влить в рот умирающему, или чтобы окропить новобрачных в знак благословения. Говорили, что река — это земное воплощение индийской богини Ганга, которая сошла с небес, чтобы благословить и освятить юное человечество. Но Ганга сходила с небес таким страшным и сильным потоком, что пришлось вмешаться сострадательному богу Шиве, для того чтобы защитить хрупкую землю от столкновения с бурным потоком. Шива встретил небесные воды своим лбом и направил их течение через пряди своих волос.

Другие волшебные воды пузыряются в расселинах земной коры —

горячие источники и минеральные фонтаны, которые, казалось, созданы для исцеления и омоложения. Слепые и хромые из поколения в поколение ташились к этим запрудам, надеясь смыть свои недуги. Кельты рассказывали об озере чудотворной воды — Колодце мира, которое могло вернуть жизнь умершему и оживить обращенного чародейством в камень.

Верили, что в некоторых водах, текущих по земной поверхности, обитает высшая мудрость. Один, верховный северный бог, пожертвовал свой глаз за возможность испытать из одного из таких источников. Источник этот был глубоко спрятан под землей среди переплетенных корней космического древа, из которого произрастал мир, и был напитан столь могущественной силой, что одна капля прохладной пенящейся воды наделяла даром постижения и знания, сопровождающихся никогда не умирающей жаждой мудрости.

И всюду в первобытном мире люди жаждали воды, способной вернуть молодость, в которой якобы феи купали своих детей, чтобы освободить их от смертной плоти. Эта вода непреодолимо притягивала мужчин и женщин (которые могли состариться, еще не увидев и сороковой весны) — возвратит себе из прохладных вод молодость, которая так быстро прошла, погрузиться в нее с вялой морщинистой кожей и вынырнуть вновь молодыми и прелестными. Рассказам

о «вийара нада» — «реке безвременья» — посвящены многие песни Индии, и японцы рассказывали о фонтане молодости, спрятанном на вершине священной горы Фудзи.

Большинство историй о воде молодости превратились в легенды, столь искаженные и расцвеченные со временем, что они потеряли всякую связь с событиями, которые могли произойти когда-то в действительности. В конечном счете действительное и величайшее чудо, которое творит вода, — это жизнь, которую она дарует. В человеке она течет в венах, как основной компонент крови; она истекает из груди, как молоко, чтобы вскормить младенца, начинающего свое путешествие по земной жизни с плавания в тайном море материнской утробы. А в окружающем мире дожди приносят чудо, питающее травы, сильные и зеленые. Первобытные люди высматривали островки зелени в иссушенных равнинах, зная, что там же есть и животворные источники. Первые поселения строились вокруг рек и озер и у естественных гаваней: Иерихон, возможно, самый древний город на земле, вырос вокруг никогда не исчезающего источника в пустыне.

Для первых людей возникновение жизни казалось неизбежно связанным с водой. Год за годом они видели, как поднимающийся Нил покрывает землю; потом, когда вода спадала, вновь появлялись знакомые очертания земли. И так должно было быть, решили они, на заре жизни — контуры земли постепенно появлялись из первобытной воды. Многие древние народы разделяли эту идею,

представляя, что космос появился из бесконечной воды — ни запада, ни востока, ни верха, ни низа, только тьма и бесконечная глубина.

Однако каждый народ по-своему представлял, как из этого великого океана появился мир. Для египтян юный мир возник сначала как пустой пузырь, плывущий по водяному небесному своду. Индийский миф рассказывает о том, что гигантское дерево возникло из глубин и со временем в дереве родился червь. Червь начал пожирать древесину, и век за веком, из опилок, падающих в воду, медленно начал образовываться мир.

Вавилоняне считали, что при смешении соленой и сладкой вод праматери Тиамат и отца Апсу появилось первое поколение богов. А их отпрыски создали небеса и землю из первобытного моря.

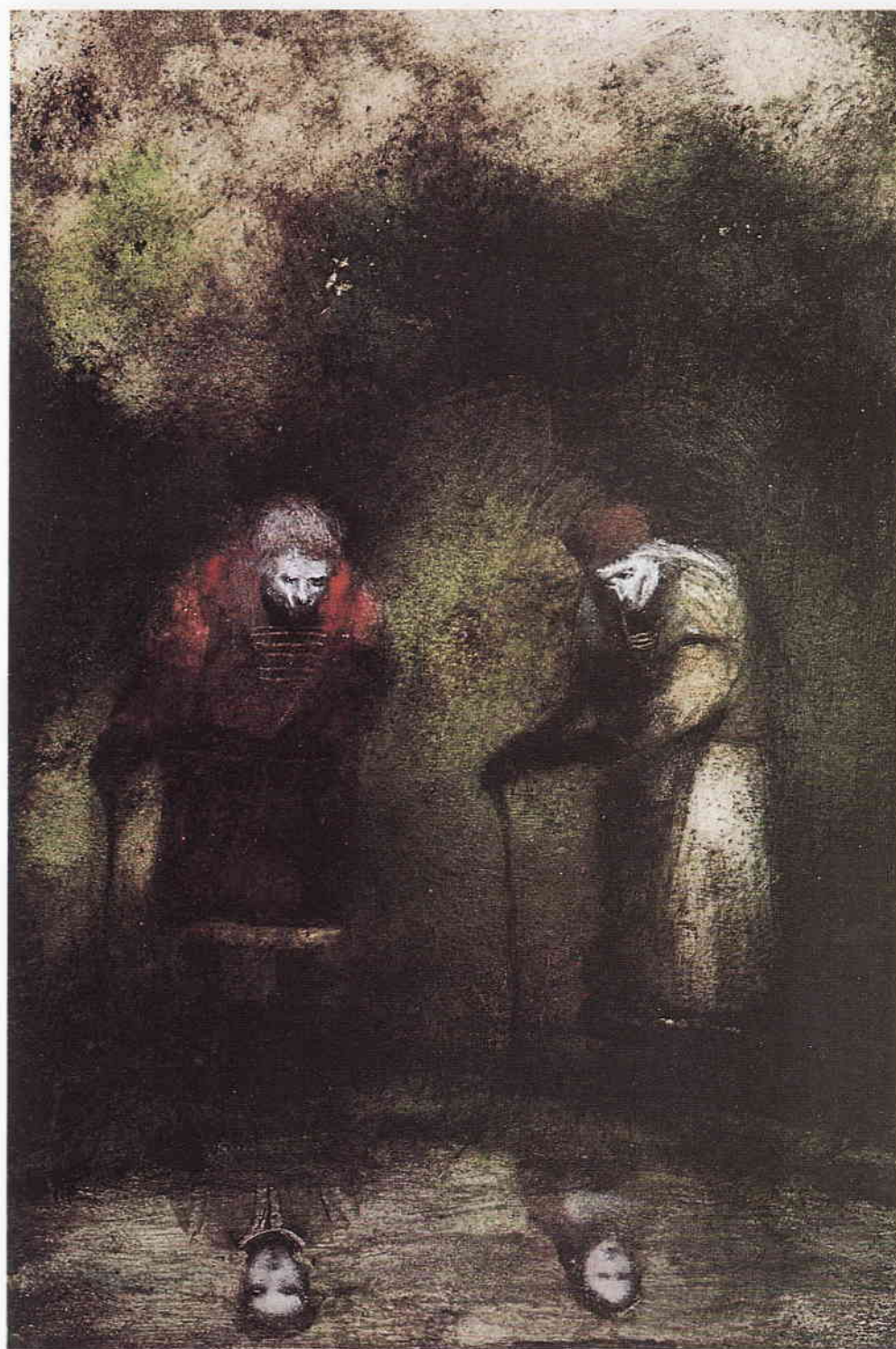
Значительно дальше к северу, в Финляндии, легенды описывали сотворение мира как дело рук Ильмаар, одинокой девственной Матери-Воды. Забеременев от грубых ласк ветра и волн, она взяла разбитое яйцо морской птицы и из него сотворила мир-дом для своего будущего дитя. Одну половинку скорлупы она поместила наверху как небосвод, а другую внизу — так появилась земля. Яичный желток и белок стали солнцем и луной, а крапинки на скорлупе превратились в звезды. Все еще беременная, Ильмаар продолжала творить этот мир: руками своими она вырыла морское дно, а ногами — океанские пещеры. Острова и континенты произвела она, выровнив побережье своими боками. Когда же она закончила работу, то родила

первого человека — Вяйнямейнена. Возмужав в материнской утробе, он процарапал себе путь наружу через ее кости и плоть. В определенное время он выбрался на безымянный берег, восхищаясь миром, созданным его матерью, засеял его семенами плодов, злаков и цветов.

Но сонная земля и ее население не были похожи на морскую стихию. Вода непостоянна, полна противоречий. Реки, омывающие землю, могли превратиться в безжалостный поток во время таяния снегов в горах, где они берут начало. Землетрясения на дне моря могли послать сокрушительные смерчи на сушу, поглощая полмира и уничтожая целые города.

Истории известно самое разрушительное наводнение, которое когда-либо знало человечество. Что послужило его причиной, никто не может сказать с уверенностью. Летописцы, описывающие этот ужас, говорят, что боги разгневались на смертных и послали потоп, чтобы уничтожить человечество.

Рассказ о наказании потопом существует в различных вариациях у многих народов, и от него содрогнется каждое сердце. Эту историю пересказал римский поэт Овидий. Зевс, пишет он, наслал на древних греков этот потоп, поглотивший весь мир. Когда он начался, сверкали молнии и гремел гром. Пронзительный ветер расшвыривал дождевые потоки, и раскрылись все расщелины земли, чтобы выпустить на поверхность подземные воды.

*Говорили, что в мире где-то есть источник, который
возвращает молодость и восстанавливает силы. В его воде
старики видят себя такими, какими они были когда-то.*

*Вода приносит не только жизнь, но и смерть. В доисторические времена
гнев божества выпустил страшные воды, которые затопили весь мир.*

Морское зазеркалье

Как повествуют саги, вначале мир был создан таким совершенным, что каждое существо, живущее на земле, имело своего двойника в море. Зеркальным отображением смертных мужчин и женщин были русалки и водяные, которые населяли подводное царство. И царство это кишело удивительными животными. Шведский натуралист Олас Магнус описывает лошадей с рыбьими хвостами, обитающих в водах между Британией и Норвегией; он также писал о водоплавающих собаках, которые нападали на людей и пожирали их. А римский историк Элиан повествует о том, что моря, окружающие остров Тапробану — позднее названный Цейлоном, — изобилуют рыбами с бараньими головами и чешуйчатыми водоплавающими львами, морскими слонами и другими экзотическими водяными млекопитающими.

И упорядоченный мир, пишет поэт, превратился в дикий хаос. Можно было увидеть крестьянина, мечущегося на крыше того, что когда-то было его домом, человека, плывущего на лодке по полю, которое еще вчера он обрабатывал. «Некто поймал рыбу на вершине дерева, или якорь волочится по лугу, или киль коснется виноградной лозы под водой, — пишет Овидий. — Волк плывет рядом с ягненком... и птички тщетно скитаются в поисках суши, в изнеможении падают в воду».

Разверстые глубины проглотили все холмы, и волны с грохотом обрушивались на горные вершины. Потоп уничтожил всех, или почти всех, а

тех, кого вода пощадила, медленно уничтожал голод.

По большинству свидетельств, только одной добродетельной паре удалось спастись и позволено было выжить, чтобы вновь населить землю, когда сойдут смертоносные воды. Таким образом страшный конец становился новым началом.

Сам Зевс избрал двоих для жизни после потопа, по описанию Овидия, — старика по имени Девкалион и его добрую жену Пирру, которые нашли спасение на горе Парнас. Вначале не было ничего, кроме горной вершины, над водами потопа. Выжившие обнаружили, что они завернуты в саван облаков. Девять ночей и столько же дней благочестивая пара оплакивала затопленный мир. Затем, постепенно, вода стала убывать, вновь открывая землю. Море вновь обрело свои берега, а реки свои русла. Девкалион и жена его

Водяная лошадь

плакали при виде
безлюдного пейзажа и пус-
тыни, усеянной одетыми в тину
деревьями, и нигде не было и
признака жизни...

Слишком старые для
рождения детей, благочес-
тивные супруги сделали так,
как их учили боги. Они под-
бирали камни с сырой земли и
один за другим бросали за спину.
Тогда камни приобретали человече-
ские очертания, становясь похожими
на незавершенные статуи. Со време-
нем они облекались в плоть и кровь;
те, что бросила Пирра, стали женщи-
нами, те, что бросил Девкалион, —
мужчинами. Этот рассказ объясняет,
возможно, почему греки называют
себя «лаой», что значит «камень».

Из выживших после потопа, ко-
нечно, лучше всех известен еврей-
ский патриарх Ной. Но его история
не самая древняя. Библейское пове-
ствование повторяет более древний
рассказ, который пришел из Месопо-
тамии, земли плодородной и избав-
ленной от потопа, там, где встреча-
ются Тигр и Евфрат. Отсюда пришли
рассказы о старце по имени Утна-
пиштим, которого предупредили во
сне о грядущем потопе, насылаемом
богами шумерской цивилизации, что-
бы наказать человечество. Послание
пришло к нему глубокой ночью. Со-
чувствующее ему божество шепнуло
сквозь камышовые стены хижины,
что он должен бросить свой дом и
построить судно.

Утром на поле за Евфратом Утна-
пиштим соорудил ковчег, который
был около 180 футов в длину. Когда
Утнапиштим закончил, он собрал под

кулолообразной крышей ковчега сво-
их родственников. И собрал он также
людей, которые могли принести в но-
вый мир свое ремесло, — каменщи-
ков и писцов, гончаров и кузнецов,
ткачей и кожевников, моряков и куп-
цов, тех, кто возделывает землю и ло-
вит рыбу. И поместил он в свой ков-
чег от всех тварей по две — мужского
и женского роду — не только овец и
лошадей, но и змей, и львов, и скор-
пионов, чтобы ни один вид не был
потерян. Шторм, посланный богами,
начался ночью и застал людей врасп-
лох. Шесть дней и шесть ночей буше-
вал он, пока Утнапиштим и его спут-
ники теснились в накренившемся ков-
чеге. Когда же на седьмой день обла-
ка разошлись, Утнапиштим открыл де-

Морская собака

*Лев из морской
пучины*

ревянные люки солнцу... И долгие дни ковчег плыл по ровной, бесконечной и безбрежной воде, пока, наконец, не остановился, сильно накренившись, около одной горы. Но нигде не было видно земли, на которую могли бы сойти путешественники: всюду плескалась вода. Старик осторожно вытащил голубя из клетки и выпустил его наружу. Но голубь не нашел сухого места и вернулся назад. На следующий день повторилось то же самое: маленькая ласточка вернулась обратно в изнеможении. На третий день он выпустил ворона. И эта птица не вернулась, что означало, что убийственные воды уходят.

Когда вода отступила, люди выбрались из ковчега на землю. И мастера вместе со своими женами приступили к восстановлению мира. Одна-

ко сам Утнапиштим и его жена не остались жить в этом мире. За свое повинование богам они были вознаграждены. Они получили в дар бессмертие и были перенесены в рай на остров в устье великих рек, сверкающий, как изумруд при свете восходящего солнца. Здесь, уединенно, в покое, они расположились, сохраняя тайну жизни.

По прошествии времен, некто — потомок тех, кто выжил после потопа — пошел искать Утнапиштира. Человек этот — шумерский царь-воин Гильгамеш, прославленный в мире, возникшем после потопа. На плодородной равнине между Тигром и Евфратом Гильгамеш воздвиг город Эрех, огромные стены окружали прекрасные дома и цветущие сады. Действительно, жизнь процветала здесь

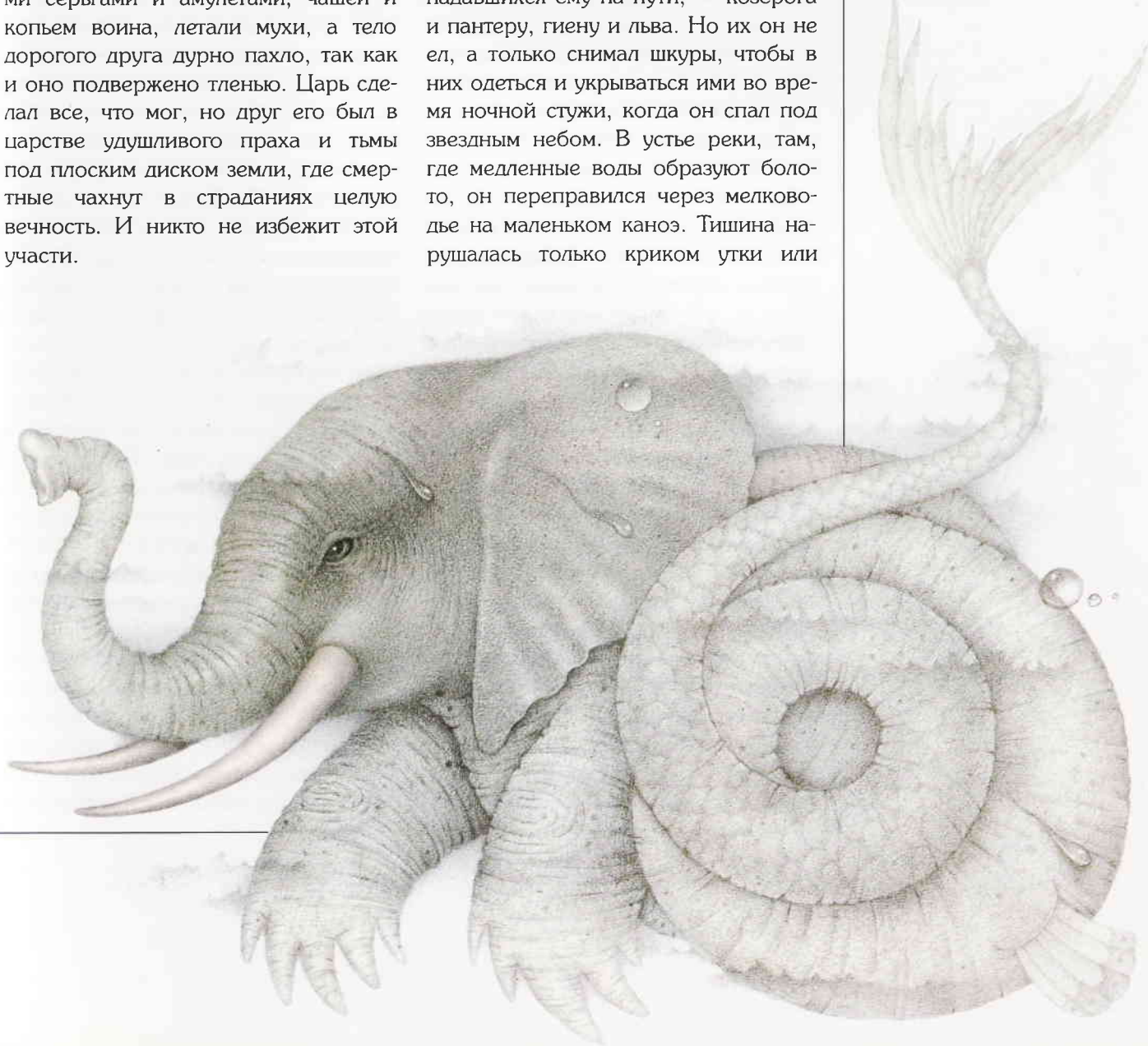
на каждой пяди земли. В центре города находился зиккурат, многоэтажный храм в форме лестницы, ведущей к небесам. На широких улицах внизу тянулись торговые ряды, пронизанные запахом специй, наполненные блеянием овец и криками торговцев.

Жил Гильгамеш в просторном дворце с яркой мозаикой на стенах. Но настал день, когда померкли все радости Эреха. Смерть сразила друга царя. День за днем проводил Гильгамеш у могилы под стенами города. Рядом с телом, украшенным золотыми серьгами и амулетами, чашей и копьем воина, летали мухи, а тело дорогого друга дурно пахло, так как и оно подвержено тленью. Царь сделал все, что мог, но друг его был в царстве удушливого праха и тьмы под плоским диском земли, где смертные чахнут в страданиях целую вечность. И никто не избежит этой участи.

Семь дней и семь ночей непрерывно рыдал Гильгамеш. На восьмой день он поднялся и вышел из города. Он прошел через фруктовые сады и поля, испещренные ирригационными каналами. У него осталось только одно желание — найти Утнапиштира, выжившего после всемирного потопа, и узнать секрет бессмертия, который, как рассказывали, он хранил.

И вскоре царь-воин потерял счет дням. Со слепой жестокостью голодного зверя он убивал животных, попадавшихся ему на пути, — козерога и пантеру, гиену и льва. Но их он не ел, а только снимал шкуры, чтобы в них одеться и укрываться ими во время ночной стужи, когда он спал под звездным небом. В устье реки, там, где медленные воды образуют болото, он переправился через мелководье на маленьком каноэ. Тишина нарушалась только криком утки или

*Слон, обитающий
в океане*

цапли, живших в камышах. И вот перед ним, преграждая путь, возникла гора. Об этом месте Гильгамеш много слышал, но никогда его не видел — здесь проходила граница мира смертных.

Раздвоенная вершина горы, пронзив облака, стояла на страже восхода и захода солнца. Ее подножие уходило глубоко под землю, в царство мертвых. Гору невозможно было обойти, дорога в мир иной лежала сквозь мглу, по туннелю, полному могильного мрака. За горой был неведомый мир, где поселился Утнапиштим.

Воин-царь двинулся в зияющую пасть горы. Но внутри он споткнулся, так как было так темно, что он не видел ничего ни впереди, ни сзади. Со всех сторон тьма обступала его, обдавая холодом и сыростью, будто стараясь выжать воздух у него из легких. Нашупывая себе путь, он дотронулся до стены, по которой сочилась влага и где кишели мелкие твари. Сбрасывая их с себя, он продвигался вперед на ощупь, вначале часы, а затем и дни. Наконец далеко впереди забрезжил свет. И немного позже он замер, ослепленный теперь не мраком, а солнечным светом. Постепенно он начал различать контуры иного мира.

Он был в саду, в который раньше не вступал никто из смертных. Цветы из жемчуга и небесной ляпис-лазури, с нефритовыми листьями и агатовым стеблем, усыпанным колючками. Наверху серебряная лоза прогибается под тяжестью гроздей кроваво-красного сердолика. Гильгамеш прошел через сверкающий лес к темному

морю. Вдалеке был едва различим в тумане зеленый остров. Там было убежище Утнапиштира, нестареющего хранителя тайны бессмертия. К Гильгамешу под села молодая женщина с кувшином вина. Она посмотрела на уставшего путника в звериных шкурах, с обветренным лицом и спутанной бородой. Даже здесь имя его было известно. «Гильгамеш, — спросила она, — как ты сюда забрел?»

слышав о его горе, она рассмеелась. «Ты никогда не найдешь того, что ищешь, — ответила женщина. — Лучше смой дорожную пыль и радуйся жизни. Наслаждайся объятиями детских ручонков и теплотой женских рук. Вечная жизнь не для людей». Но Гильгамеш не мог с этим согласиться, и в конце концов хранительница берега согласилась ему помочь. Она отвела его к парому Утнапиштира, который курсировал по опасным водам, служа бессмертным. Сердитым взглядом из-под косматых бровей паромщик изучил путника и затем выставил еще одно препятствие на его пути. Пока невозможно переплыть море, сказал лодочник, указывая на утлое суденышко из камыша. У паромы не хватает снаряжения и прохудилось дно; и нет иного пути через море, разве что с шестом, и шеста тоже нет.

Сжав зубы, Гильгамеш гордо направился в лес. Он слишком много вынес для того, чтобы его остановило теперь камышовое суденышко. Воин достал свой топор и сделал шесты. И два человека отправились

через воды смерти. Гильгамеш сам управлял судном, стараясь быть осторожным в ядовитых водах, которые пузырились вокруг, обдавая брызгами его кожу. Так как шест быстро пропитался отравленными водами, он вынужден был часто выбрасывать его и брать новый. Когда же шесты кончились, находчивый царь встал так, чтобы его тело стало мачтой, распростер руки, как переладины, а одежда его развеялась, как парус. Так он добрался до острова вечной жизни.

Утнапиштим ждал на берегу, чтобы приветствовать царя Эреха. Сей древний муж был силен и черен от векового загара, но в действительности он выглядел не старше, чем уставший от дороги смертный. Гильгамеш сел рядом со старцем на сияющем острове, где горе и боль были незнакомы и смерть была не властна, и вновь он рассказал о цели своего путешествия. Когда он закончил, Утнапиштим только покачал головой, так, как это делали и другие.

«Нет в мире постоянства, — сказал старик. — Разве строят дом для вечности? И река течет постоянно? Рождение и смерть неразрывно связаны в судьбе человека».

Но Гильгамеш был непоколебим.

«Почему ты один владеешь тайной жизни?» — спросил он. Утнапиштим описал ему великий потоп и его последствия и события прошлых веков, которые привели его сюда. На приморском песке он нарисовал огромный ковчег, который построил, и рассказал, как он разделил его на девять отделений, с внутренними перегородками, так, чтобы каждая пара

могла иметь свою комнату, чтобы переждать бурю. Он описал весь ужас наводнения, страшные воды, выпущенные из глубин земли, грозовые облака, освещенные адскими молниями, и дождь, который хлестал по палубе, глухой стеной заслонив весь мир.

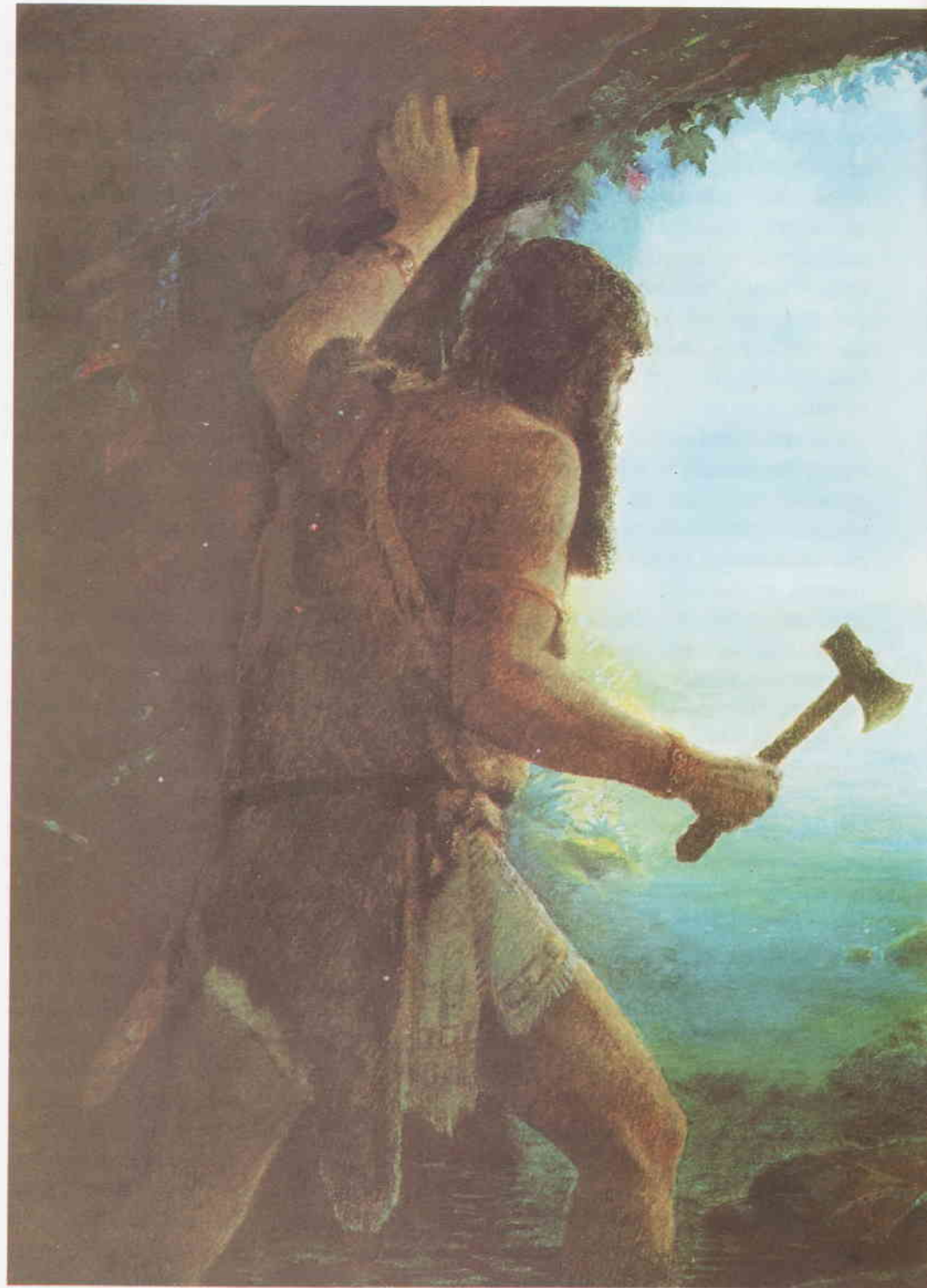
Он рассказал о раскаянии богов, когда все кончилось, и их обещании новым поселенцам на земле. Человечество будут наказывать в новом веке набегами волков и львов, эпидемиями, голодом и войнами. Но никогда более ни буря, ни потоп не уничтожат его целиком.

Когда же старик закончил рассказ, Гильгамеш все еще желал того, за чем он пришел.

«Жизнь, которую ты ищешь, не я даю, и человеку невозможно это вынести, — устало сказал Утнапиштим. — Если ты хочешь испытать бессмертия, то испытай себя: откажись от сна в течение шести дней и шести ночей».

Но Гильгамеш заснул раньше, чем Утнапиштим закончил говорить. Шесть дней, не просыпаясь, он спал.

Чтобы он окончательно усвоил урок, Утнапиштим велел своей жене печь хлеб каждый день и класть его рядом со смертным. На седьмой день Гильгамеш проснулся. Он поднялся на ноги, и тогда древний муж указал ему на его слабость и на неукротимую власть времени: хлеб, испеченный в первый день, был теперь тверд как камень. Хлеб второго дня был подобен коже,

В поисках тайны бессмертия шумерский царь-воин Гильгамеш
прошел через мрачные пещеры к морю. Вдали сиял остров, на
котором жил мудрец, знающий, как избежать обаяний смерти.

На дне океана рос цветок, который хранил секрет человеческой жизни, и Гильгамеш нырнул туда, чтобы сорвать его.

третий был подпорчен, а четвертый покрылся черствой коркой. Пятый был еще мягким, а шестой был совсем свежий.

Что до седьмого хлеба, то он был совсем теплым, только что из печки. Гильгамеш все понял, и аппетит у него пропал.

«Ты должен вернуться домой, — тепло сказал Утнапиштим и, обратившись к паромщику, добавил: — Уходи. Ты перевез сюда смертного и теперь изгоняешься в смертный мир. Иди за ним». Но и во время отъезда Гильгамеша жена Утнапиштима видела, что в глазах смертного все еще

тлеет огонь надежды. Она обратилась к мужу, и он устало кивнул.

«Если ты все еще хочешь вкусить бессмертия, Гильгамеш, я открою тебе одну тайну моря». И старик рассказал ему о цветке, который рос в волшебных водах с самого начала жизни. Цветок спрятан глубоко, и стебель его защищают колючки. Только тот, кто достаточно смел и силен, чтобы сорвать его, завладеет его волшебной силой. Он обладает властью вернуть молодость и подарить бессмертие. Гильгамеш попросился, и вместе с изгнанным лодочником они вышли на углу суденышке в открытое море. Его воды пронесли их через клубящееся море смерти в открытый океан прямо к тому месту, где раскинулись волшебные воды. Гильгамеш нырнул и погружался все глубже и глубже. И он нашел здесь, как и обещал Утнапиштим, таинственный грот, где рос розовый цветок. Его хрупкие лепестки и сочные зеленые листья, раскачиваясь, как будто подзывали его к себе. Он схватил цветок,

и колючки вонзились в его руки так, что кровь царя красным ручьем потекла в море. Стебель оторвался, и цветок остался в его руках. Нежно прижимая его к груди, Гильгамеш выплыл на поверхность и предоставил водам нести себя к берегу.

Минуто он безмолвно смотрел на свое сокровище. Паромщик вытащил свое суденышко на песок, и вдвоем они отправились дальше. По неизвестным причинам Гильгамеш не съел сразу же цветок и нес его бережно вдоль прекрасного берега, сквозь горный тоннель, через болота и поля, которые вели к его городу. Все время он не отрывал глаз от растения, кроме одного-единственного мгновения человеческой слабости, о которой хорошо знал Утнапиштим. Спустя некоторое время, всего лишь в нескольких днях пути от дома, они остановились, чтобы освежиться в ручье. Гильгамеш оставил цветок на песке.

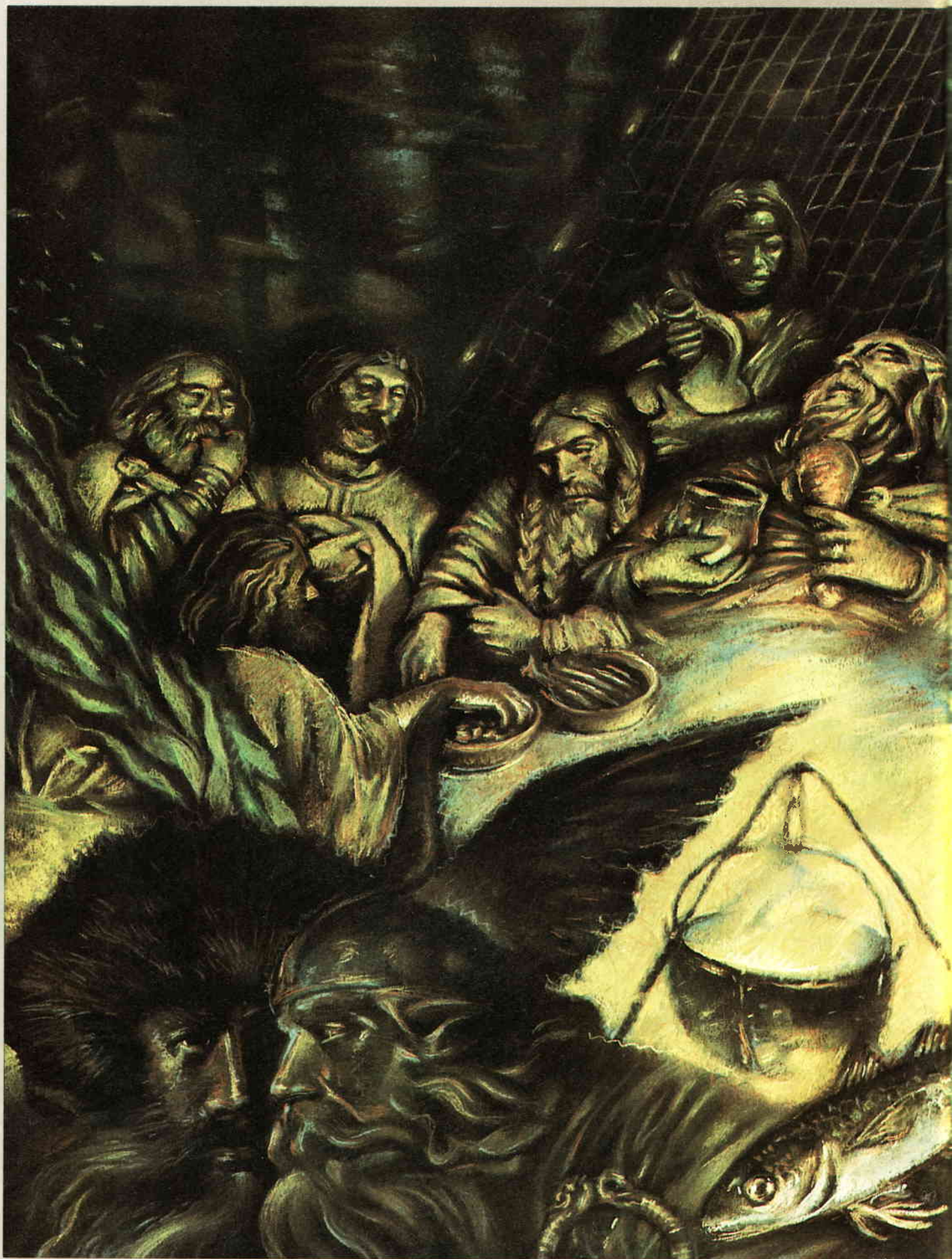
Но король Эреха был не один в ручье. В прохладной воде, которая журчала вокруг него, скользнуло нечто мускулистое и гладкое и кинулось туда, где лежал цветок. Гильгамеш прыгнул, но змея была быстрее. Ее ядовитые зубы вонзились в цветок, и в ту же минуту ее кожа стала меняться. Извиваясь, она сбросила старую кожу, оставшись в сверкающей новой,

как бы показав Гильгамешу силу его потерянного сокровища. Затем, все еще сжимая цветок в зубах, переродившаяся тварь скользнула в ручей, чтобы оттуда вернуться к волшебному озеру, которому принадлежало растение. Таким лукавым способом древние магические силы вырвали свое богатство из рук смертного. В древние времена все источники воды были заодно: ручейки, реки, фонтаны, ключи, озера и заводы были потоками великого мирового океана.

Король Эреха лег на берегу и заплакал. Он побывал там, куда не ступала нога человека, но и этого мало. Он держал тайну жизни в своих руках, но и этого недостаточно. Море не желало делиться своей властью. Даже величайший из смертных королей всего лишь слуга в царстве глубин.

Гильгамеш вернулся в свой город на равнине и прожил там долгие годы в почете и уважении. Но пришел день плача, когда он также лег с копьем и чашей под стенами города. И ничего не осталось от царя-воина, кроме его истории. И стены могущественного Эреха также превратились в прах. Только текут реки, омывая землю и постоянно принимая новые поколения морских скитальцев.

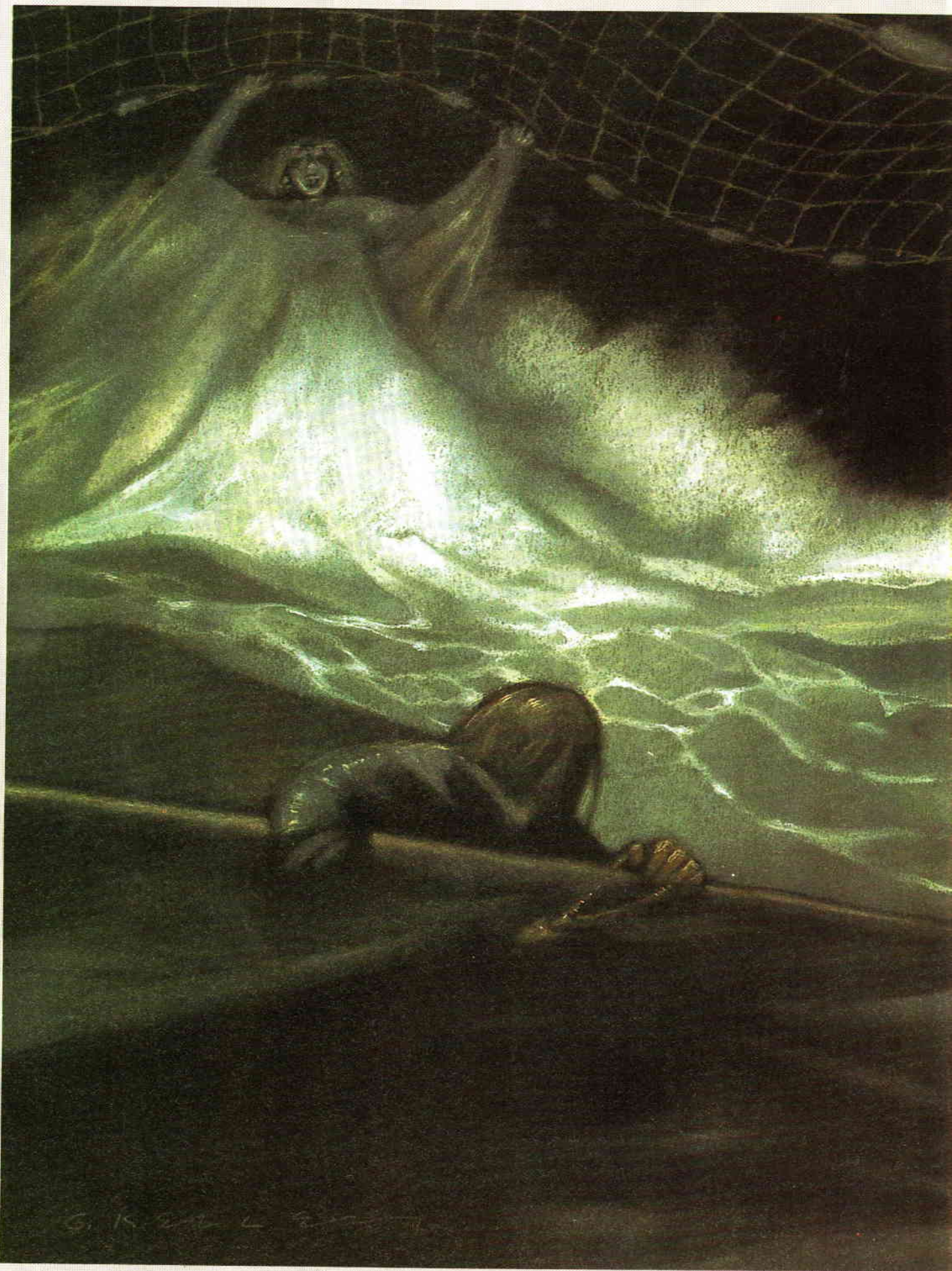
Моряки, которых утащила в пучину морская богиня, платили ей дань золотом, чтобы тени их могли пировать в

Бич Севера

В былые времена даже самые неустрашимые мореплаватели понимали власть подводного царства и платили дань уважения его духам: норвежцы, эти свирепые бродяги, которые были бичом Европы, преклонялись перед богами, которые управляли морскими глубинами. Из этих богов самым главным был гигант Эгир, имя которого означало «море». Он был господином океана — столь далекого от доступных человечеству берегов — и норвежские драконоголовые корабли были в его власти. Сам он был богом спокойных вод, но под водой, которая пенилась вокруг изогнутого носа норвежских кораблей, в золотом дворце, спрятанном на дне океана, жила Рана, супруга Эгира, «разбойница», жестокая богиня, жадная до человеческих тел и человеческих душ. Рана закидывала сети, чтобы поймать корабли и утащить их на дно. У нее было девять бледнолицых дочерей, которые превращались в волны и поглощали корабли. Смертные, пойманные Раной и ее дочерьми, погибали в ледяных объятиях океана, и только их одинокие души спускались под воду во дворец морских богов. Там они обитали как привидения, вдалеке от солнечного света, морского ветра и человеческого общения.

подводном дворце. Сквозь толщу воды было видно сияние этого золота, люди его называли «пламенем моря».

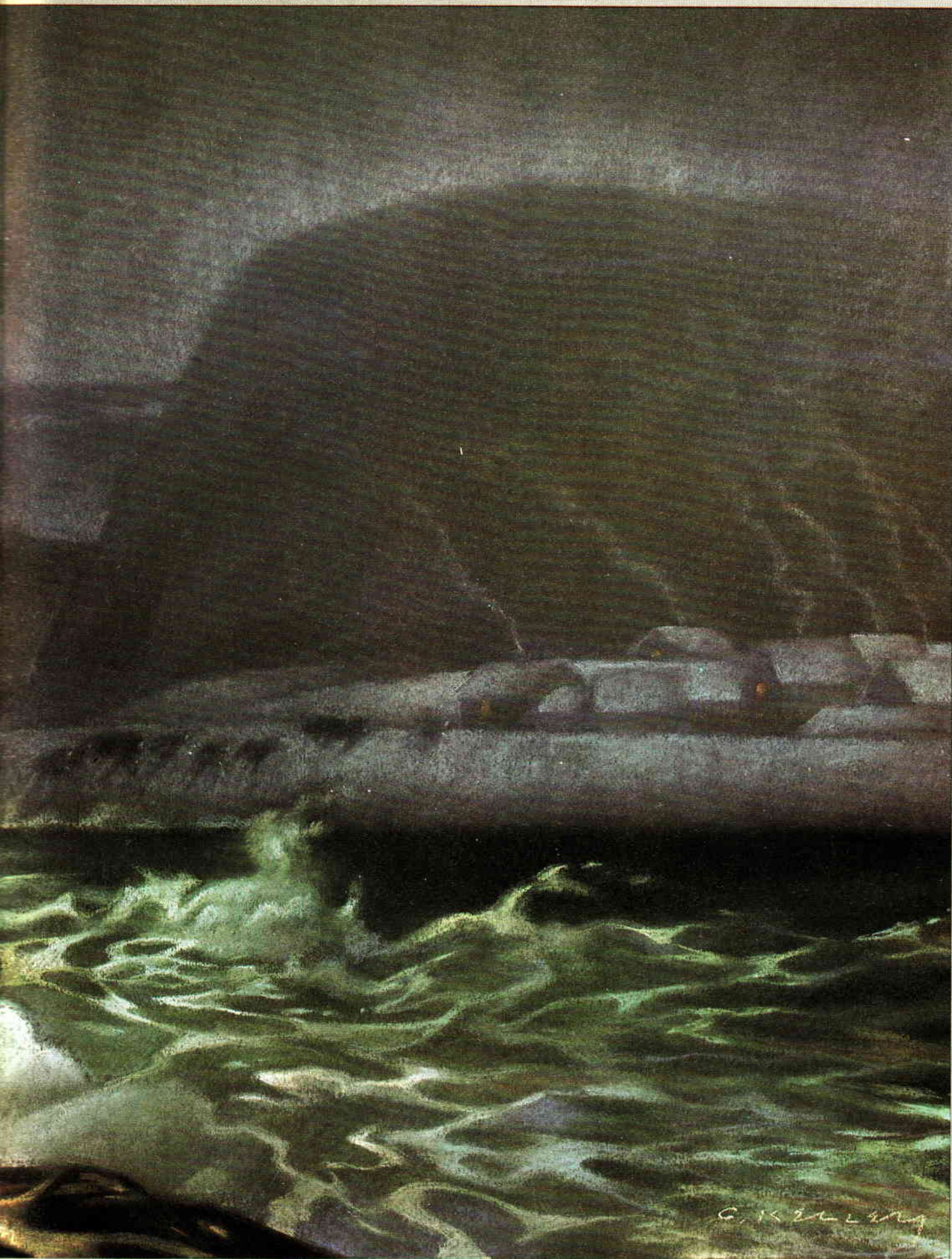
Из глубин морских поднималась богиня Рана, закидывая свои сети. Пойманные этой паутиной, несчастные,

последний раз взглянув на мир, платили дань золотом, чтобы их тени могли жить в подводном царстве.

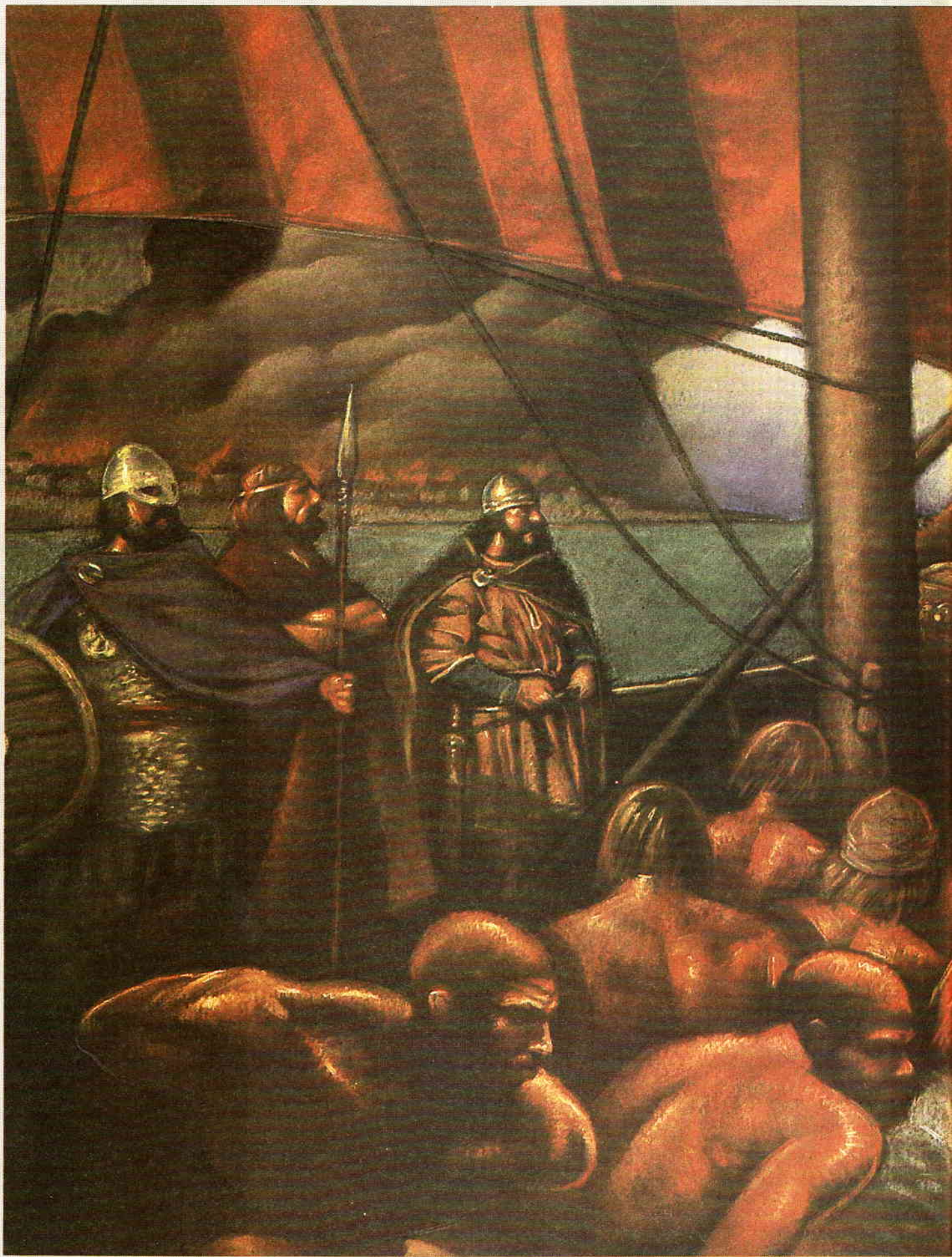

Зимними ночами призраки утоплеников появлялись у селений на

G. KILLING

морском берегу и принимали участие в новогодних празднествах.

Чтобы умиротворить морскую стихию, норвежцы приносили жертвы. После набегов одного из десяти пленников

посылали на дно морское, в пасть к богине Рانه, в надежде, что это обеспечит безопасное плавание остальным.

Глава вторая

Отважные в царстве морских богов

Самые ранние исследования морских просторов начались тридцать веков назад, когда боги управляли миром. Среди первых мореплавателей был Ясон, царь Иолка, что на северо-восточном побережье Греции. Он провел свою юность в пещере горы Пелион, под опекой кентавра Хирона. Ясона отправили к кентавру, потому что жестокий Пелий узурпировал трон его отца и родители боялись за жизнь мальчика. Когда же он возмужал, то спустился с гор и воззвал к дяде, требуя свое законное наследство. Это произошло в день праздника морского бога Посейдона, покровителя лошадей и потрясателя земли. Пелий, который объявил себя сыном Посейдона, не мог осквернить свои права убийством племянника, но он совсем не был склонен отдавать ему трон. Некоторое время он молча разглядывал Ясона, а затем сказал: «Привези мне

золотое руно, которое висит на дубе в Колхидском царстве. И отправляйся туда морем. Тогда я верну тебе трон».

Выполнить эти условия было невозможно. Путь в Колхиду проходил через Эгейское море, где правили непостоянные боги и духи. Чтобы добраться до золотого руна, надо было пройти через неизведанные земли, населенные существами, которых никто не мог описать. Сама же Колхида была далеко: она находилась на побережье Черного моря, вход в которое охраняли волшебные силы. И маловероятно, что колхидский царь оставил без присмотра такое сокровище, как золотое руно.

Но это было как раз такое приключение, какого жаждал Ясон. Кентавр Хирон был учителем героев — Геркулеса из Тирины, Ахиллеса и бога врачевания Асклепия, которые провели свое детство в темных, шумящих лесах Хироновой

горы, учась у него искусству врачевания, музыке и науке боя. Ясон согласился на эти условия и сразу принялся за дело: он разослал гонцов по всей Греции, созывая товарищей, которые охотно откликнулись.

На следующий год, апрельским утром, когда волны разбивались о каменный мол Иолкской гавани, команда Ясона собралась в путешествие. У края воды, опираясь на кожаные щиты, шурясь от солнца, стояли пятьдесят лучших воинов Греции. Среди них были Геркулес Сирийский, сильнейший из людей; хитрый Тезей Афинский, который убил Минотавра на Крите; Орфей из Фракии, который мог околдовать любое существо звуком своей лиры; Тифий из Беотийской Сифы, самый опытный рулевой; Навплий и Эвфем, сыновья Посейдона; спартанские воины-близнецы Кастор и Полидевк; остроглазый Линкей, который видел вещи, спрятанные под землей; лапиф Мопс, искусный в прорицании; Акаст из Иолка, сын Пелия, который против воли своего отца принял участие в походе; Аталанта из Калидона, сильная и длинноногая, знаменитая бегунья и охотница. Также и строитель Ясонова корабля был с ним — Аргус из Теспы. Имя его означало «быстрый», и корабль, который он построил, называли «Арго».

Сам корабль стоял на бревнах, в желобе, вырытом у самой кромки воды. Это была длинная галера, от-

крытая всем ветрам. На изогнутом бушприте была прибита ветка додонского дуба, который вырос возле храма, посвященного Афине, богине мудрости. Некоторые говорили, что сама Афина придала форму носу корабля и что дерево могло предсказывать людям их судьбу. На носу корабля были изображены вечно бодрствующие глаза.

В день отплытия были соблюдены все ритуалы. На берегу моря Ясон и его товарищи воздвигли храм Аполлону — богу мореплавания. Убив двух волов, они завернули их бедренные кости в сало. На алтарь в костер из оливковых веток было положено это приношение. В пламя, как подобало, они возлили вино и воду, что сделало его еще ярче.

После этого начался спуск «Арго» на воду. Вбив весла в кожаные крючья, герои потянули вперед корабль, «Арго» соскользнул с бревен в воду. Он слегка раскачивался в прибрежных водах, послушный волнам и ветру. Нос его издал призывный клич, как будто корабль радовался предстоящему плаванию. Люди поговаривали, что это кричало само священное дерево. Спустя мгновение вся компания расселась попарно по скамьям. Они смотрели, приветственно подняв вверх весла, как Ясон-капитан совершал последние жертвоприношения морским богам: он выливал мед и вино в воду вокруг корабля. Моряки прекрасно знали, что они вступают во владения, которые принадлежат могущественным и древним божествам, которым они всегда платили дань.

Греческие герои, отправившиеся на «Арго», рассчитывали на помощь божественных сил. На носу корабля были нарисованы глаза, которые должны были бдительно следить за врагами, а наверху была прибита дубовая ветка, хранившая дух богини Афины.

Когда вино было вылито, пятьдесят весел одновременно опустились в воду, и «Арго» двинулся навстречу утреннему солнцу, оставляя за собой пенный след. Со скалистого берега кентавр Хирон посылал им свое благословение и смотрел им вслед до

тех пор, пока «Арго» не превратился в точку. Когда солнце высоко поднялось, они повернули прямо в открытое Эгейское море.

Покрытый сосновыми лесами Скиатос остался по левому борту. Сзади подул ветер, и они, сложив

весла, установили мачту, укрепили ее продольными планками и распустили широкий льняной парус.

Теперь путешественники могли отдохнуть. На корме, крепко держа в руках рулевое весло, Тифий управлял движением «Арго», подгоняемого бризом.

И если мудрое око и следило за моряками из морских глубин, то признаков этого нигде не было видно.

Они двигались на северо-восток через Эгейское море, направляясь к Фригийскому берегу. Там они собирались вести переговоры о проходе через узкий Геллеспонт. Затем, если бы они смогли переплыть Боспор и достичь внутреннего моря, им осталось бы только достичь далеких берегов Колхиды.

Начало путешествия было отмечено хорошей погодой и ровным ветром, который позволил им отдыхать и любоваться сверкающим на солнце морем.

По Эгейскому морю были разбросаны скалистые острова. Они появлялись один за другим, сначала как темное пятно на горизонте, но по мере приближения приобретая все более четкие линии и краски. Мерцали серебром оливковые сады среди зелени поспевающего урожая. На скалистых холмах с корабля были видны пастбища. Затем все это таяло в голубом тумане, и другой остров возникал на горизонте, как мираж.

Несколько дней, однако, у них была тяжелая работа, парус могли использовать только тогда, когда дул попутный ветер. Когда подул встречный ветер, аргонавты разобрали мачту, убрали парус и склонились над

веслами. Орфей на носу корабля пел свои стансы.

Под парусом или на веслах аргонавты плыли вдоль берега или переплывали от острова к острову. Они плыли днем и приставали к берегу каждый вечер в устьях рек. Скрытые в этих заводях от пиратов и мароде-ров, они могли вытащить корабль на берег. Здесь они охотились и наполняли водой сосуды, и, наконец, тут же они спали рядом с «Арго» под звездным небом.

Подобные остановки были приятными, но их путь был отмечен и опасностями. Они должны были проскользнуть через Геллеспонт ночью, чтобы избежать встречи с воинами троянского царя, охранявшими пролив. На острове Арктонесс они сразились с шестирукими гигантами. Позже, когда их прибило к берегу штормом, на них напали воины, которых они убили. Однако утром они обнаружили, что воины эти служили мелкому царьку, который приютил аргонавтов несколько дней назад и был им сердечным другом.

Они запятнали себя невинной кровью и чувствовали гнев богов этой земли: над ними собрались грозные тучи, и ветер на море завывал двенадцать дней, швыряя волны на берег и заливая землю ледяным дождем. Погода улучшилась только после того, как они принесли жертвы Рее, матери той земли, которую они осквернили убийством.

Немного дальше от берега любимый товарищ Геркулеса Гилас был

обольщен нимфой и исчез с лица земли; обезумевший от горя Гераклес оставил друзей. На Салмидессе, в Восточной Фракии, аргонавты освободили царя от пыток гарпий, отвратительных крылатых женщин, которые опустошали его землю. Взамен старик рассказал им, как надо встретить главную опасность на пути — сторожей Боспора, пролива, который ведет к внутреннему морю.

Так что аргонавты снова вышли в море, гребя теперь под бесконечным проливным дождем, борясь с сильным течением Боспора. Они услышали грохот задолго до того, как что-либо увидели. Он был похож на раскаты грома, перерастающего в некое подобие оглушительного рева. Затем они увидели врага в клубящемся тумане и пенящейся вокруг него воде.

Это были Симплегады, или «сталкивающиеся скалы». Бессловесные древние творения моря, Симплегады — две черные горы, свободно плавающие по волнам. Когда мужи вступили в их воды, скалы, плававшие отдельно друг от друга, вдруг столкнулись с криком гнева и голода, который отдался эхом в Боспорских утесах. Брызги, долетевшие до «Арго», промочили насквозь мореплавателей, сжавшихся на корабле. Скалы столкнулись еще раз, создав течение, которое стало засасывать судно.

Тогда Эвфем, сын Посейдона — столь крепконогий, что говорили, он мог бы ходить и по воде — направился к носу корабля, стараясь сохранять равновесие. В ру-

ке он держал маленького окольцованного голубя, подаренного ему троянским царем. Голубь должен был послужить приманкой для скал-убийц и дать время морякам проскользнуть между ними.

Эвфем выпустил птичку, она вспорхнула и полетела прямо в щель между скалами. Чувствуя приближение голубя, они снова соединились. А в следующий момент аргонавты увидели птицу высоко в небе — невредимую, разве что со слегка помятыми перьями.

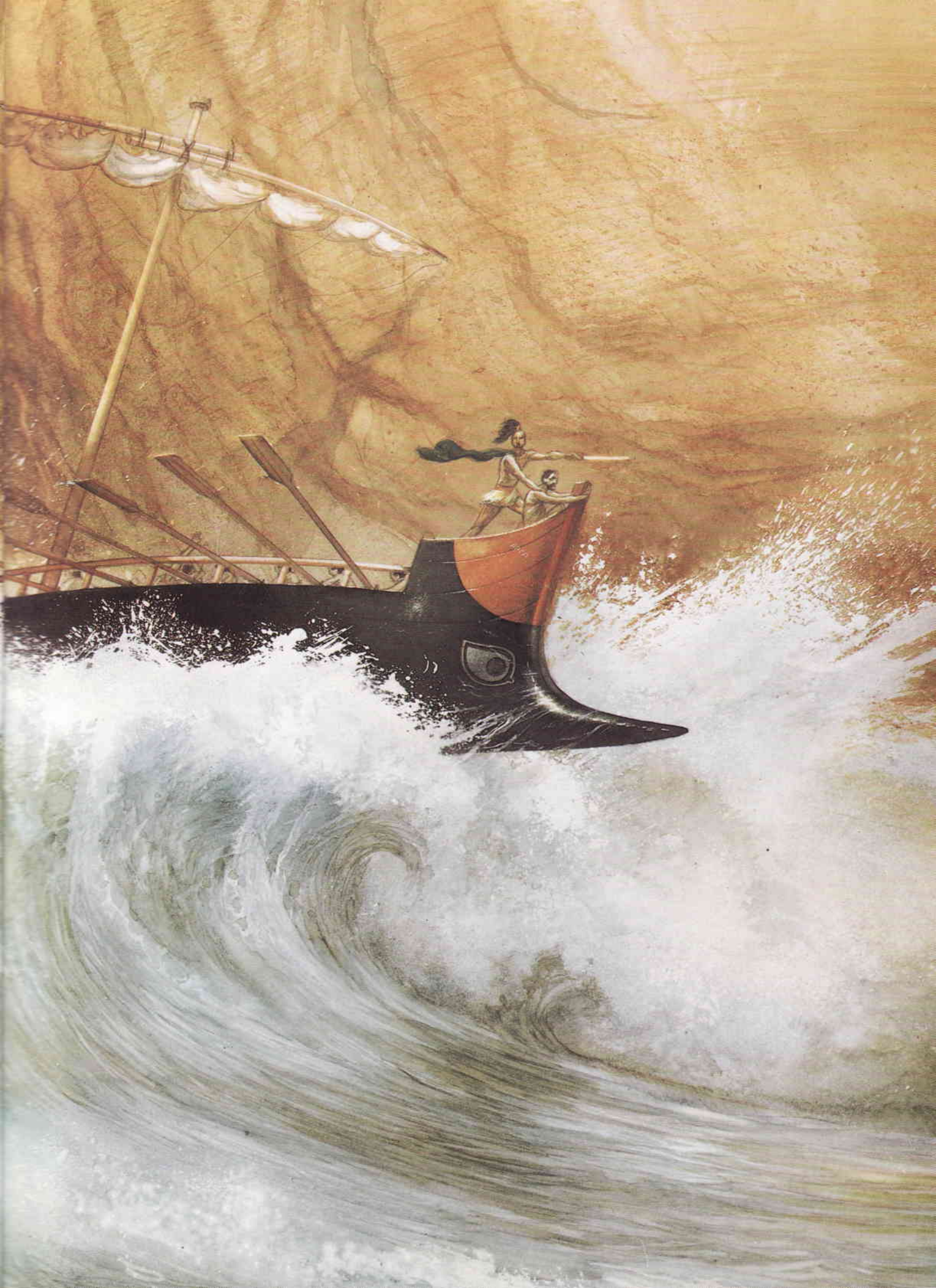
«Теперь!» — крикнул рулевой Тифий, и мужи склонились над веслами. Скалистая пасть зияла впереди, и течение засасывало корабль. Обманутые жертвой, Симплегады были в ярости. На секунду, как будто через окно в другой мир, аргонавты увидели широкое, спокойное море, простирающееся за этим препятствием; затем огромная волна, поднявшись, заслонила горизонт. С криком Тифий повернул «Арго» и направил его прямо на водяную стену. Нос корабля, вместе с прибитой к нему дубовой веткой, поднимался все выше и выше, невозможно высоко, до тех пор пока корабль не начал погружаться в море. Но волна только прокатилась под корабельным килем.

Теперь они были в море, и черные, омытые дождями скалы ринулись за ними.

«Арго» неся вперед, поднимаясь и опускаясь в гневной зыби, пока ослепляющий туман кипел и рвался вокруг мореплавателей. Со страшным ревом Симплегады столкнулись снова, скрежеща и визжа после удара. Но добычу свою они уже упусти-

На пути к Черному морю аргонавтов поджидали гигантские скалы, известные как Симплегады, — пара гранитных чудовищ, которые могли превратить любой корабль в щепки.

ли. Скалы отхватили только кончик кормы. Аргонавты достигли внутреннего моря.

Теперь воды были спокойны, и высоко над ними парил зимородок со сверкающими, как плащ, крыльями. Все стихло. Симплегады больше не двигались; они сомкнулись, и только беспокойная пена окаймляла их. Аргонавты совершили то, что никто из мореплавателей не мог сделать. Их подвиг исполнил древнее предсказание: Симплегады останутся навсегда неподвижными, если построенный смертными корабль свободно пройдет между ними.

Но исполнено это было только с божественной помощью. Герои позднее говорили, что видели, как из воды поднялась фигура белолобой Афины, когда огромная волна накинута на корабль; она спасла корабль, охраняемый веткой ее священного дуба.

то была вершина путешествия аргонавтов. Это был их единственный величайший триумф мореплавания — и последнее достижение, не оскверненное человеческим предательством. Аргонавты доплыли до Колхиды, где Ясон соблазнил дочь колхидского царя Медею. Искусная колдунья, она помогла грекам добыть руно и сбежала вместе с ними из родного дома.

Возможно, из-за этого бесчестия путешествие превратилось в трагедию. Как будто бы разозлившись, морские стихии все время досаждали

им на обратном пути. В чужих водах погибли лучшие и храбрейшие.

Что случилось, когда аргонавты наконец достигли дома, — это предмет споров. Некоторые утверждают, что Ясон преподнес золотое руно своему дяде и затем, по никому не известным причинам, спокойно удалился. Некоторые же говорят, что он убил Пелия с помощью волшебства Медеи и был изгнан из города за нарушение королевских прав. Но большинство соглашается в том, что он бросил Медею и доживал свой век в Коринфе, старый и одинокий, вспоминая подвиги своей молодости. Говорят, он вытащил на берег свой корабль и спал в его тени и умер, когда его раздавила прогнившая перекалина бушприта. Что до корабля, то он был счастливее своего хозяина. Доблестный «Арго» был так приятен богам, что они подняли его на небеса, для того чтобы он плавал над южными землями как сияющее созвездие.

То, что деревянный корабль послужил более славную судьбу, чем тот, кто на нем плавал, не удивляет историков ясоновой эпохи. Боги весьма капризны в своих деяниях, так как они могущественны. Человек мог быть величайшим героем среди равных себе, но для богов он был игрушкой, марионеткой. Те, кто управляет марионеткой, могут оказать милость своему фавориту или, наоборот, наказать его. Изменчивые божеества могут возвести несчастного смертного на вершину славы ради удовольствия увидеть, как он падает. Во всяком случае, так казалось лю-

дям, подобным Ясону, которые испытывали в жизни поразительный успех и сокрушительное поражение.

Древние видели, что бессмертные действуют во всех стихиях, но нигде так драматически, как на море. Их изменчивый нрав отражается в порывистом ветре, который терзает парус. Боги изливают свой гнев в штормах, которые обрушиваются на корабли. Затем боги смягчаются, и голубые просветы появляются среди истошенных и лохматых облаков, как улыбка сквозь небесные слезы. Мореплаватели мира объясняли изменчивость моря каждый на свой манер.

В то время как морские божества имеют всюду одинаковую сущность, порожденную водной пучиной, которая когда-то поглотила всю вселенную, люди давали им разные имена и по-разному описывали их деяния. Многих богов легенды прославляют как благодетелей человечества, несмотря на их непредсказуемое поведение. В глубокой древности вавилоняне чтили бога-амфибию Эа как покровителя искусств и властителя человеческих судеб. Говорили, что Эа находилась ночью в водах Персидского залива, но днем выходила на берег, чтобы научить человечество земледелию, письму и астрономическим знаниям. В Индийском океане обитала рыба-бог Варуна, чье дыхание становилось морским ветром. Моря вокруг Японии были домом доброжелательного Компиры, бога-хранителя моряков; моряки носили

его изображение на груди, а с японских военных кораблей выбрасывали за борт бочонки с монетами, когда они проплывали мимо храма Компирь в Котохире. Эти приношения подбирались рыбаками и приносились в храм, чтобы морская оборона Японии всегда оставалась сильной.

Характеры морских богов зависели от тех океанов, где они правили. Холодные воды северных морей, к примеру, укрывают отталкивающих скандинавских богов Эгира и Рану, пожирателей душ, которые коллекционируют тела утонувших людей в своем подводном королевстве. И наоборот, подвижные греческие морские боги отражают капризный характер теплого Эгейского моря — то голубого и сверкающего, обращенного спокойным и любящим ликом к небесам, то штормящего разрушителя.

Старые боги, которые управляли этими водами, были так же хаотичны, как и их творение. У них была тысяча имен и более тысячи ликов, и они сами были столь же изменчивы в своих формах и характере, как водная стихия. Отцом всего живого, как говорили греки в старину, был Океан, омывающий мир, а мать — Тетис, его супруга. От них произошли морские божества. Из них старейший — Нерей, известный своими пятьюдесятью прекрасными нимфами-дочерьми, nereидами, которых иногда видели играющими в волнах со сверкающими раковинами в волосах.

Другим был Форкис, отец морских чудовищ. Еще один из морских божеств — Протей был самым неуловимым из всех, так как его облик постоянно менялся. Он мог появиться в

Бог океана управлял зыбью морской из золотой колесницы. Посейдон — имя этого морского бога.

облике человека или рыбы, или в виде пламени на поверхности воды, или в виде водяной пыли над волнами.

И правил ими морской бог Посейдон, сын и победитель самых древних богов, титанов. Брат Зевса, господина воздуха, и Диса, царя подземного, Посейдон управлял облаками, ветром, волнами, мог позволить мореплователю легко пересечь свои владения или погубить его. Он был повелителем штормов, господином потопов и землетрясений. Люди верили, что его дворец находился в сверкающей пещере на глубине Эвбейского пролива, к востоку от Греции. Говорили,

что он появляется в золотой колеснице, запряженной сотней лошадей — белых, золотогривых, с медными копытами. Посейдон был столь же плодит, сколь и вода, которой он правил: сотни морских и островных существ были его детьми. Среди них были морские нимфы, порожденные nereидами; крылатая лошадь Пегас, дитя Медузы, змееголовой Горгоны; некоторых родили смертные женщины. Некоторые, как одноглазый гигант Полифем, были злыми чудовищами.

Нимфа или лошадь, человек или чудовище, все они — доказательства бесконечной плодovitости моря. Власть Посейдона защищала их и на-

казывала смертных, которые осмеливались причинить им вред.

Из людей, рассердивших бога, самый известный — Одиссей, вождь Итаки, коварный воин греческой армии, которая победила в Троянской войне. Когда война закончилась и Троя превратилась в дымящиеся руины, Одиссей отправился домой, командуя двенадцатью военными галерами, не очень отличающимися от «Арго» Ясона. Путешествие должно было быть относительно простым. Корабли покинули Трою и отправились на юг через Киклады, вокруг Пелопоннеса и наверх, вдоль западного берега Греции к Итаке. Такое

путешествие обычно длилось несколько недель. Из-за Посейдона оно заняло у Одиссея десять лет.

Одиссея соответствующе и называли: «жертва неприязни». Но он не был невинной жертвой. Умный и смелый Одиссей был безжалостен и страшно лжив. Годы, проведенные в лагерях и в битвах, ожесточили сердца его спутников. Греки сами навлекли на себя несчастья.

Они все еще жаждали боя, когда покидали Трою. Вместо того чтобы направиться на юг, они повернули на север, к берегу Фракии. Они разграбили город Измарос, уничтожив почти все его население. После битвы

далеко за много миль был виден дым, повисший над разрушенным городом. Греки отправились вместе с награбленным, спрятав его под корабельные лавки, но эта добыча им дорого стоила. Очевидно, они вызвали гнев богов, так как едва только они вышли в открытое море, как на них обрушился шторм. Корабельные паруса были изорваны в клочья губительным ветром, а весла сломаны.

Столь сильным был этот шторм, что корабли Одиссея отнесло далеко на юг, в жестокие, злые воды, которые омывали мир. Путь Одиссея можно проследить по карте, но ни одна морская карта не отразит того таинственного царства, где бродил Одиссей, мест, где жива была еще древняя магия и играли дети богов.

Морегаватели могли еще вернуться домой, если бы Одиссей не оскорбил морского бога. Оставив большую часть флотилии в безопасном месте, воин предпринял налет на Сицилию — в то время пустынную землю, где в беспорядке были разбросаны скалы и скудные пастбища, населенную одноглазыми гигантскими пастухами, называемыми Циклопами. Даже здесь этот плут Одиссей украл овцу и козу и выколол единственный глаз одному из пастухов. Затем он бежал вместе со своими компаньонами, унеся животных на корабль.

Полифем, один из многочисленных сынов Посейдона, был совершенно одичавшим существом. Он мчался, завывая, вслед

за захватчиками, когда они удирали на корабль. Но они взобрались на палубу и спустили корабль на воду раньше, чем он смог их настичь. Одиссей оглянулся и прокричал ему свое имя, так, чтобы Полифем знал, кто его одолел. Гигант упал на колени на скалистом берегу и воззвал к богу. «Слышишь, отец, — визжал он. — Сделай так, чтобы мой враг Одиссей вернулся домой как можно позже, на чужом судне, потеряв всех своих товарищей».

Одиссей смеялся. Но Посейдон услышал. Не успел дерзкий грек присоединиться к своей флотилии, как море задрожало под кораблями и воды обрушились на них.

С этого времени путешествие Одиссея превратилось в скитание от острова к острову и от кошмара к кошмару. Тоска по Итаке и собственному дому все возрастала, но что это значило по сравнению с враждебностью богов. Позже рассказывали истории об острове каннибалов, которые пожрали людей Одиссея и разгромили их корабли камнями; только корабль Одиссея, который бросил якорь вдалеке от берега, избежал разрушения. Обладая сильным инстинктом самосохранения, Одиссей убежал со всеми оставшимися людьми.

Следующим пристанищем единственного оставшегося корабля был остров Эя, управляемый Киркой, матерью колдунов. Она превратила греков в свиней, и Одиссей остался без товарищей. Тем не менее он спасся: он соблазнил волшебницу и в конечном счете подарил ей троих

детей. Она вернула его спутникам человеческий облик.

Кирка согласилась отпустить греков при условии, что их капитан докажет свою доблесть, отправившись в царство смерти, расположенное за туманной землей вечных сумерек.

И Одиссей сделал это. В царстве смерти, в туманной роше черных тополей и плакучих ив, он принес в жертву барана и черную овцу, как научила его колдунья. Запах жертвенной крови привлек толпу жаждущих призраков, хрупких, как тени, и хнычущих, как дети. Первым появился спутник Одиссея, погибший в плавание; там была его мать и все товарищи, павшие под Троей. Они собрались группами, и Одиссей дал им испить крови.

«Выносливый муж, — сказала Кирка, когда Одиссей вернулся. — Большинство воинов считают, что достаточно одного такого путешествия. Придет день, когда ты совершишь второе».

Она улыбнулась своей таинственной улыбкой и шепнула ему в назидание слово. Затем она освободила его и его людей и призвала ветер, который подгонял бы их в пути.

Кирка направила их туда, где правил Посейдон. Но, играя честно, она предупредила Одиссея об этом. Один день они мирно плыли по спокойным водам. Над ними скользили снежные облака; яркие рыбки выпрыгивали из воды около корабля, и волнующаяся вода блестела под килем. Уже позже, когда стремящееся к западу солнце завершало свой путь над водой, ветер утих и далеко впереди возник силуэт острова.

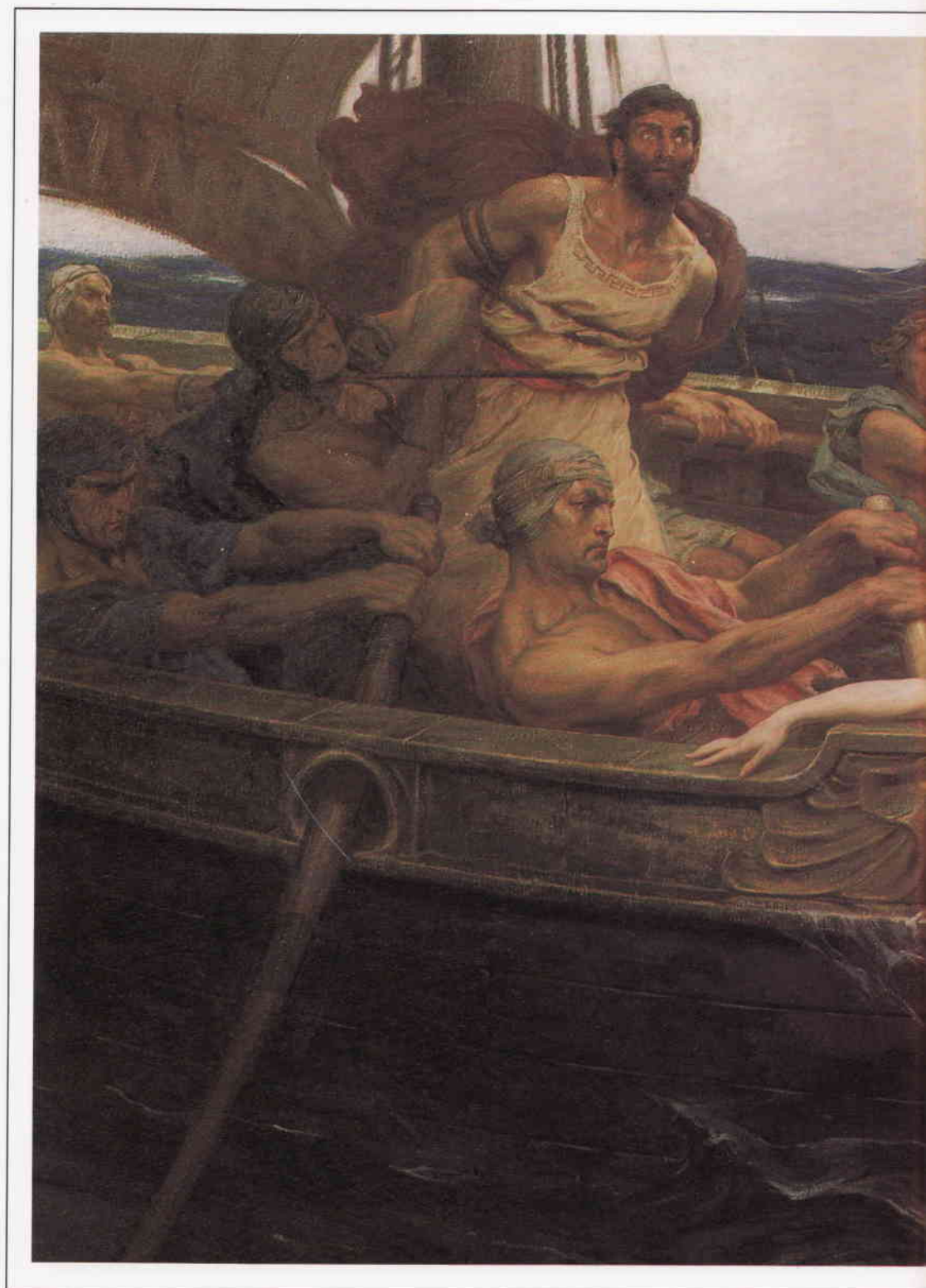
Затем Одиссей сделал так, как учила его колдунья. Он заставил моряков заткнуть уши воском, который употреблялся для ремонта, так, чтобы они могли слышать только биение своего пульса. Но так как он знал, что произойдет, и хотел слышать музыку, он приказал привязать себя к мачте для безопасности. Остров впереди был цитаделью морских сирен, более прелестных, чем кто-либо из смертных женщин, более страшных, чем кто-либо из колдунов, более жадных до человеческой крови, чем призраки.

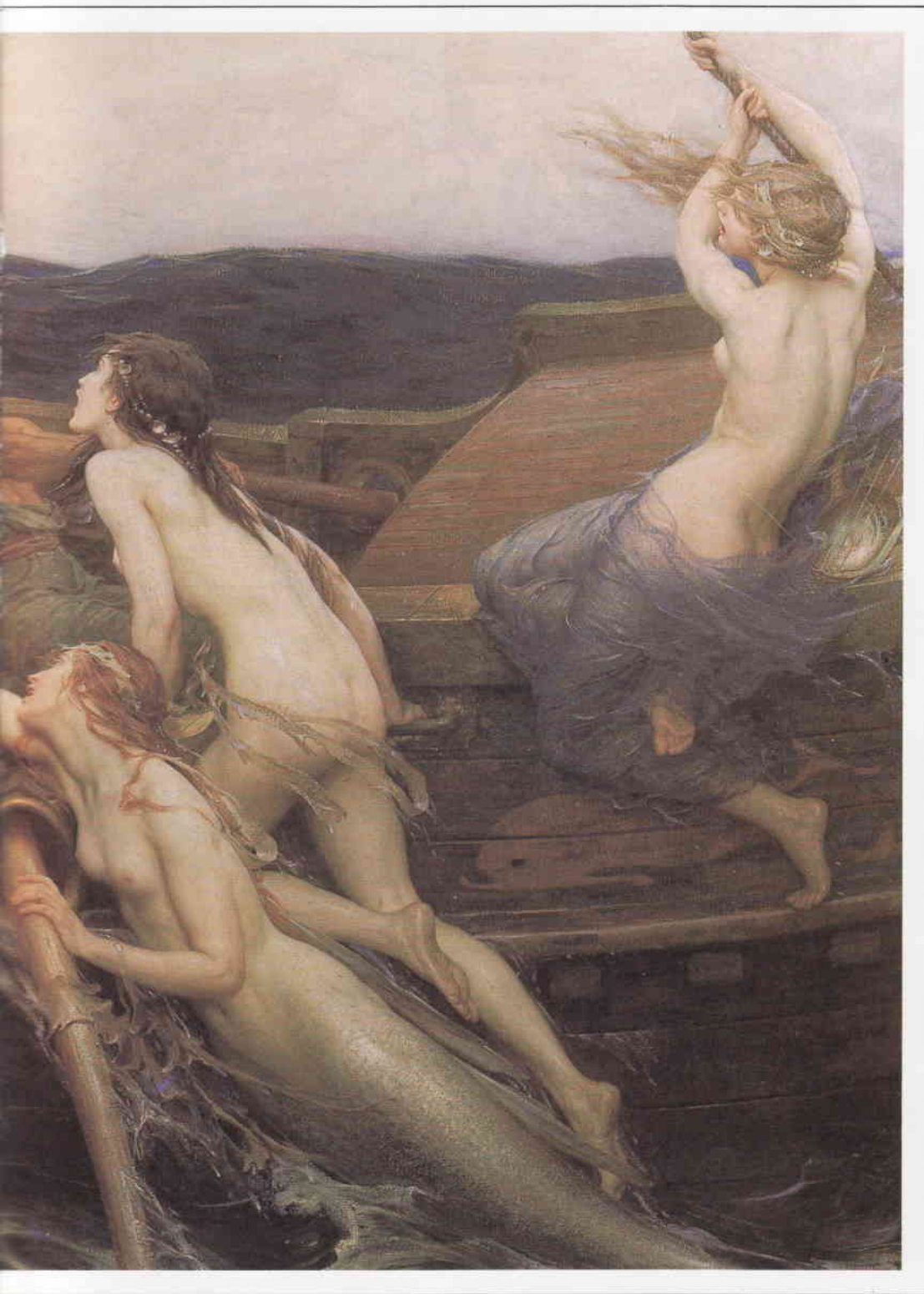

Оряки гребли. Привязанный Одиссей ждал. Остров приближался. И вот над водой, легкая, как утренний ветер, полилась музыка, прекрасная мелодия, в которой переплетались лучшие из звуков мира — морской бриз, шепот камышей, нежное шуршание весеннего дождя. Гармония трепетала в воздухе, Одиссей напрягся в узах, почти крича от боязни пропустить хоть один звук.

Но когда корабль достиг острова, Одиссей начал плакать и нетерпеливо рваться в своих оковах. Хотя остров был всего лишь нагромождением скал, омываемых волнами и усеянный костями и черепами моряков, которые побывали здесь раньше, Одиссей велел пристать к берегу.

Появились певички, и они были прекраснее любой из смертных женщин, милее, чем жена или богиня. Они пели и звали к себе, и смертный, казалось, тонул в их прозрач-

*Морские нимфы своим пением, сводящим с ума,
стремились завлечь Одиссея в смертельные объятия.*

Когда-то прекрасная Сцилла была превращена в шестиголовое чудовище, пожирающее мореплавателей. Избежавший ее челюстей, рисковал быть поглощенным водоворотом под названием Харибда.

ных глазах. Он взывал и рвался. В ответ сирены прыгали в море, и их струящиеся волосы и белые тела мелькали в прозрачных водах. Длинные пальцы вцепились в борт, и песня заполнила все вокруг.

Но моряки упорно гребли. Они не слышали волшебной мелодии, но они видели кости мертвецов на берегу. До тех пор пока женщины и их остров не остался позади, до тех пор пока их капитан не прекратил бороться, мужи не осмеливались распутать его путы и освободить его.

Они покинули владения сирен только для того, чтобы столкнуться с новыми бедами. Станный, изменчивый и подобный сну путь вел в земли, где таились на границе мира смертных древние хищники.

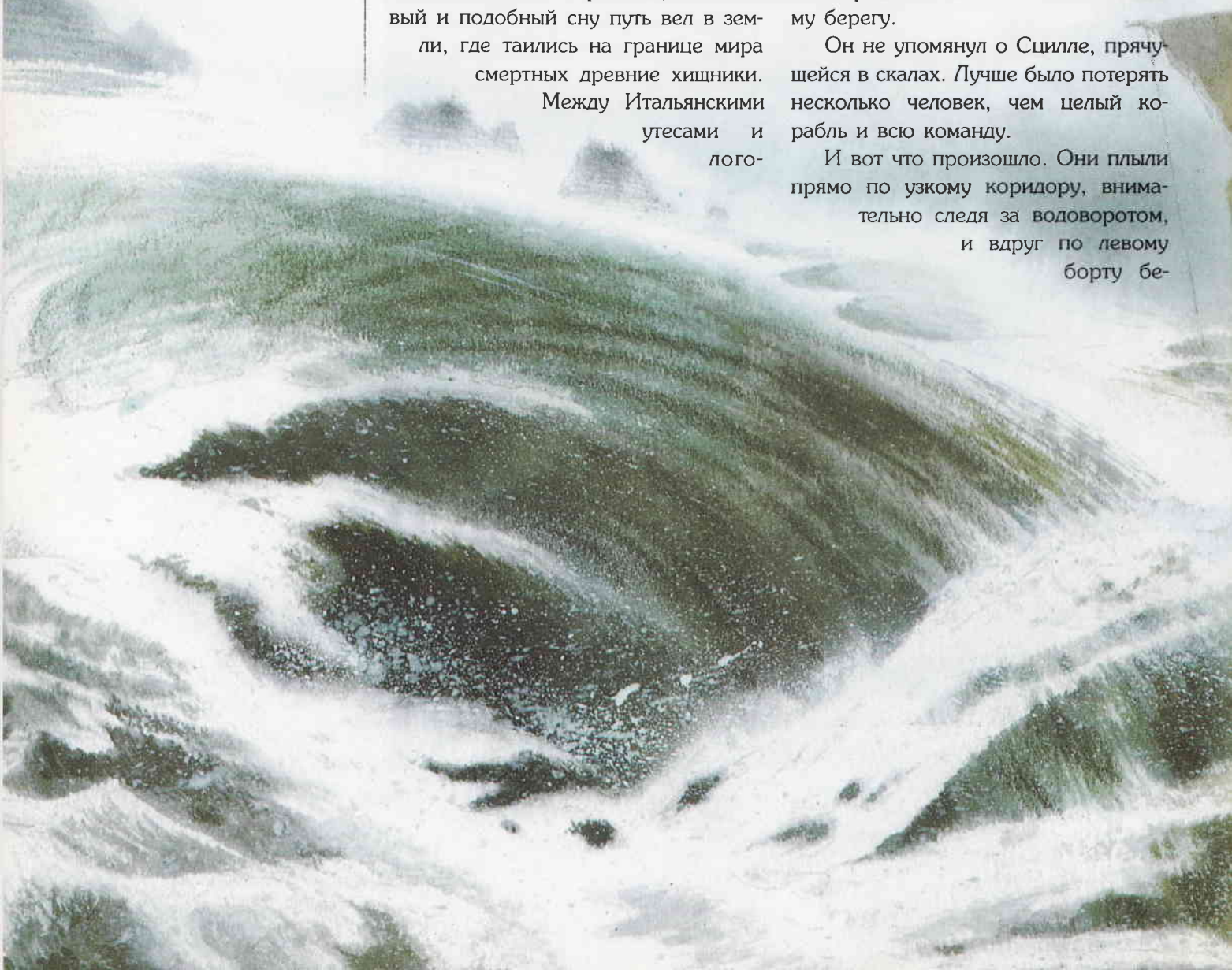
Между Итальянскими
утесами и
лого-

вом Сциллы появился Мессинский пролив, и путешественники оказались в его темных водах. На материке в пещерах обитало шестиголовое морское чудовище Сцилла, пожирающее людей; рядом в водах пролива находился водоворот Харибда, поглощающий корабли.

Гребя против сильного ветра, они вошли в пролив. И сразу по правому борту увидели бурлящий водоворот. Харибда просыпалась. И вместе с ней ее голод. Когда она с шумом начала всасывать море, открылось черное дно и вздрагивающая и задыхающаяся рыба на дне. Одиссей приказал держаться поближе к итальянскому берегу.

Он не упомянул о Сцилле, прячущейся в скалах. Лучше было потерять несколько человек, чем целый корабль и всю команду.

И вот что произошло. Они плыли прямо по узкому коридору, внимательно следя за водоворотом, и вдруг по левому борту бе-

шено ударила Сцилла. Ее лапы царапнули борт, зацепили несколько моряков и подняли их в воздух. Она была огромна, шесть ее голов пускали слюну и рычали. Несчастные мореплаватели, раскачивающиеся в ее лапах, жалостно зывали к капитану, но Одиссей ничего не мог сделать, только приказал грести вперед. Сцилла убралась обратно в свою пещеру, набив пасть людьми, круша их кости и превращая их тела в кровавую кашу.

И новый ужас ждал выживших. На следующий день поднялся шторм. Молния, сверкнувшая зигзагом, попала в корабль, разбросав горящие доски и перекладыны по воде. Одиссей — единственный, кто остался в живых. Он вцепился в обломок мачты и дрейфовал много дней под палящим солнцем и холодной, бесстрастной луной, пока, наконец, не был выброшен на берег одного из островов, разбросанных в море. Это было укрытие, украшенное лугами, где росли высокие ирисы, ольховая и тополиная роши отделяли землю от берега. Здесь Одиссей отдыхал — некоторые говорят, пять лет, некоторые — семь, — в компании хозяйки острова, дочери Океана по имени Калипсо. Ее чары привязали его к этому таинственному месту на время, но не смогли заглушить тоску по дому. День за днем он сидел на берегу, глядя вдаль, и наконец Калипсо отпустила его, чтобы он снова вышел в царство Посейдона.

Его корабль теперь не был пре-

красной галерой. Это был плот из связанных стволов деревьев, снабженный мачтой с льняным парусом. Одиссей построил его сам бронзовым топором, который дала ему Калипсо.

Плывя в одиночку через океан, все время держа руль в руках, он тем не менее не мог не спать. Ночью он ориентировался на низкие звезды Плеяд и следил осторожно за Орионом-Охотником. Днем он внимательно высматривал, нет ли в море опасности. Но все, что он видел, — это бесконечная зыбь, простирающаяся до горизонта. Человек на плоту — не больше чем пылинка на безбрежных водах, но Посейдон все-таки его заметил. На семнадцатый день бог с силой дунул ему в спину. Ветер вырвал весло из рук Одиссея, и волны превратились в когтистые лапы. Белые гребни обрушились на голову Одиссея, соленая вода обжигала его. И сжигая легкие, он погрузился во тьму.

Затем, говорят рассказчики, море показало свой капризный характер. Чья-то рука схватила Одиссея и подняла его из воды. Прозрачные глаза с минуту смотрели на него, и раздался голос, перекрывший грохот волн. Это была Левкофея, богиня, исполненная жалости к жертвам моря. Она накинула ему на голову зеленое покрывало в знак своей защиты. И так, защищенный волшебством, он легко плыл по течению.

Оно вынесло его на странный берег, серый в утреннем свете. Одиссей встал на ноги в мелководье, дрожа от холода и истощения. Зеленое покрывало упало и исчезло. Затем, нетвердо ступая, он пошел вдоль гряды камней. Это было бы слишком жестоко: выжить в открытом море только для того, чтобы умереть у кромки воды.

Наконец он нашел проход среди утесов и ступил на скалистое дно ручья, впадающего в море. По журчащей воде Одиссей, шатаясь, добрался до места, где на берегу росла трава и ивовые заросли спускали свои длинные ветви в воду. Здесь Одиссей вышел на берег. Он был гол, но это не имело значения. Он упал на землю, заснув сразу же, как только его голова коснулась травы.

Его разбудил плеск воды. Смущенный, он уставился на шатер из листьев, вспыхивающих то желтым, то зеленым светом в солнечных лучах. Он выглянул из своего убежища. Кожаный мяч скакал по поверхности воды. Рядом на кустах колыбалось нечто белое — туники, и покрывала и постельное белье, развешанное на солнце. И около воды танцевали женщины — не бледные морские нимфы или темные островные колдуньи, а свежие, прелестные смертные женщины. Они смеялись. Это они стирали белье, которое висело вдоль берега, и они играли в мяч, пока оно сохло. Они были такие полнокровные, такие веселые, спокойные и беззаботные, что сердце Одиссея сжалось; их смех с новой силой напомнил ему о доме.

Он прикрыл свою наготу зеленой веткой и вышел к ним навстречу. Женщины остановились. Самая юная, робко хихикая, спряталась, но высокая вышла вперед и серьезно сказала: «Здравствуй, странник из моря».

«Вы видите перед собой, прекрасные женщины, моряка, потерпевшего крушение вдали от дома, — представился Одиссей. — Что это за место и где бы я мог найти приют?»

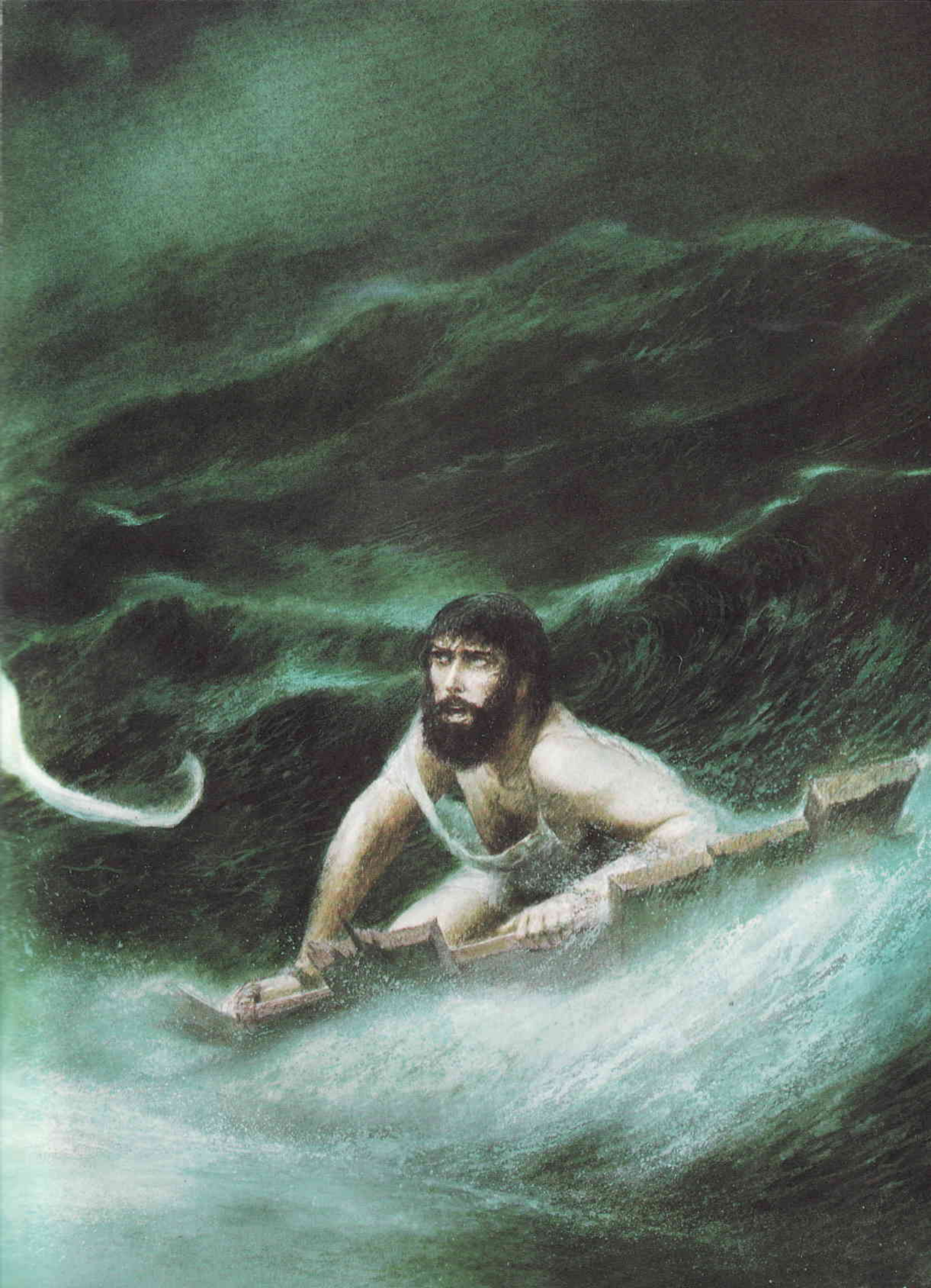
Даже истощавший и голый, с водорослями в бороде, Одиссей мог быть очень мил. Девушка улыбнулась и проговорила: «Место это — остров Схерия, где живет народ феаков. Я — Навсикая, дочь царя, и я могу отвести тебя к нему». Она приказала своим девушкам собрать белье. Затем вся компания прошла по траве к дорожке, которая вела во дворец царя Алкиноя.

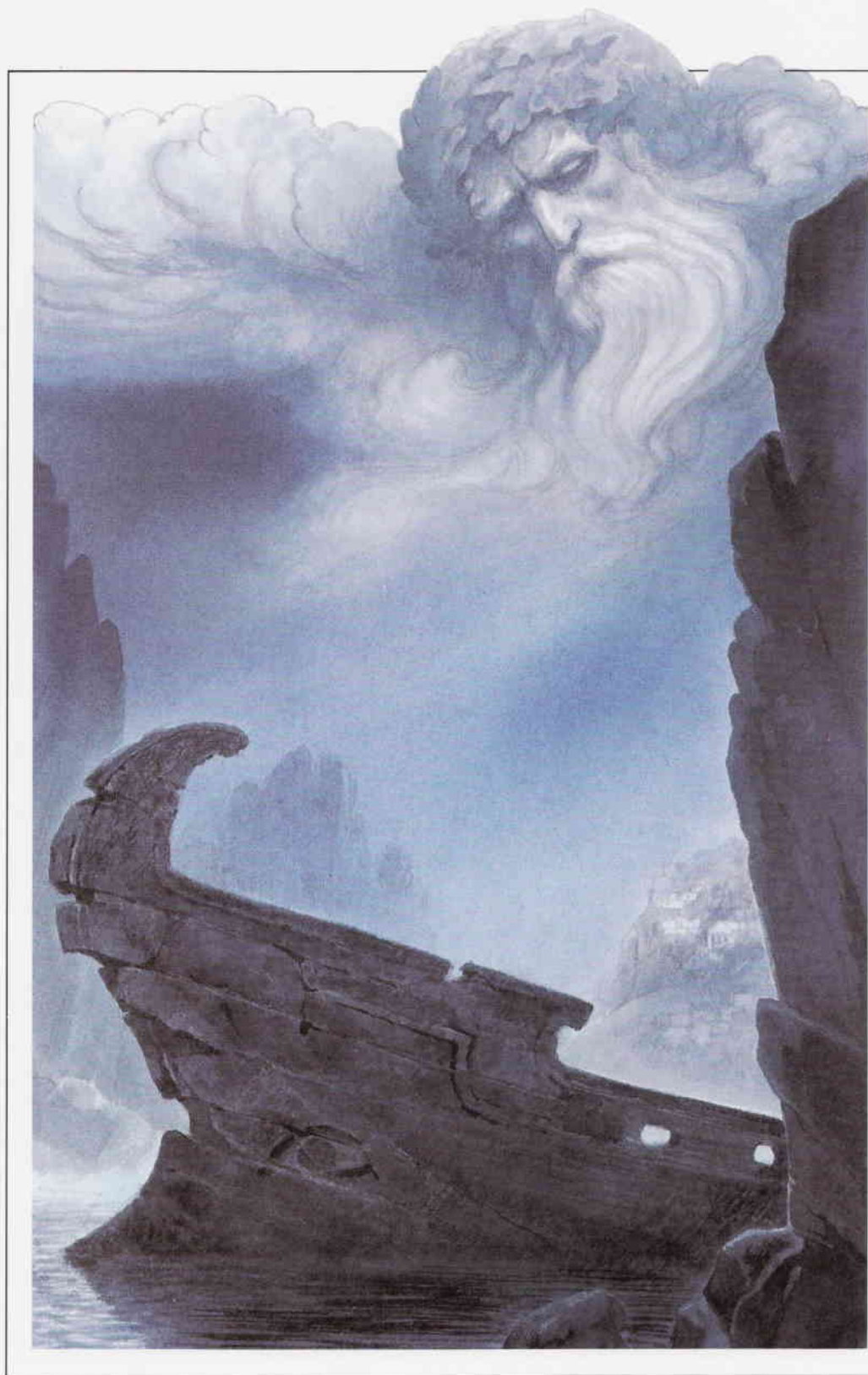
Во дворце Одиссея встретили как дорогого гостя. Его отвели в баню, одели и накормили. Никто не спросил его имени. Во дворце царя этим вечером Демодок пел о Троянской битве и о героях, которые там прославились; он назвал Ахилла и Патрокла, его друга, и неуклюжего Аякса, и умного Одиссея.

Песнь закончилась. «Я — Одиссей, который сражался у Трои, — сказал гость. — Теперь я стар, и борода моя седа, но я помню все подвиги моей молодости». Осада Трои началась двадцать лет назад и про-

Брошенный в волны, когда гневный Посейдон разрушил его корабль, Одиссей получил неожиданную помощь от другого морского божества. Левкофея, белая богиня, поднявшись из воды, снабдила его волшебным покрывалом.

*Когда Одиссей сбежал от него, Посейдон жестоко наказал
мореплавателей: он превратил их и их корабль в камень.*

должалась десять лет, и Одиссей, преследуемый Посейдоном, бродил еще десять лет. Он был согнут, это правда, но не сломлен — и был Одиссей сладкоречив. Четыре часа, пока царь и все окружение слушали его, как дети, огонь уже почти погас, воин рассказывал им истории своей молодости.

Ему воздали честь за это. Троянские герои воспевались десятилетиями. Это были самые доблестные греки. Алкиной обещал исполнить любое его желание, и Одиссей попросил о возвращении домой.

И устроено это было роскошно. Алкиной предоставил прекрасную галеру и команду к ней. Он отправил Одиссея на юго-восток от Схерии, к Итаке. Истощенный к концу своих скитаний, старый воин спал все время плавания; и не проснулся даже тогда, когда галеру вытащили на берег Итаки. Феаки вытащили и его на берег и оставили досыпать в оливковой роще, а сами отправились обратно домой. Но они не думали о гневe Посейдона. При входе в родную гавань корабль и вся команда были обращены в камень морским богом, которого лишили его жертвы.

Одиссей же вернулся домой как раз так, как просил сын Посейдона, — лишенный всех своих товарищей, привезенный на чужом корабле, в бедственном положении. Он был стар и беден. Его не узнали, так сильно он изменился. Он обнаружил свою землю раздираемой восставшими мужами, которые соперничали из-за руки его жены, с тех пор как ре-

шили, что он умер. Он доблестно разбил их и вернул себе жену и царство.

Но смерть пришла и за Одиссеем. Согласно одному сказанию, чужеземцы напали на Итаку, как когда-то сам Одиссей нападал на острова в молодые годы. Старик вышел на бой и был убит на берегу копьем, сделанным из жала рыбы-ската. Юнец, который его убил, был его собственным сыном от волшебницы Кирки.

И примечательно, что Одиссей умер рядом с водами, омывающими его землю. Долгое время народами приморья правили морские боги. Со временем, однако, смертные, становясь сильнее, забыли о власти, которая неоднократно напоминала людям, подобным Ясону и Одиссею, об их ничтожестве. И настал день, когда люди разучились понимать морских богов. В честь божеств больше не устраивались празднества, не приносились жертвоприношения и не совершались возлияния: теперь их только вспоминали в песнях и историях.

Однако опасности, которые подстерегают смертных, с годами не становятся меньше. Хрупкие галеры греков кажутся карликами по сравнению с огромными судами поздних времен, но даже эти гигантские корабли не устоят против ветра и волн. Но и другие опасности таятся в глубинах древних морей, поджидая, пока смертные отважатся отплыть достаточно далеко от берега.

Чудовища первобытного мира

Мореплаватели стремились покорить океан, изгнать его духов, но гигантские твари первых дней творенья долго таились на пустынных берегах и в морских глубинах. Невероятно древние, исполненные злобы, эти животные становились главными персонажами рассказов моряков.

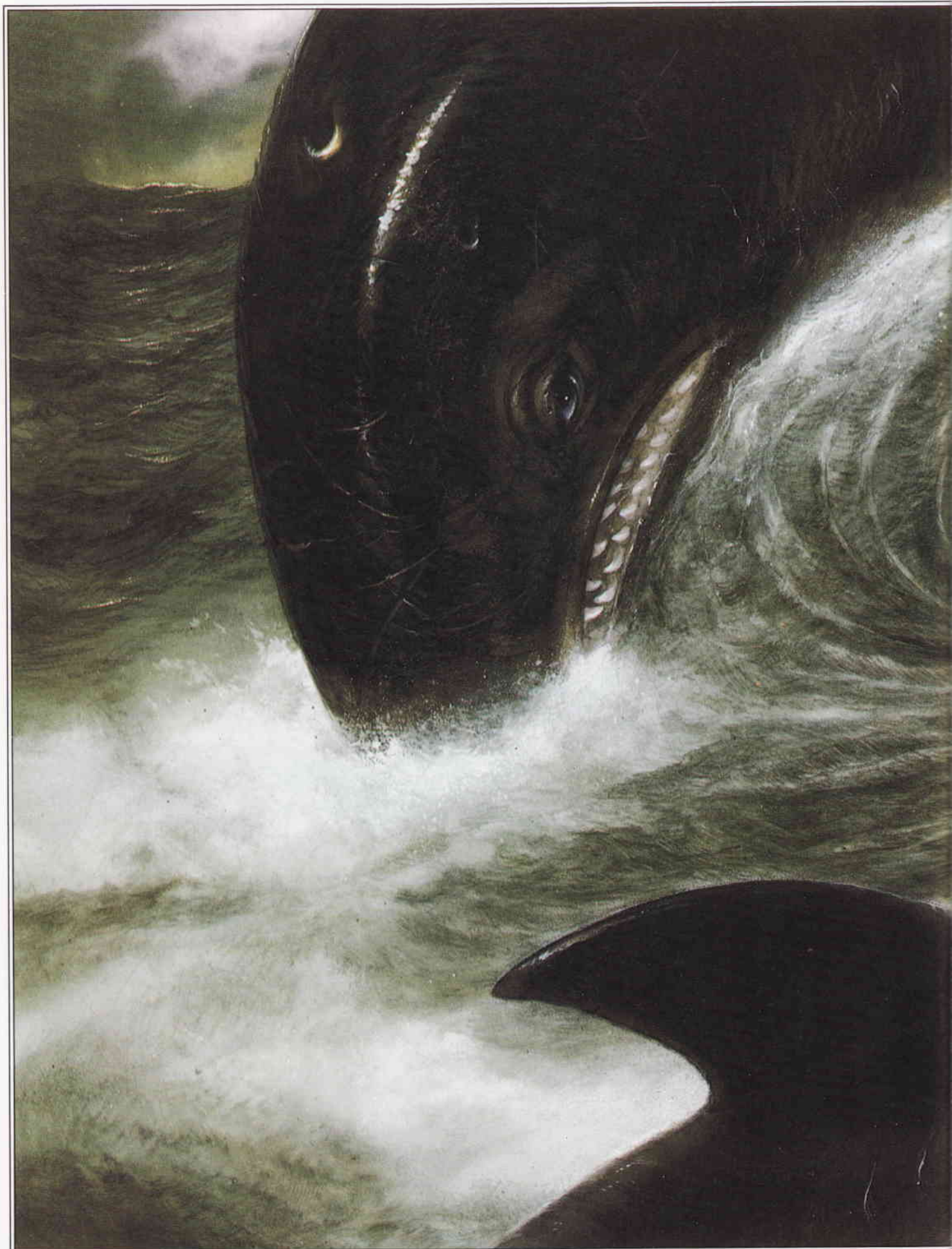
Так, песни моряков северных стран рассказывали о змеях, скрывающихся в ледяных пещерах. Нападение этих тварей было молниеносным. Перед смертью их жертвы видели только круги на воде, раскачивающуюся голову над мачтой и зияющую пасть, жаждущую живой плоти.

The background illustration depicts a dramatic scene on a stormy sea. A large, multi-masted sailing ship is being tossed by massive, white-capped waves. In the lower-left foreground, the massive, greenish-brown head of a sea monster, resembling a giant squid or cuttlefish, emerges from the water. It has long, sharp, white teeth and is reaching towards the ship. In the middle of the water, a small, dark, cylindrical object, possibly a barrel or a small boat, is being tossed around. The overall atmosphere is one of danger and chaos.

Морской разбойник

Рассказывая о чудовищах, древние хроники упоминают Тибурона. У него были акулы зубы, острые, как ятаган, но никакая акула не могла бы похвастаться зубами таких размеров. Ростом с маленький фрегат, он следовал за кораблями, уходящими далеко от земли, и не оставлял надежды морякам добраться до берега. Ничто не могло спасти этих несчастных. Тибурон пожирал их, и его желудок становился их могилой.

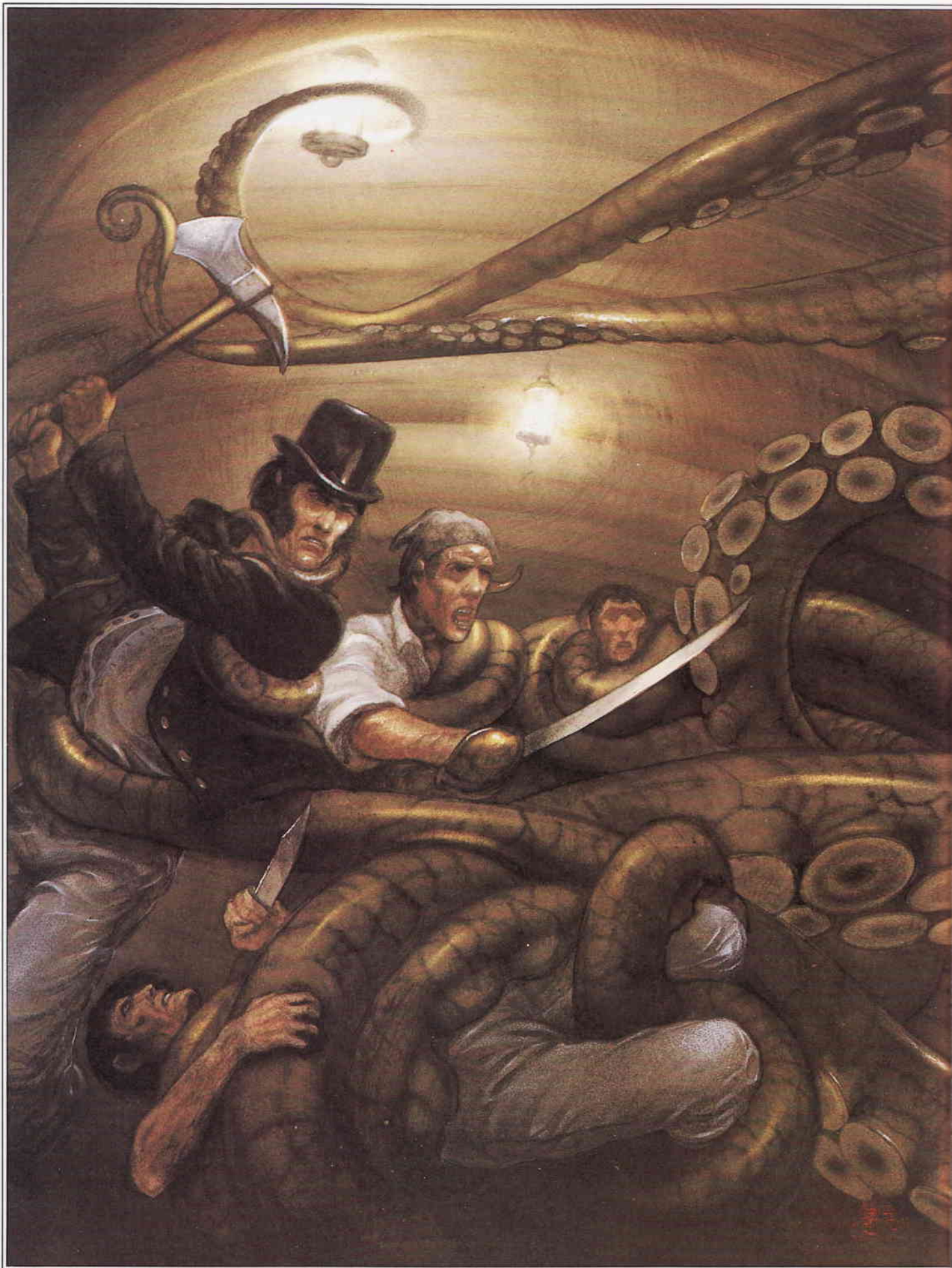

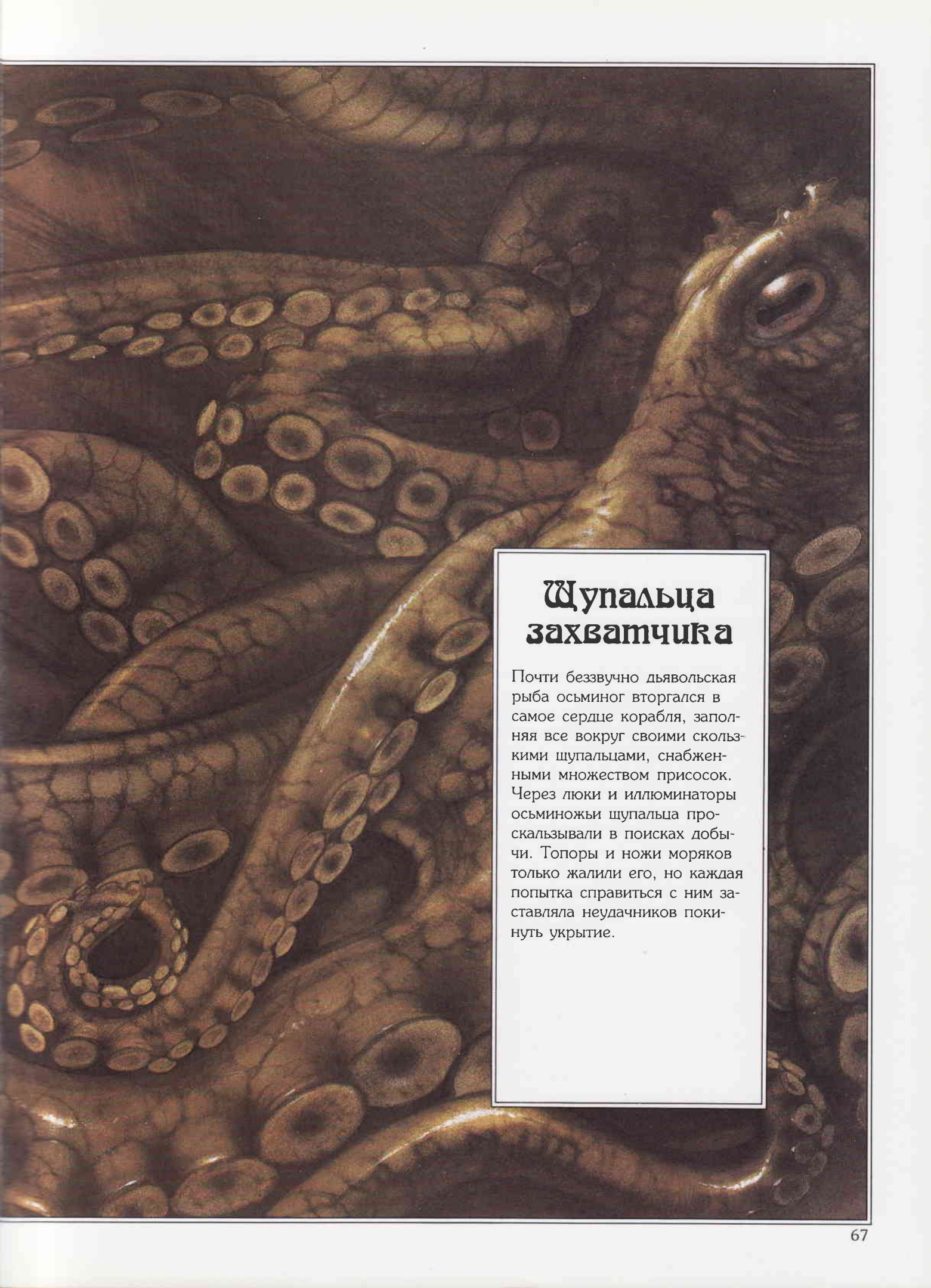

Водоворот- приманка

Горе мореплавателям, которых узрел Левиафан. Тварь столь огромная, что превышала размерами самого большого кита, он занимал обширное пространство на дне морском.

Когда голод поднимал его на поверхность, как рассказывали истории, это сулило верную смерть морякам. Свернувшись в огромное кольцо, он образовывал водоворот, который засасывал корабль в холодное и бессолнечное морское царство.

Щупальца захватчика

Почти беззвучно дьявольская рыба осьминог вторгался в самое сердце корабля, заполняя все вокруг своими скользкими щупальцами, снабженными множеством присосок. Через люки и иллюминаторы осьминожки щупальца проскальзывали в поисках добычи. Топоры и ножи моряков только жалили его, но каждая попытка справиться с ним заставляла неудачников покинуть укрытие.

Глава третья

Гнев ветра и волн

то всегда случилось в период с полуночи до четырех утра. Это длинные, медленные и тоскливые часы, когда единственная компания моряка — ветер и вода, когда его товарищи спят внизу, когда его собственные силы на исходе. Тогда и приходит беда, порожденная ночным ветром и принесенная приливом. Это время, когда море отпускает своих мертвецов.

Однажды мартовской ночью, много лет назад, сельдь вышла к Доггер Бэнк — в мелкие воды Северного моря между Англией и Данией — и несколько британских рыболовных судов бросили здесь якорь в ожидании утра. Среди них была и «Мария», прекрасная шхуна из Халла; рядом стояла маленькая «Вероника» из Уитби. В первые же ночные часы с севера с весенним приливом пришел шторм. Под напором завывающего ветра порвалась якорная цепь «Марии». Корабль двинулся прямо на «Веронику» и пробил ее борт. «Мария» была сильно повреждена, «Вероника», с огромной дырой в боку, накренилась, захваченная морем, и потонула, унеся в морскую пучину всю команду.

«Мария» вернулась в Халл на ре-

монт на следующий день. Команда корабля была подавлена. Некоторые говорили, что на руках капитана теперь кровь, потому что это его корабль принес несчастье. Они оставили корабль. Однако капитан снова вывел в море «Марию», как только она стала пригодной к плаванию, и как-то вечером, спустя месяц после описываемого события, он снова бросил якорь в Доггер Бэнк.

Апрельская ночь была прекрасной. Звезды, серебряные и далекие, сверкали на небе. Когда появилась луна, ее рога были подняты вверх, так что она казалась чашей, из которой не проливается вода, — признак того, что дождя не будет. Когда зашевелились ночные зephyры, флаг захлопал на мачте и вода зашептала вокруг корабля. Не было других звуков, кроме разве что случайного вздоха или стога какого-нибудь деревянного судна.

В это время палуба мерцала в темноте. Фонарь, висевший на фок-мачте, отбрасывал кружочек желтого света, светились огоньки папирос. Матросы смотрели на звезды и думали каждый о своем. Вдруг что-то зашевелилось в воде.

Вокруг корабля из воды поднима-

лись фигуры: бледные люди, с блестящими от воды лицами, одежда на них свисала лохмотьями, молчаливые люди, чьи темные пустые глазницы были устремлены на шхуну «Мария». Они парили над водой, раскачиваясь, подобно пламени свечи. Затем один за другим они поднимались ввысь. Белые пальцы схватились за поручни. Перепрыгивая через перила, они безмолвно заполняли палубу. И лица их были слепы. Кого-то снесло ветром к рулю, и он легко скользил по нему руками, как будто правил. На носу, скользя в свете фонаря, другие забрасывали в море несуществующие сети. Они вытаскивали сети из воды, но ни одна рыбка не забилась на палубе «Марии».

Час за часом на глазах у живых, замеревших от страха, мертвецы усердно трудились. Только когда слегка порозовело небо на востоке, они закончили свой труд. Фигуры задрожали и поблекли; они стекли, подобно воде, через перила и упали в воду, без единого всплеска исчезнув из виду.

Как будто очнувшись от сна, вахтенные наконец зашевелились. Вызвав капитана, они рассказали ему о том, что видели. Он только передернул плечами и отправил их заниматься своими делами. Ему пришлось принуждать команду работать в этот день, и когда пришло время, он сам встал на вахту. Так что капитан видел призрачную команду; он знал о ее происхождении, но не сказал об этом морякам ни слова.

Однако моряки говорили только о странных существах. Это были привидения моряков с «Вероники», кото-

рая теперь лежала под ними на морском дне. Не погребенные, они не находили успокоения, и именно «Мария» отправила их на дно. Когда шхуна проходила над ними — это был вызов для мертвецов, зовущий их на поверхность.

Капитан отвел «Марию» обратно в Халл, и там он потерял свою команду. Он набрал другую, но когда он пришел с ними за рыбой в Доггер Бэнк, призрачная компания появилась вновь. После этого все меньше и меньше людей выходило с ним в море. Даже самые жалкие из приморских бедняков отказывались служить на «Марии», и в конце концов он оставил ее навсегда в Халле. Что случилось с ним — история умалчивает. Что касается «Марии», то она сгнила на своей стоянке и позорно сгинула на дне.

Такие истории были общеизвестны; моряки часто рассказывали о морских привидениях, этих призраках боялись больше, чем каких-либо монстров, так как они считались предвестниками смерти. Вот почему люди отказывались служить на шхуне «Мария». Ни один моряк не хотел бы видеть свою собственную смерть.

В море смерть никогда не была слишком далеко. Даже когда морские боги превратились в легенду, моряки чувствовали, что находятся во власти сил, не доступных человеческому пониманию. Когда моряк выходил в открытое море, он постоянно сталкивался с волшебством. Скользя по

морской глади, они видели всюду проявления таинственной жизни: море было самым непостоянным из творений. То ветер сладко поет, и воды легко несут их вперед; то, по не понятным никому причинам, ветер воет неделями, и волны обрушиваются на корабль. Или еще хуже: корабль может стоять без движения, представляя собой игрушку, прикованную к мерцающему зеркалу водной глади.

И всюду их поджидает опасность. Моряк может умереть от голода; цинга может высосать все его силы; его корабль может погибнуть в огне. Недалеко от Ньюфаундленда айсберги размером с гору таятся невидимо у туманных берегов. К северу от Норвегии сталкивающиеся течения образуют злобный водоворот, называемый Мальстрем, а у шотландского берега кружится другой водоворот, который называют просто «Ведьма» (как говорили старушки на побережье, это был дом кельтских морских богов). В Южном полушарии западные ветры воздвигают семидесятифутовые волны, которые могут поглотить корабль. И это только некоторые из морских кошмаров.

Смерть на воде — ужасная смерть: холодные пальцы моря хватают моряка, затягивая в свои недобрые объятия, лишая его рассудка и заполняя его легкие болью. Мореплаватели верили, что море требует человеческие жизни. Так сильно было это убеждение, что мало кто из них учился плавать, объясняя, что быстрая смерть лучше, чем смерть после многих часов борьбы с неукротимой

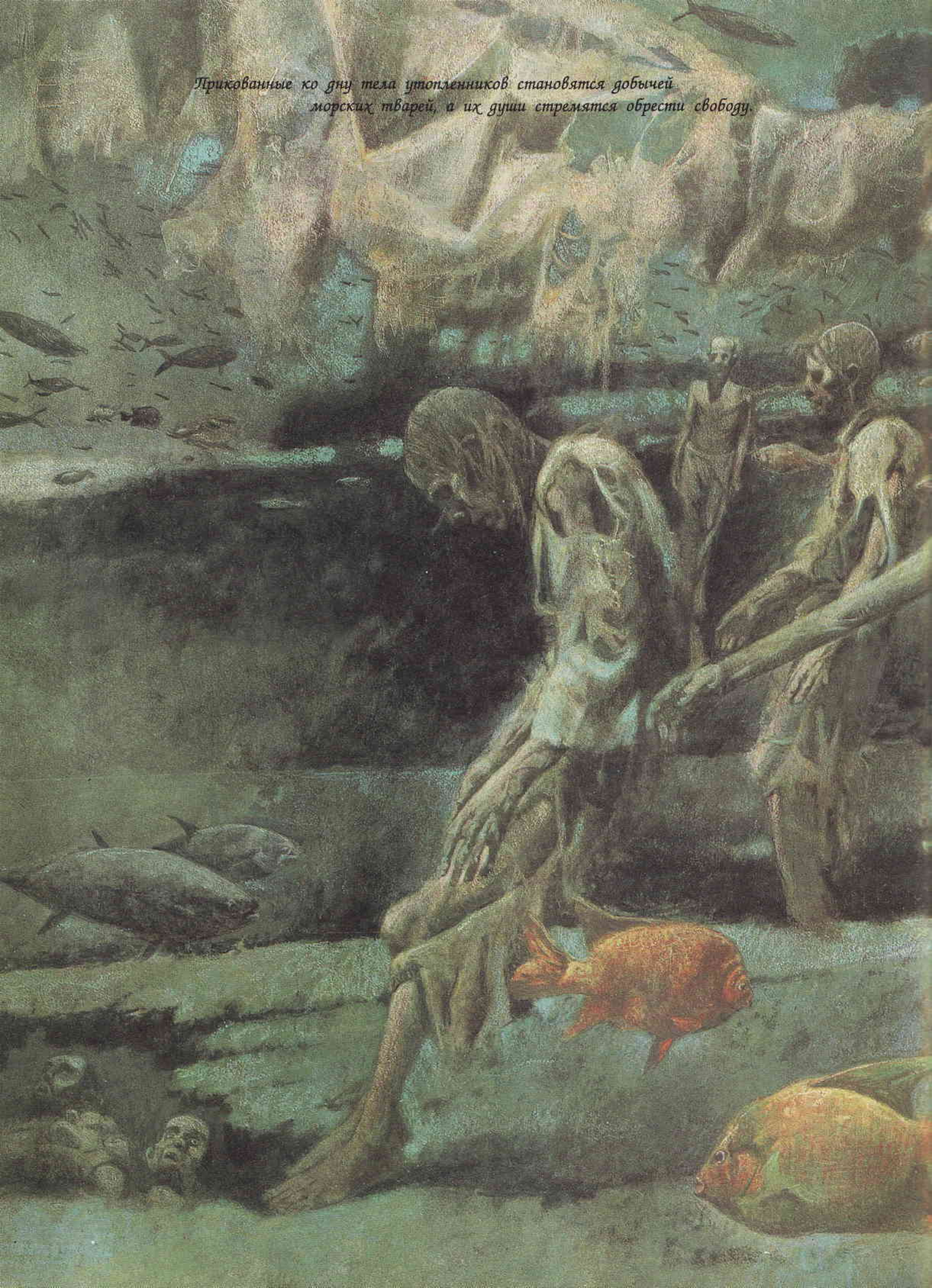
морской властью. И многие боялись рисковать. Упустив одну живую душу, море будет искать другую.

в конце жизненного пути моряка ждала могила на холодном океанском дне, вдали от солнечного света, где тело перекачивается и колыхается в подводных течениях, где рыбы выедают глаза моряку и коралловые ветви прорастают сквозь его кости. Моряки называют такую могилу — сундук Дэви Джонса. Говорят, что «Дэви» — искаженное от «даффи» — африканское название привидения, а «Джонс» — от имени библейского Ионы, которого пожертвовали морю, чтобы избежать шторма. Другие говорят, что это название произошло от имени индийской богини смерти — Дэва Локка. Но никто не знает этого определенно.

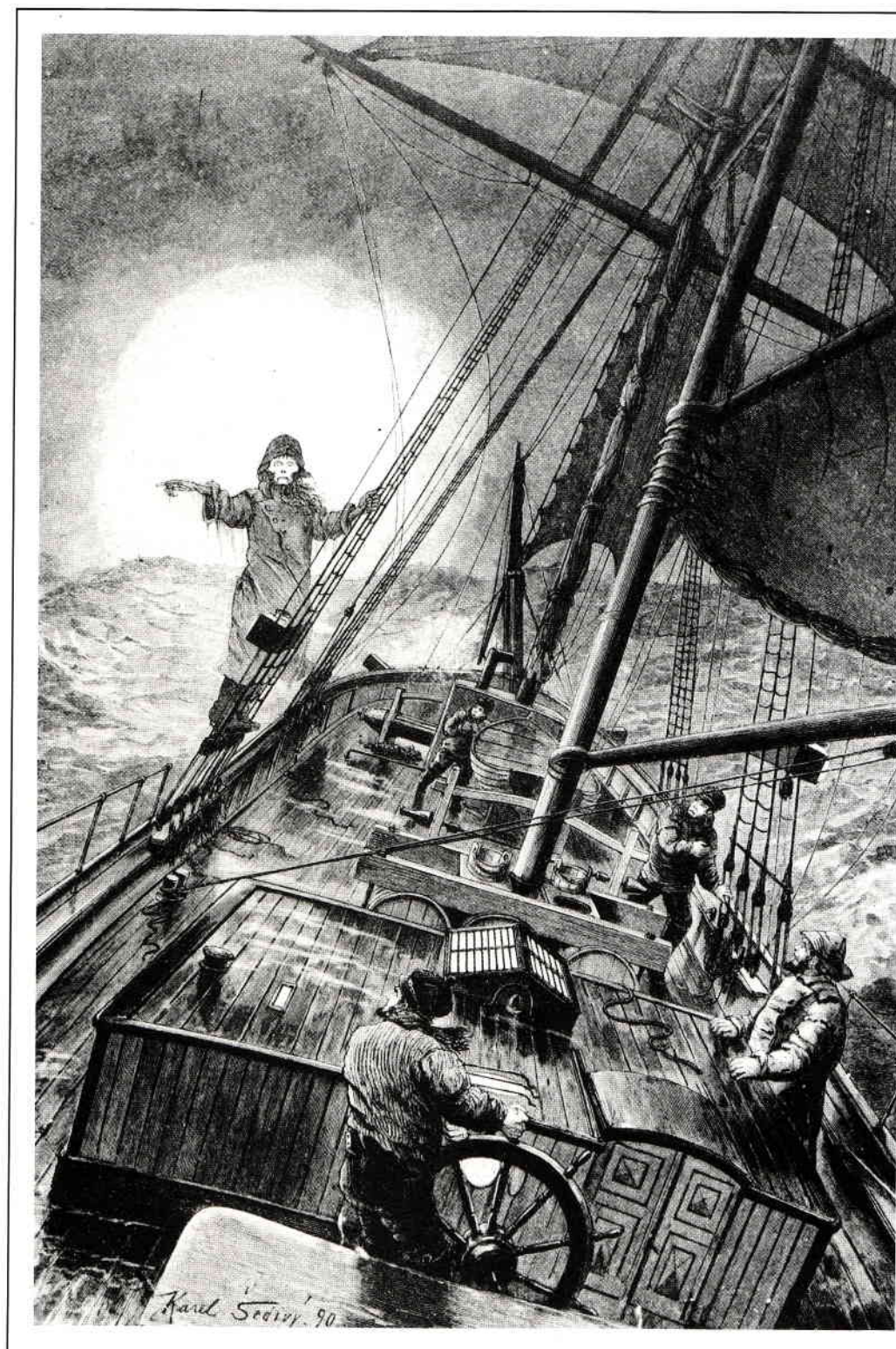
Те, кто выходит в открытое море, хорошо понимают его власть и стараются защитить себя, насколько это возможно, при постройке и спуске на воду корабля и во время плавания. Например, в северных странах киль должен лежать на священной земле — на месте жертвоприношений старым богам или, в более позднее время, рядом с христианскими святынями. Постройку начинают в благоприятный день. В языческие времена это неизменно была среда, день, посвященный верховному богу Водану и носящий его имя. Позднее поклонение Водану было забыто, но многие христиане по-прежнему начинают строить корабль в среду, а не в четверг, названный по имени Тора,

*Прикованные ко дну тела утопленников становятся добычей
морских тварей, а их души стремятся обрести свободу.*

Привидения утонувших моряков могут внезапно появиться
на плывущем корабле. Их вид приводит в ужас, потому
что они могут увлечь живых в морскую пучину.

бога штормов; и не в пятницу, названную по имени Фрейи, которая предводительствует валькириями, охотницами за душами. Строители кораблей также ждали дня, когда светит солнце и дует западный ветер: именно такой день необходим, чтобы корабль получился крепким. Они выбрали месяц, когда луна прибывает, а не убывает, и такой день, когда прилив поднимается, а не убывает.

Но древним обычаям в кораблестроении использовали только хорошее дерево — и веками предпочитали одну и ту же породу. Галлы и греки предпочитали дуб (считалось, что он защищает от молнии) или сосну, когда-то посвященную морским богам. Украшали корабли яблоней, столь священной в древности, что человека могли лишить жизни за срубленное дерево, или остролистом, который долгое время считался защитником от зла. Но никогда не использовали черное ореховое дерево: оно считалось дьявольским, притягивающим молнию.

Законченный корпус корабля снабжали нарисованными на носу глазами, охраняющими, как считалось, от злых волшебников. Позже глаза заменили резными фигурами, олицетворявшими душу корабля и также защищавшими моряков от бед. Часто это была женская фигура с обнаженной грудью, в память о древнем поверье, что шторм отступит, если женщина перед ним обнажится. И когда корабль был готов и оставалось дать ему имя и спустить на воду,

необходимо было выбрать благоприятный день, так же как и при начале постройки. Корабелы молились о том, чтобы в этот день над ними вилась стая чаек, так как это были души погибших моряков, и их крики означали благословение. Церемония спуска корабля на воду в давние времена не обходилась без крови: викинги кропили свои корабли человеческой кровью, греки кровью животных. В христианскую эру корабль благословлял священник и его кропили вином. Когда корабль был спущен на воду, мастер клал серебряные монеты у подножия мачты как дар ветрам.

Это были только робкие попытки призвать богов на помощь или отвести божественный гнев. Те, кто плавал в старину — рыбаки, купцы, исследователи, всеми способами старались защитить себя от смерти на воде. Лучшей защитой был человек, рожденный в сорочке — тонкой пленочке, которая иногда покрывает голову новорожденного младенца. «Сорочку» тщательно сохраняли, и когда ребенок подрастал и выходил в море, он брал ее с собой, так как, пока цела эта «сорочка», корабль никогда не потонет. Другие амулеты — это золотые серьги в ушах моряков, железные подковы на палубе и метла, привязанная к мачте.

Правила, регулирующие поведение на борту корабля, были еще одной формой защиты против морских бедствий. Был важен порядок, не только потому, что он приносил эффект, но и потому, что хаос в мире смертных вызывал космические беспорядки. Никто не свистел на корабле — разве что во время штиля, —

Не оставляла следов женщина, которая бродила вдоль
Корнуоллского берега по ночам в поисках своего погибшего дитя.

потому что свист, по древним представлениям, призывает ветры.

В Шотландии и других странах определенные звери и люди на корабль не допускались: свиньи, возможно, потому, что они ассоциировались с отвергнутыми языческими обычаями; зайцы, ласки и лисицы потому, что их вид могли принимать колдуны — враги моряков; лосось — по никому не известным причинам. Так силен был страх перед этими тварями, что шотландские моряки говорили о них только иносказательно. Свинья была «холодной железной бестией», потому что если при случайном упоминании этого животного шотландец касался холодного железа, это защищало его от колдовства. А лосось называли «джентльменом».

Что касается пассажиров, то моряки нелегко переносили присутствие на борту женщин. И предпочитали не перевозить священников, так как присутствие служителей новой веры могло возбудить гнев старых богов.

И более того, мертвецов нельзя было перевозить на корабле; присутствие гроба было достаточной причиной для мятежа, и капитаны хорошо это знали. Тело — физическое напоминание о судьбе человечества — предвешало смерть мореплавателям, которые его сопровождали. Мертвец мог быть причиной штормов и смертельных туманов или коварных волн, возникающих из неизвестности, чтобы отправить корабль на дно. Когда умерший был близко, море жаждало его, и моряки отправляли тела прямо в воду.

Похороны совершались таким об-

разом, чтобы защититься от привидений. Мертвеца, омытого и одетого, зашивал в холщовый саван мастер, изготавливающий паруса. Он прошивал последний стежок через нос мертвеца, чтобы связать его с саваном. К ногам привязывались кандалы или ядра, так, чтобы он сразу пошел на дно и не мог подняться из моря, преследуя живых. Затем моряки собирались на корме; корабль останавливался, тело перекидывали через борт, и оно соскальзывало в воду. В знак скорби — и возможно, чтобы освободить душу от связей с жизнью — целый час после этого на корабле царил беспорядок: реи спущены и нарочито уложены под странным углом на палубе, концы паруса свисают.

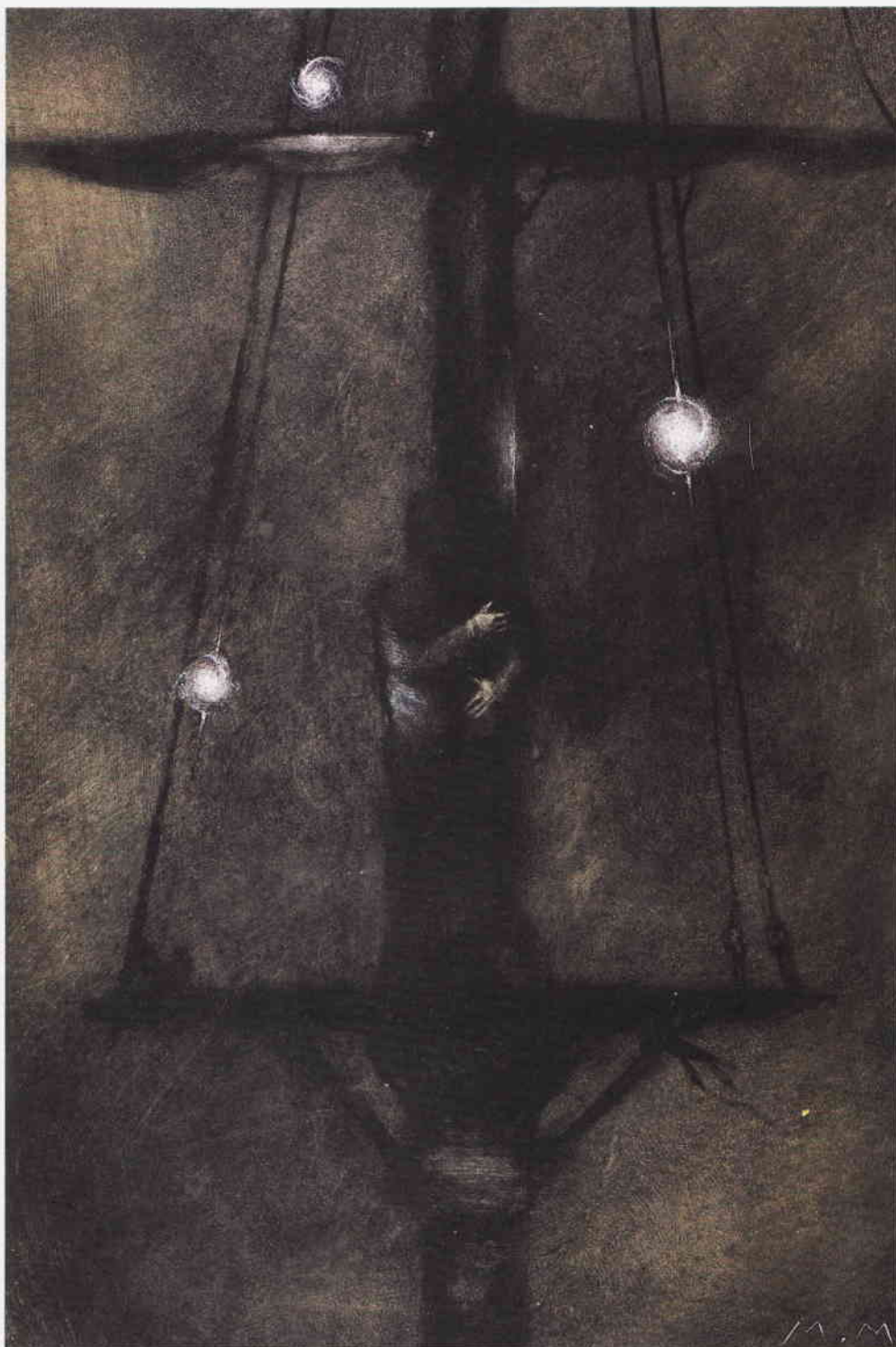
Привидения тех, кто утонул, или был убит, или погиб во время войны, часто существуют веками, терзая живущих и предвешая грядущие бедствия. Многие из них, находясь там, где они погибли, притягиваются к поверхности воды проплывающими кораблями, как, например, экипаж «Вероники». При виде их бледных лиц и колышущихся над водой тел, цепляющихся за реи, сжималось сердце у каждого, потому что они были признаком того, что море жаждет свежей плоти. Вскоре за этим следовали штормы.

Некотрые призраки появлялись у самого берега. В некоторых случаях это были призраки тех, кто потерял в море своих возлюбленных. Где зима сковала хо-

Волшебные огни

Перед штормом, когда воздух наполнен зарядами электричества, таинственные огни вспыхивали на оснастке кораблей, перелетая с мачты на мачту, и моряки считали их плохой приметой. Они говорили, что если только один огонек появится на мачте, то кораблю грозит неминуемая гибель; если два огонька вспыхнут, то ветры стихнут и море будет спокойным. Опускающиеся, как они говорят, огни означают бедствие, а поднимающиеся — хорошую погоду. Некоторые считали, что огни — это призраки старых приятелей, пришедшие предупредить об опасности, и все верили, что если огонь играет на голове человека, то этот человек обречен.

В некоторых странах моряки называли эти огни огнем св. Эльма (искаженное Эразмус — сирийский покровитель мореплавателей). Греки называли их Диоскурами, в честь аргонатов Кастора и Полидевка, которые охраняли души умерших моряков. А португальцы называли это свечение — «тела святых», считая, что это добрые духи.

лодом землю, странник может видеть сквозь сплошную стену дождя свет фонаря, это призрак женщины, которая здесь погибла. Хотя она и выплыла на берег, ребенок, которого она несла на руках, погиб. Она умерла от горя. После смерти ее грустное привидение бродило в поисках дитя.

На Гебридах рыбаки отказываются ступать на берег на острове Скарба после захода солнца. По мрачному, окруженному высокими утесами острову шествуют сотни морских призраков, чьи адские завывания эхом отдаются в вечернем воздухе и чьи зыбкие тела становятся тенями, когда лунный свет озаряет островные скалы. В северогерманских прибрежных деревнях часто появлялись Гонгеры — призраки утопших, которые в сумерках выходили из заводей. В Дании духи возникали на пустынных берегах; их называли «стрэнд варслер», или «стражи берегов». Эти духи были хорошо известны во многих странах, в некоторых землях их боялись не потому, что мертвецы призывали живых к смерти, а так как они приносили вред.

Эти духи возлагали холодные жестокие руки на мужчин и женщин, убивая или калеча.

Подобные же гости досаждали населению японских туманных островов, рассыпанных по морю. В течение многих веков они дрейфовали вдоль берега рядом с мысом Хонсу. Это были пережитки древнейшего периода истории человечества, когда

соперничающие семьи боролись за управление империей. В те дни вождь из клана Минамото держал всю страну в страхе: он очистил море от пиратов и установил свое правление на земле, пока он и его люди не были изгнаны с Хонсу войнами клана Таира, которые покинули страну вместе со своим императором, тогда совсем маленьким мальчиком. Они жили в лесах, на холмах и на побережье Хонсу. Затем они построили флотилию и вышли в море. Минамото двинулись за ними, и тысячи воинов сражались в маленьких суденышках в прибрежных водах Данно-ура. В конце концов люди Таира погибли; маленький император умер на руках своей бабки, и Минамото правили затем в течение столетий.

Но Таира остались там, где они пали. Так распространено было это поверье, что даже крабы, которые бегают по песку Данно-уры, носят на своих спинах отметки, напоминающие человеческие лица, и называются призраками Таира. Но настоящие призраки, однако, появляются как языки пламени, парящие над волнами и над землей, или как голоса, выкрикивающие боевой клич над морем среди ночной тьмы. Так ужасны были эти призраки, что на берегу люди построили храм под названием Амидайи на самой высокой точке юго-западной части Хонсу и окружили его каменными монументами, на которых написаны имена утонувшего маленького императора и его людей. Атмосфера стала спокойней после этого, но Таира не исчезли. Они были невидимы, ожидая призыва живущих, которые пробудили бы их ото

Века назад воины семьи Минамото победили правящий клан Таира
в проливе. Таира потеряли там всю власть, окрасив волны своей кровью.
Но призраки их еще навещают живущих на прибрежных землях.

сна. Моряки знали, что не стоит проносить имена умерших, но на суше некоторые не соблюдали этого правила.

Храмовый священник по неведению призывал Таира. Он был стар и слеп, но снискал славу своими поэмами и игрой на четырехструнной лютне. Старик пел стансы о Таира и Минамото, рассказывая о их славных подвигах и называя имена героев.

Как-то летней ночью Хоиши сидел в одиночестве на веранде, которая окружала его храм, воздух был насыщен ароматам жасмина и лилий; в саду три лягушки заполняли окрестности своими раскатистыми песнями. Хоиши время от времени перебирал струны, заставляя свой инструмент заунывно плакать. Но по большей части он довольствовался тем, что слушал ночные звуки, как это делают слепые.

Вдруг глубокий суровый голос позвал Хоиши по имени. Он поднял голову и сказал: «Я не вижу тебя, так как слеп, но я отвечаю».

Тяжелые шаги сотрясли деревянные планки веранды, рука опустилась на плечо Хоиши.

«Мой господин зовет тебя, монах, спеть о битве при Дан-но-уре. Он ждет вместе со своими людьми».

Хоиши послушно встал со своего места и пошел за незнакомцем. Человек ни слова не сказал, пока вел монаха, но звуки, которые он производил, свидетельствовали о том, что он воин — бряцанье оружия, резкое шуршание шелка.

После того как они немного прошли, воин остановился и крикнул: «Открой!» Ворота скрипнули, и они вошли во двор. Вокруг них звучали шаги, перед ними, открываясь, скрипнула деревянная дверь. Хоиши ввели в комнату достаточно большую для того, чтобы там эхом отдавалось бормотание множества людей. Он опустился на подушки на полу. В руках у него была лютня.

Сразу стих шепот и шелест. Могильной тишиной повеяло на Хоиши. «Спой, монах, о печали при Дан-но-уре», — приказал глубокий голос. Хоиши спел прекрасную песню, исполненную волшебства поэзии. Лютня воспроизводила звук веселых ударов и кораблей в море. Инструмент поведал о битве — воины кричали, стрелы рассекали воздух. Он пел об империи, погибшей в водах, и его лютня оплакивала дитя.

Когда он закончил, раздался тяжелый вздох. Над ним склонилась женщина и тронула его холодной мягкой рукой. «Хорошая песня, поэт, — сказала она. — Оставь нас сейчас и возвращайся завтра вечером». Он улыбнулся. Как слепой в неизвестном ему месте мог сказать, где он?

Молчаливый воин отвел Хоиши обратно в его храм. А на следующую ночь вернулся. Как только он вошел, Хоиши поднялся и последовал за ним и снова пел для всей компании. Он пришел послушно и в третий раз, но теперь что-то изменилось.

Он спел свою первую песню и вторую, и они слушали как раньше. Когда же Хоиши тронул струны, чтобы спеть третью поэму, тяжелая рука схватила его, лютня отлетела в сторо-

ну и крики поднялись вокруг. Он сопротивлялся, но это было бесполезно; его ташили по земле, затем по траве, а потом уж он ничего не помнил.

Он очнулся от знакомых запахов собственного храма и собственной соломенной подстилки и от голосов своих товарищей. Они затихли, когда он зашевелился.

«Что случилось? — спросил он, вставая. — Это вы выташили меня так грубо из господского дома, где я пел песни?» Спустя минуту один из монахов сказал: «Мы проследили за тобой, куда ты ходишь. Ты играл не в господском доме, брат. Ты сидел на холодном ночном ветру среди памятников, и огненные языки танцевали вокруг тебя, пока ты пел».

«Ах», — только и сказал Хоиши.

Ибо больше нечего было сказать. Называя их имена в своих песнях, он вызвал их из моря и был у них в руках. Вскоре им понадобилась бы его жизнь, и они уташили бы его в воду, где покоятся их тела.

Друзья Хоиши любили его и занялись его спасением. Раздев его, тонкими кисточками они написали на его теле защитные иероглифы, которые защищали от призраков. Письмена покрывали его грудь, его спину, его ноги и руки, ладони его рук и стопы его ног. «Когда они вновь призовут тебя, — сказали ему друзья, — не произноси ни слова и не двигайся, тогда они тебя не увидят. Если они не найдут тебя, они потеряют свою власть и должны будут отправиться в море».

Пришла ночь, и он снова сидел на веранде, незрячий и невидимый, со своей лютней в руках. Он не двигался и едва дышал, поджидая призыва привидений.

«Хоиши!»

Воин был как раз рядом с ним, в саду. Хоиши не произнес ни звука. Крик раздался снова. Затем на веранде послышались шаги. Оружие звякнуло совсем рядом, так как призраки присели на корточки.

«Где музыкант? Здесь лютня, но рядом нет человека», — мягко произнес голос ему на ухо.

И шепот превратился в шипенье: «Я никого не вижу. Он защищен. Нет рук, прекрасных рук поэта, нет босых ног монаха. Я вижу только два глаза, моргающих в воздухе, и их я вырву для своего господина».

Хоиши не произнес ни звука. Он не вскрикнул даже тогда, когда длинные, острые когти вонзились в его глаза и вырвали их из глазниц; он не плакал, когда кровь стекала по его плечам, пока шаги не удалились. Вдали, среди каменных памятников раздался вой и постепенно стих.

И когда взошла луна, товарищи окружили его. Теперь он был спасен от изгнанных призраков — живой и невредимый, за исключением его глаз, которых не коснулась защитная кисть монахов и поэтому они были видимы и уязвимы.

Даже потом его называли Мими-наши Хоиши, или Хоиши Безглазый. Когда же он умер и был похоронен своими собратьями, он упокоился в мире.

Его судьба могла быть много хуже. Те, кого поглощает море, при-

Как-то ночью появилась корнуоллская убийца Сара Полгрейн —
тень, преследующая моряка, которого она любила при жизни.

соединяются к беспокойной компании призраков. Подобно клану Таира и фантомам Скарбы, подобно всем призракам ночного моря, они обречены на плавание в глубинах или скитания в соленом влажном воздухе, сдуваемые, подобно морской пене, стонущими ветрами, потеряв свет, который согревает живущих, и сон, который покоит погребенных мертвецов.

В прошлом веке один такой призрак появлялся на море близ Корнуолла. В жизни он был прекрасным, беззаботным молодым человеком, моряком, известным в тавернах под именем Йоркширского Джека. У него были блестящие черные волосы и сверкающие голубые глаза, которые часто встречаются у жителей северных стран. Он привлек к себе внимание дерзкой и красивой молодой женщины по имени Сара Полгрейн из селения Люгван. Их часто видели вместе летом, гуляющими в полях рядом с деревней: темная голова Джека, склоненная к золотистой головке Сары. Хотя Сара была замужем, она и не думала скрываться. Муж ее был стар, слаб и боялся ее острого языка.

Затем Полгрейн умер. Сара говорила в деревне, что он стал жертвой холеры, и деревенский доктор, который его осматривал, был с этим согласен. Старика похоронили. Сара оплакивала своего мужа, но ведь Люгван был маленьким местечком. Соседи, которые проходили мимо ее дома, слышали ее ссоры с мужем и

видели ее вдвоем с любовником, только качали головами и перешептывались. Слухи поползли по узким улочкам Люгвана и не прекращались, пока, наконец, не извлекли из могилы тело Полгрейна. Было доказано, что тело пропитано мышьяком. Молодую Сару связали и признали виновной в убийстве. Посмотреть на казнь собралась целая толпа. На эшафоте стояла Сара, бесконечно дерзкая. Маленькие туфли с изогнутыми каблуками, цветастое платье подоткнуто так, что видны оборки нижней юбки и зеленые чулки. На шее висела петля, завязанная в тринадцать узлов в честь тринадцати учеников Христа, замотанная против солнца — против часовой стрелки — для того, чтобы привлечь дьявола и отправить ее в ад как можно быстрее. Она высоко держала голову, как будто петля была красивым ожерельем, и высматривала в толпе своего любовника — Йоркширского Джека.

Он был там. Медленно он подошел к виселице, у которой ждал палач. Перед ним расступалась толпа. Он обнял Сару. Она шепнула ему что-то, и все слышали, как он ответил ей: «Да». Поцеловав ее, он удалился. Улыбнувшись, женщина подмигнула соседям. И затем палач сделал свое дело.

После этого моряк изменился. Казалось, он совсем зачах. День ото дня он становился все тоньше и бледнее. Руки у него дрожали. «Она преследует меня, — говорил он своим товарищам. — Я обещал жениться на ней, потому что думал, что она сошла с ума, и теперь она меня не отпускает».

Моряки качали головами; но деревенские жители не удивлялись. Сару видели дважды после казни. Один раз во дворе церкви и еще раз, в сумерки, на дороге в соседний город.

Когда он снова вышел в море, Йоркширский Джек был угрюм. Он боялся, и его страх передался всей команде. Матросы день ото дня мрачнели. Йоркширский Джек держался в стороне. Все приписывали это присутствию духа его приятельницы, они не видели ее, но чувствовали, что она где-то рядом, столь же сильная, как при жизни, и столь же терпеливая, как могила.

После нескольких недель плавания корабль вернулся домой, войдя в воды Маунт Бэй. И как раз здесь как-то ночью Сара Полгрейн вызвала Йоркширского Джека. Все слышали ее зов. Даже скрипенье гамаков и шум моря перекрыл drobный звук каблучков, быстро и безошибочно направляющихся к углу, где спал Джек. Товарищи повернули головы в его сторону, но увидели только тень. Молодой человек издал тяжелый вздох. Он поднялся и вышел на палубу, сопровождаемый веселым перестуком каблучков.

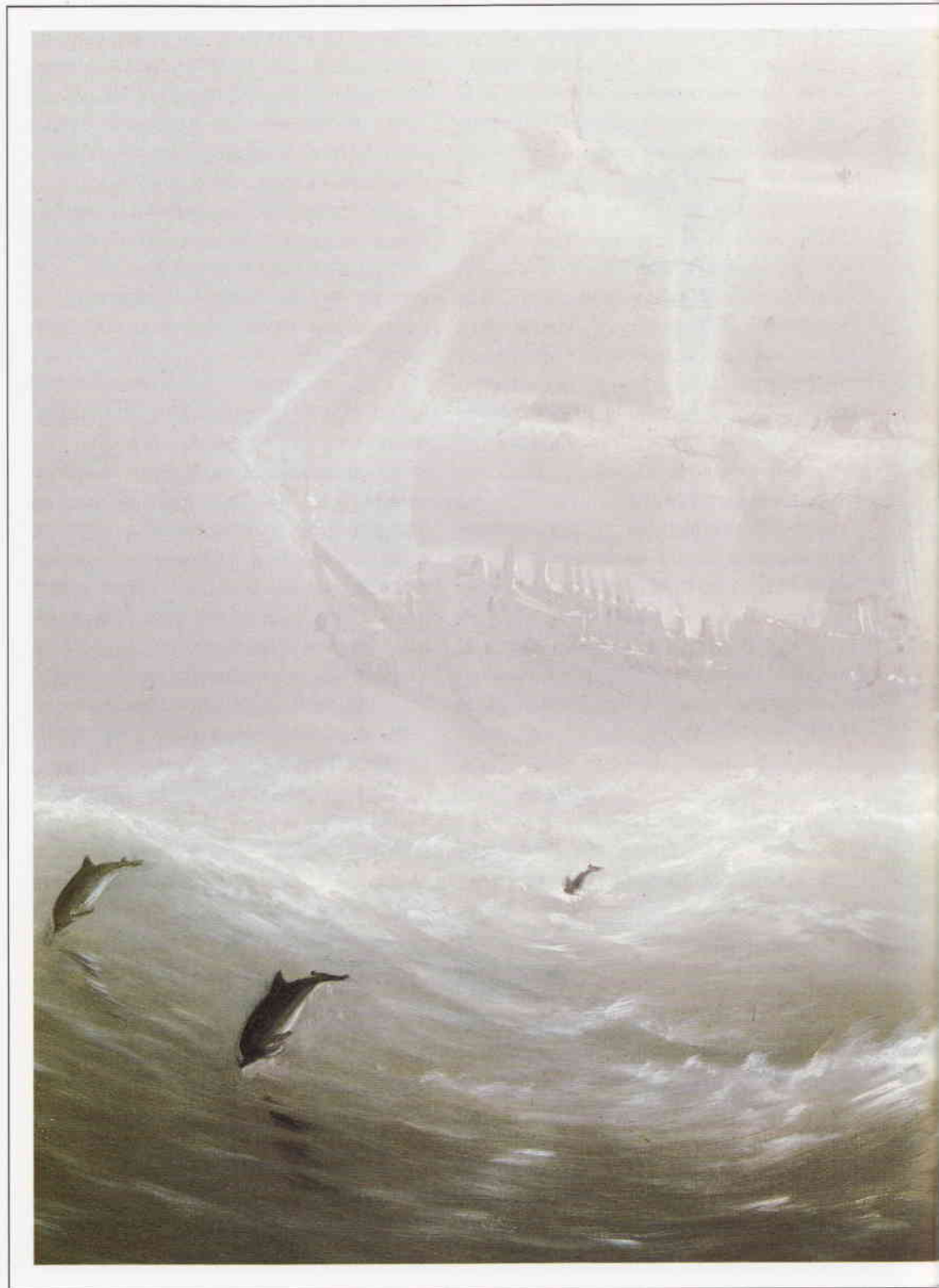
Конец был быстрым. Джек взялся за поручни и не оглядываясь прыгнул в море. Вахтенные это видели. В темной воде на минуту появилось его бледное лицо, рядом с ним появилось еще одно, столь же бледное. Это был конец Йоркширского Джека. Моряки кля-

нутя, что колокола звонили над Маунт Бэй в тот момент, когда вода сомкнулась над головами этой пары. Они — так же как и другие после них — слышали голос Джека, обещающий: «Да, буду, буду, буду».

Так Джек присоединился к компании морских призраков. Его тень, казалось, была прикована к месту, где утонуло его тело. И он посещал только тех, кто проплывал над его костями.

Иногда, правда, призраки широко витают над океанскими просторами. Наиболее известные и страшные из этих фантомов появляются на кораблях, где они служили при жизни. Иногда призрачный корабль появляется в ночи, и вся команда ожидает столкновения, но он только исчезает в воздухе. Иногда это был огненный корабль; иногда была видна команда — группа истерзанных скелетов. Это ужасало тех, кто встречался с ним, потому что за ним следовал шторм, бедствие или сумасшествие.

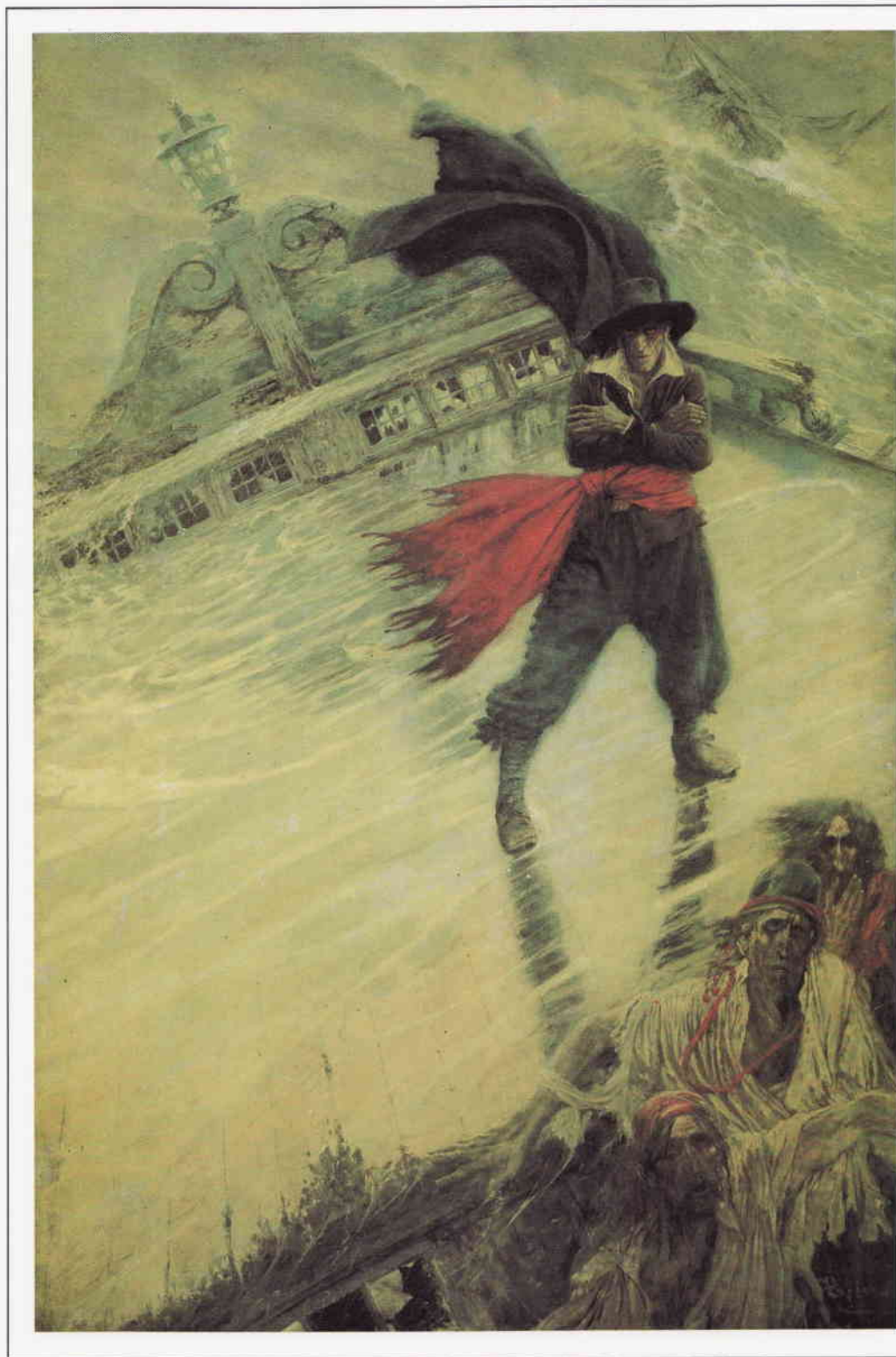
Даже ругань на корабле не могла скрыть страха, который вызывал корабль-призрак, как повествуют легенды прошлых лет. Июльской ночью, во время полувахты, британский корабль столкнулся с таким кораблем-призраком. «Сначала появился странный розовый свет, — писал капитан, — как будто корабль пылал, мачты, реи и паруса на расстоянии двухсот ярдов казались обычной оснасткой брига, становясь все реальнее при нашем приближении. Дозорный на баке отметил, что он близко к левому борту, его хорошо видел также офицер на мостике, так же как и вахтенный офицер,

При виде его сердца людей сжимало холодом: «Летучий голландец», подгоняемый призрачным ветром и управляемый командой мертвецов. Он предвещал смерть всем, кто его видел.

*Всегда бичуемый дождями и ветром, призрачный капитан
«Летучего голландца» вел свой корабль по морским просторам.*

который сразу же вернулся с докладом».

Но судно исчезло сразу же, как только корабль подошел ближе. В тот же самый день человек, который первым увидел пламенеющий бриг, упал с мачты на палубу и умер. В полдень его похоронили в море. Затем пришло время капитана. Когда он достиг дома, то обнаружил, что смертельно болен.

Призрачный корабль был известен во многих странах, и множество историй объясняет его происхождение. Есть и рассказ, объясняющий, почему он называется *«Летучий голландец»*.

Его последним капитаном был голландский судовладелец Вандердекер. Безжалостно стремящийся только к скорости, он относился к тому типу тиранов, которых моряки называли «львами». Он запирали своих пассажиров в трюме, пока сам охотился за ураганами.

Он встретил свою судьбу у мыса Доброй Надежды. Ревущий ветер преградил ему путь к мысу. Стоя перед выбором: уйти назад в море или подойти ближе к берегу, он предпочел пойти вдоль скал. Команда протестовала, но Вандердекер, возбужденный их страхом, хохотал от удовольствия и придерживался этого курса. Команда пыталась его удерживать, и он затолкал матросов в трюм.

В этот момент, как рассказывает история, на палубе появилась фигура. Это мог быть только Адамастор, который, как говорят, появлялся на мысе в поисках человеческих душ. Многочисленные свидетельства опи-

сывают его огромным, бородатым и мрачным. Это он приносил смертельные штормы к мысу, это он насылал на побережье зловещие облака, называемые «Дьявольским покрывалом». Узнав призрака, Вандердекер закричал о неповиновении. Фок-мачта треснула и упала на палубу. Понесся вой привидения, предвещающий гибель. Призрак назвал по именам тех, кто сгинет в пучине. Вандердекер обречен, сказал он. Он будет плавать всегда, без отдыха и якорной стоянки, он будет злом моря, путешествуя по всем широтам без надежды на отдых. И корабль его будет приносить несчастье всем, кто его увидит.

Вандердекер вытащил пистолет и выстрелил в призрака. При звуке выстрела поднялся ветер, и призрак исчез. Вандердекер осмотрел корабль. Фок-мачта сломана, паруса безнадежно порваны — мертвые вещи среди смерти. Неподвижные тела матросов лежали на палубе. Когда он на них смотрел, плоть таяла на их костях, оставляя ему в компанию только скелеты.

Итак, одинокий на широких морских просторах, навсегда лишенный человеческих радостей, голландец встал к штурвалу. Он вызвал ветер, который тут же явился и наполнил паруса, хотя море вокруг оставалось безмятежно спокойным. И так он отправился в вечность, более не смертный. Из всех призраков моря самый печальный — всегда один, всеми ненавидимый.

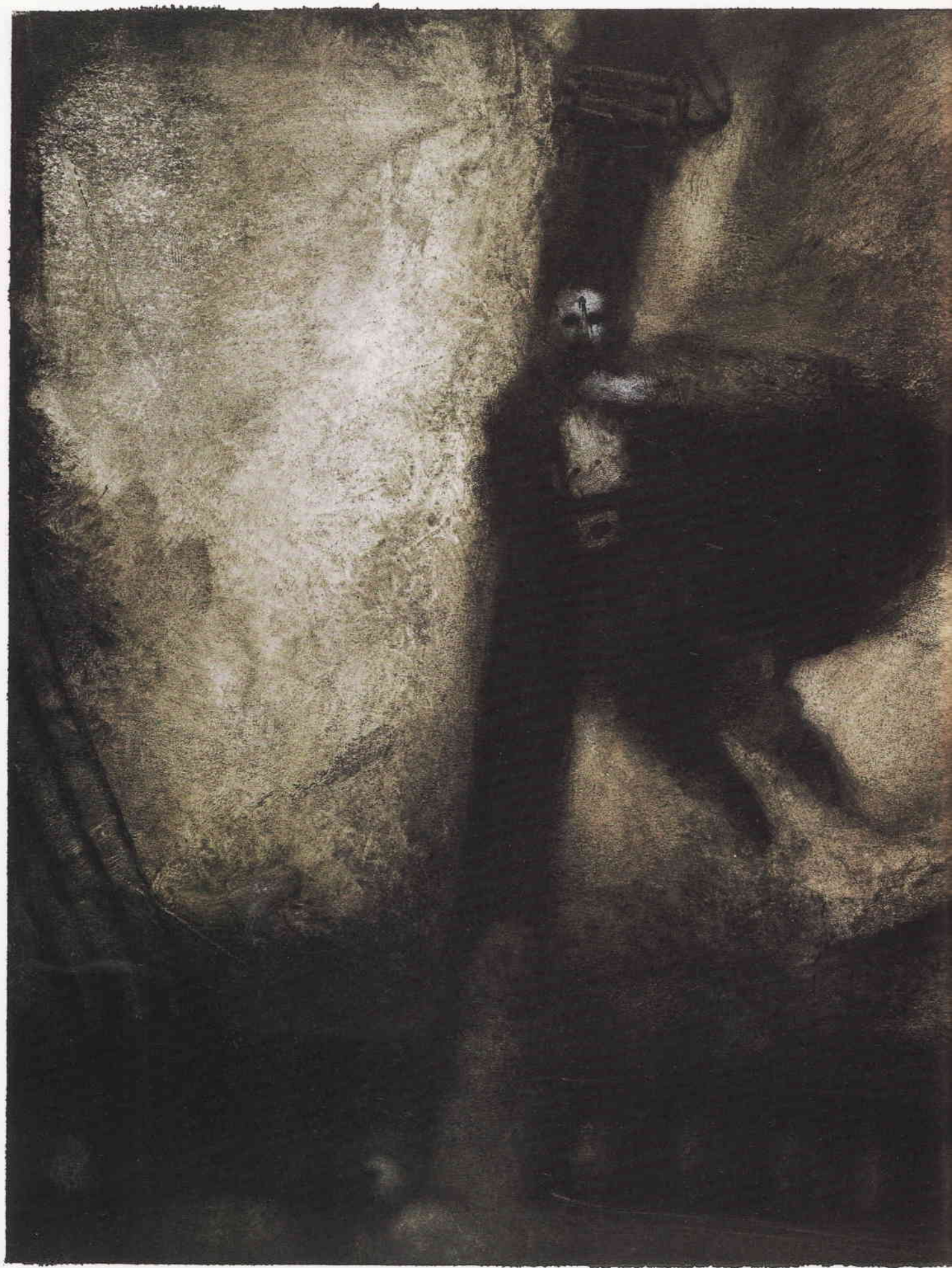

На корабле- призраке

Не каждый корабль, плывущий в море, держит свой курс по воле смертного рулевого. Мертвые корабли также плывут, направляемые силой, непонятной для смертных. Такие корабли опасны для живых, один только вид их предвещает смерть. Тем не менее было два человека, которые плавали на корабле-призраке и выжили для того, чтобы рассказать об этом.

Это были испанцы, купец и его слуга, направляющиеся домой через Атлантику с Кубы. К западу от Азорских островов как-то ночью их корабль затонул, и эти двое оказались в воде. Они ухватились за плывущие обломки, молясь и слыша призывы своих товарищей, но одинокие в безбрежном океане, страдающие от жажды и сильнейшей морской качки. После бесконечных часов впереди возник корабль в мрачном море, и волны швырнули их к нему. К радости своей, они увидели канат, волочащийся по воде — свесившийся с корабля для спасения, как они предположили. Они вцепились в него оледеневшими пальцами и закричали в надежде, что их поднимут на борт, но ответа не последовало. Наконец, в последней отчаянной попытке они взобрались на корабль и упали на палубу, задыхаясь.

Это была старая посудина. Полубак и полуют вырисовывались на фоне неба, заслоня появившиеся звезды. Но двое путешественников едва замечали, что

дождь прекратился, ветер стих, а небо очистилось. Они были потрясены кошмарным зрелищем: на палубе всюду лежали тела, с открытыми и бессловесными ртами и глазами, бессмысленно уставившимися в небо, тела с почерневшими ранами, там, где нож или другое оружие разорвали плоть и сухожилия. Над ними, на главной мачте, раскачивалась фигура. Огромный гвоздь, прошедший через череп, прикрепил обвисшее тело к перекладине. На нем была капитанская форма.

Увидев эту жуткую картину, купец встал и попытался сдвинуть одного из мертвецов с места: тело как будто примерзло к палубе, никакие усилия не могли его сдвинуть. Испанец перекрестился, махнул слуге, и они стали пробираться через эти тела в поисках убежища под палубой. Они пошли по каютам, и шаги их отдавались гулким эхом. Нигде не было признаков жизни. Они нашли только сухари и бурдюк с водой, одежду старого покроя, квадрант и несколько морских карт. Но немного спустя тишина и спертый воздух стали невыносимы. Они переоделись в сухую одежду и снова выбрались на палубу. Ветер стих, небо, умытое дождем, было кристально чистым. Ориентируясь на северную звезду и Орион, купец направил корабль на северо-восток, к Испании и привязал руль. Немедленно после этого он и слуга рухнули на палубу и сразу же заснули среди мертвецов.

Но сон их был тревожен. Им снилось, что мертвецы поднялись, что китель капитана развевается в воздухе, а ботинки бьют по реям. Когда же они проснулись, палуба была все в том же состоянии, и капитан висел на мачте. Но ночью произошли изменения: тень от мачты протянулась до носа корабля, и с руля исчезли веревки. Корабль изменил курс: теперь он двигался на запад. Купец снова направил его к Испании. Он и слуга стояли у руля весь день, двое живых среди неподвижных

мертвецов. Когда наступила ночь, они закрепили руль и спустились вниз, по крайней мере, в каютах не было тел.

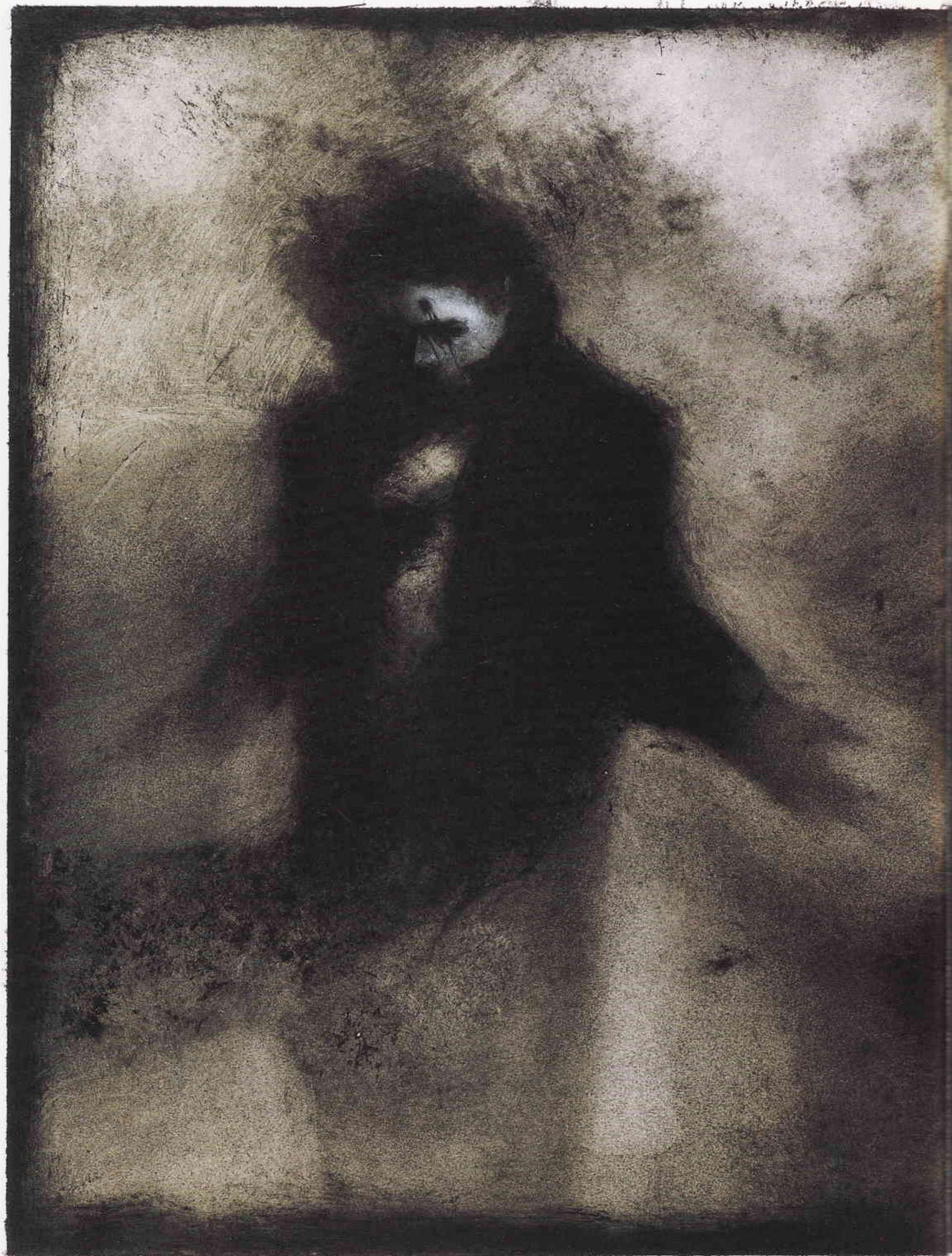
С масляной лампой, которая спасала от темноты, они забрались в капитанскую каюту и погрузились в сон. Крик, повисший в воздухе, поднял их. Лампа, подвешенная к потолку, мигала, в полосах света видны были дикие сцены: моряки с искаженными лицами выкрикивали проклятья, капитан, привязанный к перевернутому столу, затем снова капитан, метнувший нож в горло моряка. Лампа слетела, и каюта погрузилась в темноту. По палубе громыхали шаги. Над ними продолжалась борьба: звенело оружие, визжали люди.

Наконец все стихло, и в тишине двое слышали только скрип дерева и оснастки. Канат лопнул, повис, и корабль накренился.

И снова они изменили курс. Испанцы дождались восхода солнца и только тогда выбрались из своего убежища. Утро было ясным, на палубе недвижимо, как и раньше, лежали мертвецы, капитан висел на мачте. Корабль несло на север.

Слуга с состраданием осмотрел тела. Он был старым человеком, выросшим среди пастухов в Пиренеях, и призраки не были для него новостью. «Господин, — сказал он, — давайте дадим этим беднягам покой». Купец кивнул, и слуга прошел между мертвецами, дотронувшись до головы и груди каждого и шепча слова, смысл которых купец не понимал. При его прикосновении грубые лица смягчались. Мир спустился на проклятых. «Я знаю человека, который мог бы навсегда упокоить этот корабль», — сказал слуга. Купец согласно кивнул.

Снова они повернули к Испании, и на этот раз попутный ветер подгонял корабль. Войдя в Гибралтар, они направились к Танжеру и его знатокам древней магии, выжившим после испанской инквизиции.

В Танжере они бросили якорь. Там слуга сошел на берег и исчез в белых, извилистых улочках города.

Он вернулся поздно, приведя с собой старика, скрывшего лицо под капюшоном. Тот осмотрел корабль и произнес: «Эти моряки не знают покоя потому, что были прокляты за свои злодеяния. Земля даст им покой». Из складок своей мантии он вытащил пригоршню песка, аккуратно высыпав его на лоб каждого трупа. Как только он это сделал, тела задрожали и превратились в прах.

Он повернулся к капитану — и произошло странное. Когда земля коснулась поврежденной головы, кровь полилась из ужасной раны. В этот же самый момент краски вернулись к загорелым щекам и костлявая рука капитана задрожала. Открылся темный рот, и дрожащий старый голос поведал им историю этого корабля. Он рассказал о пассажире, которого команда выкинула за борт много лет назад, стремясь захватить его золото; он рассказал, как тот перед смертью проклял их, призывая на них страшный бой и страдания, которые будут повторяться снова и снова, до тех пор, пока команда вновь не коснется земли. Капитан рассказал, как исполнилось проклятие, как команда подняла мятеж, и капитан перебил их, и как двое выживших привязали его к главной мачте, прежде чем убить друг друга.

У при последних словах скрежещущий голос капитана начал стихать. Он, казалось, растворился в воздухе: даже пряжки его башмаков растаяли. Накидка, рубаха и галстук — все превратилось в прах, пока ничего не осталось и только бородатая голова была прибита к мачте. И наконец, измученное чело исчезло из виду. На палубе остались купец и его слуга, знавшие все о проклятиях, и старик из Танжера, знавший старое колдовство. Теперь корабль был свободен, чтобы подчиняться рукам живых и плавать при свете дня.

Глава четвертая

Н

Опасные границы

а Битнийском побережье убирали урожай и собирали мед поздней весной, когда сверкающие Плеяды поднимались и располагались рядом с солнцем и мириады духов земли и вод освобождались от зимнего бездействия. Из своих убежищ они наблюдали за теми, кто считал себя хозяевами земли. Человеческий род, который занимается своими пустычными делами и никогда не замечает созданий, спрятанных в деревьях и на полях, в источниках и ручьях, был непонятен для них. Встреча с этими созданиями приносила смертному и горе, и радость, как считали битнийские греки. Люди в этих краях часто рассказывали о юноше по имени Бормус, таком красивом, что его называли любимцем богов. Вот его история.

Апрельским днем, вместе с отцом, братьями и приятелями отца, безземельными илотами, которые им служили, Бормус вышел в поле, чтобы испытать свои силы в сборе пшеницы, ячменя и сена. Деревня, которой принадлежали поля, была большой и граничила с холмами, серебряными в мантии оливко-

вых деревьев и коричневыми там, где юный виноград цепляется за склоны. На безоблачном небесном куполе сияло солнце. Молодой Бормус вышагивал рядом с братьями, размахивая косой и напевая на ходу. Рядом со взрослыми проказничали мальчишки, собирая большие охапки соломы и связывая их в снопы для просушки. Все выше и выше поднималось солнце, становясь белым, когда оно достигало своего апогея, и привлекая плечи и вспотевшие спины. К полудню они приостановились, вытирая лица и поглядывая на холмы с их тенистой зеленью.

«Дай-ка нам воды», — сказал один из братьев Бормуса. Тот взял глиняный кувшин, лежащий рядом. Он был пуст, так же как и кувшин рядом. «Боже, — проговорил он. — Где же мальчишка, который сходит за водой?»

И Бормус увидел детей, лежавших в тени. Он был добрым малым, и не так много времени прошло с тех пор, как он сам был мальчишкой, собирающим стебли изрезанными руками. Так что он сказал: «Я сам схожу», — и легко поднял кувшины сво-

ими сильными руками. У края поля он отвязал осла и поставил кувшины ему на спину. Он шлепнул животное, что заставило того двинуться с места, и зашагал следом по грязной тропинке, которая вела в оливковую рощу. Вскоре ослик зашагал быстрее, почувствовав, что поблизости холодная вода.

Ускоре она появилась в низкой расщелине, откуда было видно море. Среди древних деревьев было озеро, возникшее много веков назад из потоков, стекавших с утеса.

Бормус напоил осла и затем снял кувшины, разрешив ему побродить и пощипать траву. Но он не сразу набрал воды. Мгновение он наслаждался этим местом. Он сел на берегу пруда, вдыхая прохладный воздух и слушая, как цикады прославляют прекрасный день. Звуки пастушьего рожка поднимались все выше над пастбищами. Издалека с полей слышны были голоса крестьян, которых оставил Бормус. Рядом с ним, пригретая солнцем, на скале наслаждалась ящерица.

Вдруг зашуршала водяная лилия в тихом пруду. Вода журчала и шептала о чем-то камням. Ящерица мгновенно скрылась из глаз. Бормус уставился на воду, очарованный красотой этого места. И из лилий возникла женщина, прекрасная и таинственная. Кожа ее была белее лилий, а глаза как зеленые листья. Темные волосы спускались по блестящим плечам и исчезали в воде, зеленые стеб-

ли переплетали пряди. Она подняла руки, и он потянулся к ней, затем он испугался и отпрянул. «Ты не из смертных, девушка», — сказал он.

Женщина лениво улыбнулась и, покачивая головой, стала подзывать его к себе. Он наклонился к воде.

Как только он коснулся воды, женщина схватила его за запястья железной хваткой. Острые маленькие когти вонзились в его кожу, и тонкие руки безжалостно втянули его в воду, прямо в подводный мир, где правят водяные духи и не могут жить люди.

Как позднее рассказывали приятели Бормуса, осел вернулся на поле, скорбно плача. Они бросились к пруду и нашли кувшины, брошенные в тени. Они искали и звали, но безнадежно: что-то магическое висело в воздухе. Позже, после того как они оставили поиски, битнийцы сложили песню о Бормусе, рассказывая, как его утатила водяная нимфа. Они пели ее веками под плач горюющих флейт, каждый год, когда выходили в поле собирать урожай.

Во времена королей и появления укрепленных городов, воздвигших гордые каменные стены, человечество чувствовало себя более надежно в этом мире. Однако окраины их владений не были столь безопасны: землю опоясывал огромный океан, а под землей изобиловали источники. На границе между землей и водой — на побережьях океана, камышовых берегах озер, откосах рек и ручьев — мужчины и женщины сталкивались с древними существами из подводного царства. Такие встречи для смертных были полны опасности. Хотя и нео-

бычайно притягательный, водяной народ по природе своей был мало похож на людей.

Даже обычные законы их мира были отличны и несли опасность людям, как говорили те, кто отвечал на их призыв и пересекал границу их мира. Японцы, например, часто рассказывали о смельчаке по имени Урашима, который дорого заплатил за то, что разорвал завесу между землей и морем.

Урашима жил в провинции Танго к югу от Хонсу около берегов Ледяного мыса. Он ничем не отличался от других мужчин своей деревни, состоявшей из деревянных домов с соломенной крышей, с грязными узкими улочками.

Как-то серым осенним днем, когда дома запирались от пронизывающего ветра, который дул с залива, а рыбацкие лодки рядком лежали на песке, Урашима бродил один по берегу и вдруг увидел ужасную картину. К берегу прибило старую морскую черепаху. Она беспомощно лежала на земле, неуклюже перебирая своими плавниками.

И несколько мальчишек над ней издевались. Они не осмеливались слишком близко подойти к животному, но, окружив ее, кидали в нее камни, весело хохоча. Увидев Урашиму, они бросили камни и убежали. Урашима позволил им сбежать. С тяжелым вздохом он повернулся к черепахе. С трудом он подтолкнул ее к воде, так, чтобы она могла выбраться на свободу. Черепаха стонала, но не трогала его, и наконец он подтащил ее к тому месту, где волны плещутся о берег.

Когда духи источников и озер принимают человеческий облик, они бывают необычайно привлекательны для смертных, но их нежные объятия — прямая дорога к гибели.

Урашима отступил назад, чтобы дать возможность морскому животному добраться до воды, но черепаха осталась там, где была. Медленно она подняла свою бородавчатую голову и посмотрела на него из-под опущенных век.

И вдруг из клювообразного рта раздался гортанный голос. «Рыбак, — сказала она, — море благодарит тебя за твою доброту. Позволь же морю наградить тебя, я отнесу тебя к господину, который правит этими водами».

Рыбак минуту колебался. Он оглянулся на знакомые крыши, на дорожку, которая проходила по берегу, где в грязи барахтались куры и свиньи. Он взглянул на море, расстилающееся впереди, — чистое, широкое, стального цвета, с белыми крапинками там, где ветер хлестал волны. Затем он вскарабкался на спину черепахи, вцепившись пальцами в толстый панцирь. Сморщенная шея выпрямилась, и животное двинулось вперед.

Она плыла в своей стихии, как птица в небе. Соленые брызги попадали Урашима на лицо, и он смеялся от удовольствия. Он смеялся даже тогда, когда черепаха нырнула и море сомкнулось у него над головой.

Он не утонул, и глаза его не потемнели, и легкие его не наполнились водой, так как волшебный покров защитил Урашиму и позволил ему выжить в чужой среде. Черепаха ленивыми кругами опускалась на глубину через заросли водо-

рослей. За ними следили сверкающие глаза бесчисленных тварей. Затем черепаха и наездник расчистили себе путь среди стеблей. Под морским лесом была целая страна, земля с деревьями и холмами, где мальчишки присматривали за рыбными школами. Среди долин были разбросаны маленькие фермы. В центре страны возвышался дворец, покрытый золотой черепицей и украшенный золотыми драконами. Здесь черепаха остановилась, и Урашима соскользнул на океанское дно.

Он был в саду морского господина. Высокие деревья, которых он никогда не видел, раскачивались в мягком подводном течении. Цветы издавали удивительное сияние; среди цветов их поджидала женщина. Она была стройная, бледнокожая, с миндалевидными глазами придворной дамы. Ее кимоно было из парчи столь же зеленой, как море, и гирлянда из жемчуга украшала гребни, поддерживающие ее волосы. Урашима пал ниц. Всю свою жизнь он слышал рассказы о дочери подводного царя.

Но дама взяла его за руки, подняла и повела в чайный домик. Здесь, как говорили, он пировал три дня, обласканный дочерью морского господина так, будто он сам был господином подводного мира.

Но это был изменчивый мир. Все в нем — рыбы, деревья, дворец, сама госпожа — передвигалось в непрерывном течении. Урашима же был земным существом; он стремился к спокойной земной прочности.

Когда он стал просить о возвращении в свой мир, госпожа минуту

смотрела на него со скорбью. Затем она кивнула. Она обняла его и вложила в его руки маленькую лакированную шкатулку, перевязанную шелком, в таких придворные дамы хранят свои драгоценности.

«Всегда храни это, и я смогу защищать тебя и на земле, — сказала она. — Не открывай ее — иначе ее сила превратится в морской туман и воду».

Над ними появилась тень; подплыла черепаха и кивнула своей древней головой человеку. Урашима взобрался ей на спину, и черепаха понесла его над морским дворцом, над лесными холмами, через морские водоросли в царство воздуха. Она оставила его на берегу и уплыла в море, даже не оглянувшись. Он стоял на берегу, сжимая шкатулку и с изумлением глядя на то, что предстало его взору. Очертания поселка изменились. Черепица сверкала среди соломенных крыш, слива цвела в садах. На берегу не было лодок.

Он побрел по незнакомой улице, стремясь к тому месту, где находился его собственный дом. Здесь он увидел голую землю.

На земле валялся каменный умявальник. Урашима схватился за голову и заплакал.

Вдруг раздался голос и, оглянувшись, он увидел старика, который с удивлением его рассматривал. «Расскажи мне о судьбе семьи Урашима», — попросил он старика.

Старик поднял брови. Лицо его сморщилось, и он произнес: «Ну, мы слышали о них от дедов наших дедов. Земля, на которой ты стоишь, принадлежала им. Старики рассказыва-

ли, что последний из них умер три века тому назад. Он ушел в море, говорили они, и никогда не возвращался». Он задумчиво потрепал Урашиму по плечу и поплелся дальше. Так Урашима остался один — привидение на своей собственной земле, пойманный в ловушку волшебством воды, где день равен сотне земных лет. Он медленно вертел в руках лакированную шкатулку. Теперь не было причин не открывать ее и можно было увидеть, что же за сокровище хранится в ней. Он развязал ленту, которая перевязывала крышку.

Разные источники по-разному описывают содержимое шкатулки. Некоторые говорят, что там было перо, облако белого дыма и зеркало. Некоторые говорят, что только морской туман поднялся оттуда, приняв облик дочери морского царя, и затем исчез в море, грустно плача.

Все соглашаются тем не менее, что когда волшебная сила была высвобождена из лакированной шкатулки, жизнь Урашима как человека закончилась. Лицо его вдруг обвисло, тело ссутулилось, и, кажется, он растворился. Согласно некоторым рассказам, он опустился на землю и превратился в пыль.

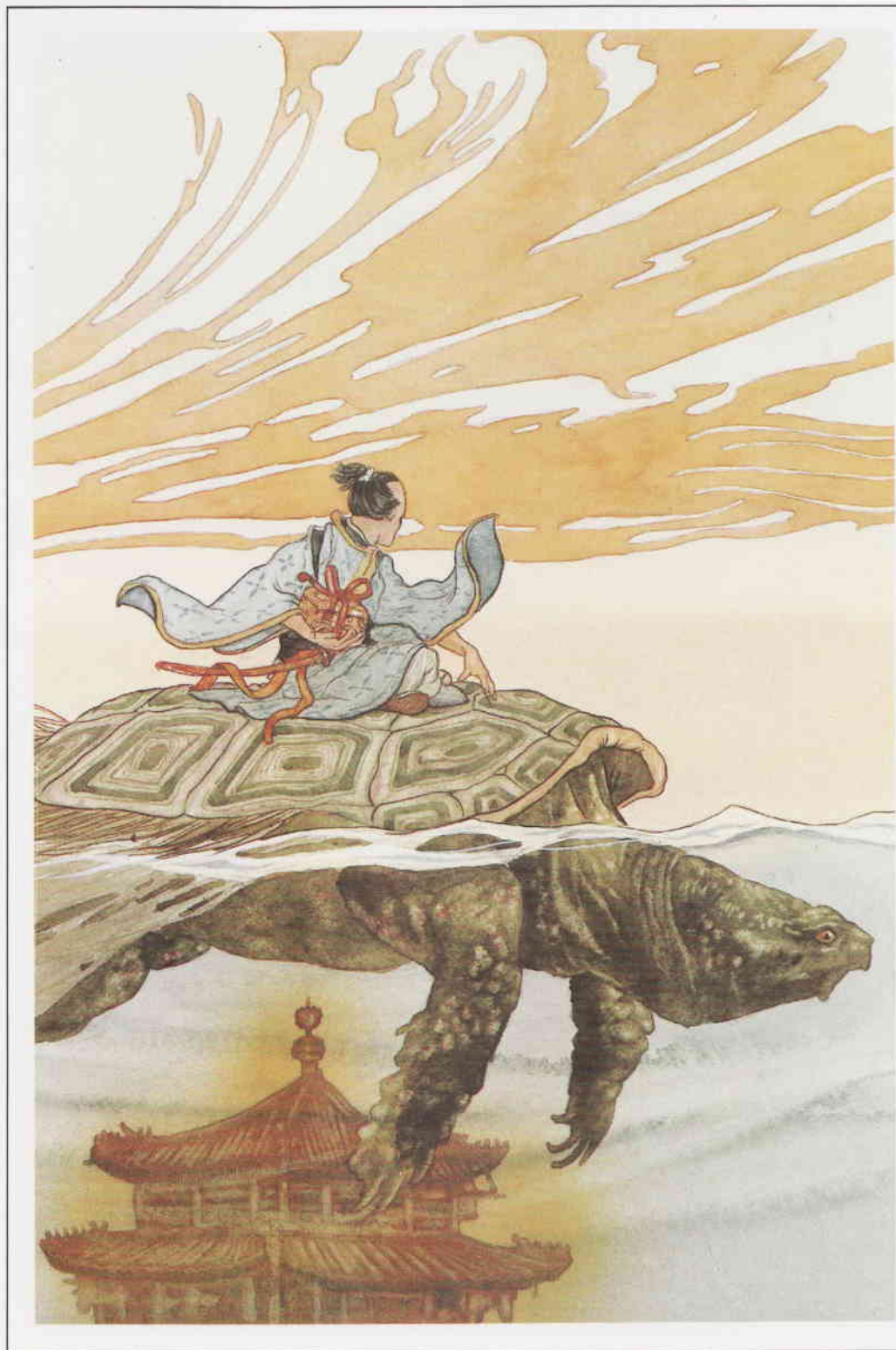
Согласно другим источникам, перо дотронулось до него, туман его окутал, и в зеркале он увидел, что его молодое лицо становится морщинистым и старым, кости проступают через кожу, и в следующий момент белый журавль на длинных ногах по-

По милости водной стихии рыбак
Урашима пировал на дне морском
с дочерью морского царя.

Рыбак Урашима оставил дворец морского царя для того, чтобы вернуться в свою деревню, а гигантская черепаха была его конем. Но он обнаружил, что дома его больше не существует.

явился на том месте, где стоял Урашима. Он был превращен в вечную птицу из-за своего долголетнего пребывания под водой. Люди говорили, что иногда журавль вышагивал вдоль берега за городом, и из моря выползала гигантская черепаха, чтобы посмотреть на него. В память об этой паре люди в огромном храме при Исе создали танец, который называется «Журавль и черепаха».

В минувшие дни народ знал, что прибрежные создания, такие, как черепаха, только часть изменяющегося моря и его опасностей. Хотя они и принимали вид животных, которые дышали воздухом и тянулись к земле, они все же были сыновьями и дочерьми волн и присутствие их было постоянной угрозой смертным. Иногда эти твари были просто носителями дурных вестей. Британские рыбаки верили, что когда над берегом летает кроншнеп, крик птицы предупреждает о кораблекрушении и смерти тех, кто в море. На севере Франции о бакланах, которые изгибают шеи на прибрежных скалах, высушивая свои крылья, говорят, что они поджидают человеческие души. И вдоль всего побережья Европы люди почитают чаек.

Кружась высоко над головой, чайки благословляют кораблестроителей, но англичане считают, что резкий крик чаек перед ланчем предвещает смерть на море.

Говорили, что чайки — это души утонувших моряков. Например, жители островов Шетланда рассказывали о прибрежном грабителе, который как-то ночью нашел на берегу тело моряка. Он снял с него одежду, обувь, он даже снял золотую сереж-

ку удачи моряка и оставил голое тело беспомощно качаться в волнах, пойманным в ловушку между скалами и морем. Спустя некоторое время грабителя стали навешать. Ночь за ночью чайка билась в окно его дома, пытаясь влететь и пронзительно крича, до тех пор пока этот человек не сошел с ума. Душа умершего требовала отмщения.

Так сильна была вера в то, что в чайках живут человеческие души, что рыбаки считали актом милосердия кормить их и преступлением — убивать. Некоторые береговые твари были больше чем просто предвестники или бестелесные привидения. Среди них были сельки северных берегов Шотландии, Ирландии и Гренландии. Днем они принимали облик серых тюленей, которые выползали на скалы и ловили рыбу в мелководье, медленные и неповоротливые на земле, мощные и быстрые в воде. Но ночью они становились мужчинами и женщинами.

Кем они были? На Шетландских островах говорили, что это было племя, которое жило на дне морском — на земле, скрытой в разноцветных водорослях, где стоял кристальный дворец, расsvеченный фосфором и позолотой.

На Оркнейских островах и вдоль скандинавского берега сельки, как говорят, — это души утонувших мужчин и женщин.

Однако все соглашались в том, что в определенное время — некоторые говорят, каждую девятую ночь, некоторые — только раз в году в се-

редине лета — смертные, которые осмеливаются в темноте гулять по берегу, могут увидеть прелестную картину. Поднимается луна, и на дорожке, которую она высвечивает в море, видны темные головы — это тюлени, плывущие к берегу. Они выползают на серебристые прибрежные скалы; какое-то время они отдыхают на камнях. Затем животные, затрепетав, поднимаются, их кожа сползает на землю, и они превращаются в прекраснейших дев; и крики их более не пронзительный кашель морских животных, а сладостное пение женщин. Напевая, они танцуют до тех пор, пока звезды не погаснут. Тогда они опять влезают в тюленьи шкуры. Жители острова рассказывали, что тот, кто стащит шкуру во время этих танцев, мог заполучить девушку в жены, потому что без своей шкуры она не могла вернуться в море. Пока шкура спрятана, такая женщина может быть прекрасной и верной женой, хотя она и горюет о своем морском доме. Некоторые из них даже рожают детей. Со временем эти жены находят свои шкуры и возвращаются в море, оставив своих земных мужей обездоленными и своих детей сиротами. Ни один подобный союз между созданиями земли и воды не был прочен.

Тем не менее дети от этой любви — мальчики и девочки с перепончатыми пальцами — не были чем-то необыкновенным на берегах Шотландии. Их даже не боялись, их считали благословением моря.

Иногда таких детей рожали и смертные женщины от сельков. Девушке достаточно только пройтись одной по берегу и уронить семь слезинок в воду, чтобы вызвать селька. Когда соленые слезы смешиваются с соленым морем, из воды поднимается мужчина, сбрасывающий кожу. Он остается с женщиной на берегу и затем исчезает. Позднее она рождает. Некоторые из этих детей остаются с матерями, некоторых, однако, требуют к себе отцы, пока они совсем маленькие. В противном случае жизнь их превращается в пытку. Рожденные от союза земли и воды, они все время страдают, все время чувствуют зов то одной, то другой стихии.

Однако подобных мучений не испытывают русалки — красавицы с хвостами вместо ног. В Шотландии этих призраков берега считают также частью народа Фин, так же как и сельков. Но русалки значительно дальше от северных берегов и значительно старше, чем племя сельков. Согласно древним сказаниям, они дочери Афродиты, рожденной из пены богини любви.

В память о своих предках русалки носят украшения Афродиты: блестящую эмблему пылающей планеты Венеры и гребни из слоновой кости, которые означают власть женственности.

Обворожительные, божественные певицы, русалки представляют угрозу для мужчин: они заманивают людей в подводное царство и захватывают там их души. Любовь русалки приводит к смерти — смерти без погребения, которое принесло бы покой душе. Так привлекательны были

эти создания, что их изображения — всегда с зеркалом и гребнем — были во многих церквах от Болоньи до Йоркшира как предостережение против чувственных пороков. И так пугающи были они в своей красоте, что один вид русалки, расчесывающей свои длинные локоны и поющей песни, был предзнаменованием ужасных штормов.

Конечно, морской берег не был единственной границей между водой и землей. Многие существа водного царства жили вдоль берегов наземных источников. Возможно, потомки старых забытых богов, эти одинокие духи таились в речных камышах, или прятались в глубине тихих прудов, или селились под водопадами, ожидая появления беспечного человека.

Изменчивый образ — это их всеобщий признак, и они могли принимать самый трогательный вид. Шупилти Шотландских озер, например, обычно предстают в облике маленьких пони, шиплющих травку у кромки волн, но иногда они вдруг превращаются в молодых мужчин. Они заманивают людей к краю воды и здесь губят их. Пища, которая их поддерживает, — это кровь утопленников. Точно так же скандинавские паны могут представиться то лодкой, то маленькой собачкой, или стариком с зелеными глазами, с всклокоченной бородой, или просто глухим голосом, эхом раздающимся над водой, требующим себе в жертву человеческую жизнь каждый год.

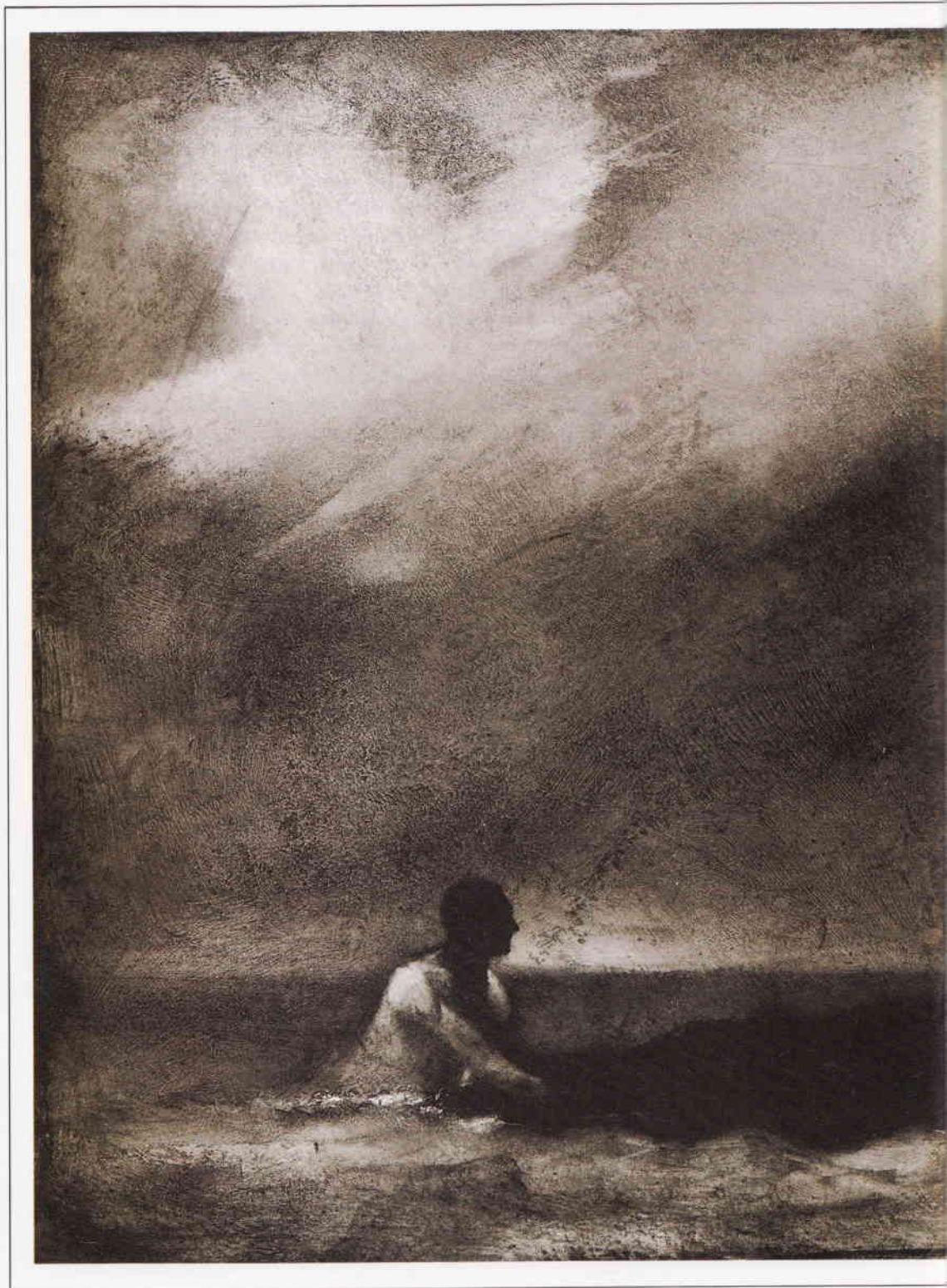
Некоторые из жителей наземных вод бывают очень смешными. *Каппы*, или *кавако* (дитя реки), или японские гоблины, которые пожирают людей, — кособокие, похожие на

обезьянок твари с морщинистой кожей и перепончатыми пальцами; у *каппов* на черепе есть маленькая впадинка, которая наполняется речной водой, поддерживающей их жизнь. Рядом с рекой Тиз на севере Англии обитает зеленоволосая, черноротая, зеленозубая карга по имени Пег Паулер. Это — просто ведьма; нежная плоть маленьких детей — ее излюбленная пища.

Множество этих созданий — среди них и нимфа, которая завлекла Бормуса — были так же прелестны, как и русалки. Действительно, они охраняли воду, но они также были искусны в колдовстве и превращали свои жертвы в рабов древних сил.

В Шотландии одно такое существо жило в тихом прудике, иногда в образе милой коричневой форели, иногда в образе девушки, столь же грациозной, как и березка, которая нависала над водой. Хотя никто не знает, как это случилось, но она увлекла одного юношу по имени Колвилл, и он оставил своих товарищей, чтобы присоединиться к ней.

Он так бы и провел всю свою жизнь, если бы его семья не решила женить его на смертной женщине, веселой и живой, как само лето. Колвилл оставался с ней несколько дней после свадьбы, по-видимому оторванный от опасностей иного мира. Но жена его, сама того не желая, отправила Колвилла назад к его водяной возлюбленной. Она слышала об этих свиданиях и попросила его не ходить больше к пруду.

Рассказывают, что в Шотландии девушки иногда вызывают к себе любвеобильных сельков, роняя в воду семь слезинок. Сельки выходят на берег и даруют женщине ребенка. Затем они исчезают в море, оставляя одинокую мать.

Колвилл стоял и смотрел на свою жену. На плотные кольца ее сверкающих кос, на ее парчовое платье, перевязанное тяжелым золотым поясом, который он подарил ей на свадьбу. И рядом с этими украшениями представилось ему горное озеро с тонкими березками, распушенные волосы нимфы и ее темные, как листья, смеющиеся глаза. Колвилл повернулся и оставил свою жену одну в ее земном доме. В легкой мерцающей тени, которую отбрасывают на траву березки, его поджидала нимфа, почти невидимая среди листвы, играя длинными пальцами в озерной воде. Колвилл преклонил перед ней колена. Погладив его по голове, она спросила: «И как тебе твоя жена?» Он покачал головой и обнял нимфу, но она только улыбнулась холодной, как вода, улыбкой.

«Не болит твоя голова, юный Колвилл?» — спросила она мягко.

Боль пронзила его виски, столь горячая и внезапная, что слезы вернулись на глаза. «Отрежь кусок моей ткани и перевяжи голову — это немного облегчит твою боль». Колвилл сделал так, как она сказала. Ножом своим он отрезал клочок ее покрывала, пока нимфа смотрела на него ничего не выражающим взором. Улыбка появилась у нее на губах, когда он обматывал свою голову.

Как железный обруч, как мучительный канат, шелковый кусок сжимал голову Колвилла все сильнее и сильнее, пока не хрустнули кости и кровь не полилась

из глаз. Колвилл не издал ни звука. Он упал на колени, вцепившись в жестокую повязку нимфы. Она только сильнее сжалась при его прикосновении. Тогда он повернулся к нимфе, схватив свой нож, но она ускользнула, легкая, как брызги. Она приостановилась у края воды. «Это было неразумно — оставить меня, юный Колвилл, ради смертной девицы».

Он рухнул на землю от дикой боли, а нимфа нырнула в озеро. Когда Колвилла нашли, он был уже мертв. Ничего не было видно в озере, только плавал кусочек хвостика форели.

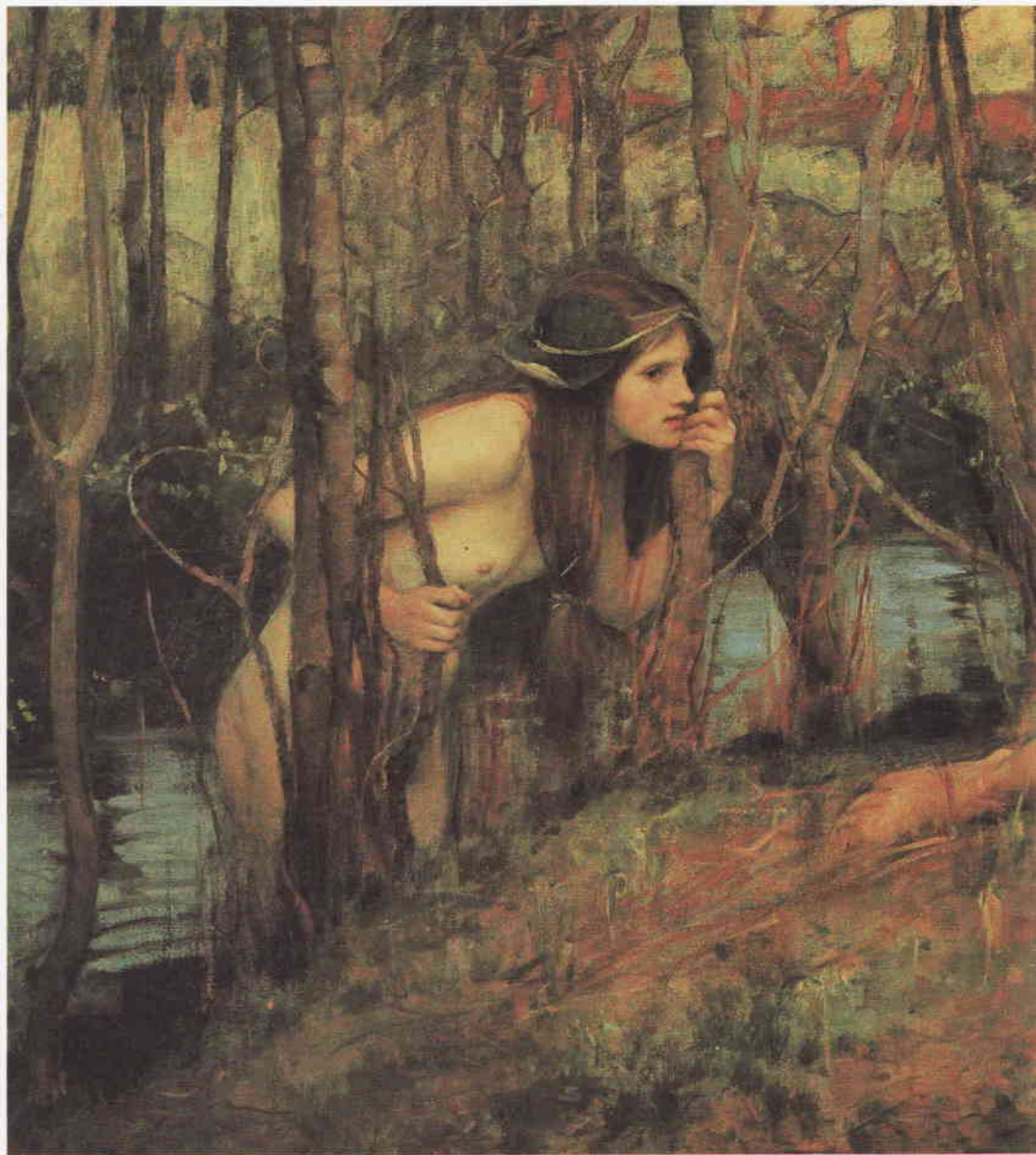
Нимфа, отрицая саму жизнь, однако сохраняла жизнь тем, кто был ей верен. Это бывало довольно часто, тем не менее не все водяные духи губили смертных из жадности или из мести. Кажется, было и некое родство между народом водного мира и народом земли, своеенравное, изменяемое влечение, ни к чему не приводящее, так как древние представители озер и источников принадлежали миру смертных не более, чем смертные их миру: те, кто пересек эти границы, должны оставить жизнь, известную им прежде.

В Швейцарии, к примеру, часто рассказывают истории о никсах, прелестных феях озер и источников, которые иногда выходили на берег и прогуливались среди мужчин и женщин, неотличимые совершенно от земных созданий, разве что вода капала у них с подола платья.

Швейцарцы рассказывают, что когда-то озеро Заг, расположенное

*Победоносно смеясь и сверкая чешуей, нимфа ускользнула от
юного Холвилла, которого она убила своим колдовством.*

высоко в горах недалеко от Люцер-на, населяло племя никсов, управляемое королем Эльфом, жившем в стеклянном дворце на дне озера. По ночам дочери короля иногда прогуливались среди молодых людей в деревне, расположенной на берегу

озера. При свете фонарей водяные девы танцевали на праздниках, для того чтобы снова исчезнуть на заре, оставив мокрый след, ведущий к берегу озера. Но расставание не всегда было легким. Одна юная никса глубоко привязалась к молодому

Только глупец мог прилечь и заснуть у ручья или у границ источника.

Одинокие нимфы, охраняющие воды, появлялись перед ними, и спящий мог проснуться от сиянья красоты, которая приведет его к гибели.

крестьянину спокойного и тихого нрава. И он, в свою очередь, был очарован той, чей голос был нежен, как плеск волн, и чьи волосы искрились брильянтами тысячи капель.

Однако никса не могла выжить, оставаясь на берегу. И спустя неде-

лю она вынудила своего возлюбленного присоединиться к ней в ее озерном доме. Искусная в волшебстве, она послала духа, который мог позволить смертному жить под водой, дышать в безвоздушном пространстве, но она не могла устра-

Битва со стражем фронтана

Не все духи вод могли принять человеческий облик: рядом с Лерной, на восточном берегу Греции, было логовище Гидры, твари со множеством змеиных голов, одна из которых бессмертна, и столь ядовитым дыханием, что оно могло убить любого. Она появлялась всегда в сопровождении огромного краба. Эта Гидра также забредала и на плодородные земли вокруг болота, пугая живущих там.

И вот как-то Геркулес вызвал Гидру на бой. Он выманил Гидру из логова, пуская туда горящие стрелы. Разгневанная, она напала на него, обвив его ноги, головы ее корчились в предвкушении битвы. У его ног ползал краб со множеством щупалец.

Геркулес раздавил краба пятой. И обрушил на головы Гидры удары; его оруженосец затупил свою дубину, так как новые головы вырастали на месте старых. Геркулес отрубил голову, которая была бессмертна, и глубоко закопал ее, чтобы навсегда заглушить бесконечное шипенье. Он обмакнул свои стрелы в яд Гидры, и с этого времени стрелы героя, отравленные желчью чудовища, сеяли повсюду смерть.

нить его тягу к своему народу, оставшемуся на земле. Он чах и томился за стеклянными стенами дома никсы.

Затем, говорят швейцарцы, никса использовала всю свою власть, чтобы облегчить жизнь любимому. Трудясь от восхода до заката, она изобразила его деревню на дне озера. И спустя века те, кто смотрел в воды озера Заг, мог видеть нечто большее, чем только отражение снежных вершин или перистых облаков. Если воды были спокойны и свет ярок, то смотрящий мог увидеть целый город под водой — церковные шпили, черепичные крыши, узкие улочки, деревья и сады. И это не было затонувшей деревней. Когда наступал вечер и свет мерцал на крышах домов, были слышны удары церковных колоколов из глубины, призывающих никсу и ее смертного возлюбленного к смирению.

Этот трогательный рассказ радует местных жителей, которым нравится считать, что подобное возможно. Большинство же людей знало об этом значительно больше, особенно те, кто жил на берегу моря. Тем не менее некоторые смертные, кто хорошо осознавал опасность, исходящую от воды, ее искали. Один из них — это молодой бретонец Хуару.

История Хуару началась в маленьком рыбацком поселке Понт-Авен, что находится в устье реки Авен. Юноша проделал путь пешком из Леона, без денег в кармане и без

каких-либо вещей, за исключением железного ножа да серебряного колокольчика. Этот талисман был дан Хуару женщиной, которая ждала его, пока он пытался найти себе работу.

Рыбаки Понт-Авена приняли его с радостью — он был крепкий малый с сильными руками. Но они были обособлены от мира и подозрительны ко всем пришельцам. В Бретани была распространена магия, и никто не знал, действительно ли незнакомец тот, за кого себя выдает. Они не делали никаких попыток сблизиться с Хуару.

Тем не менее он нашел приют в таверне. Это произошло в дымном, темном зале, ноябрьским вечером, когда дождь барабанил по крышам и ветер завывал на дворе. Хуару услышал истории о морских богатствах. Рыбак рассказывал об острове Локх и о золоте, которое поджидало там того, кто посмел бы встретиться с хранильницей тех мест. Наконец Хуару спросил: «Где же этот остров?»

Наступила тишина. Наконец один из рыбаков осушил свой бокал и ответил: «У Гленана». Он показал на запад, и Хуару понял, что Гленан — это группа скалистых островов, обычно покрытых туманом, которые находились в Бискайском заливе.

Там было много устриц, но мало кто отваживался их собирать, потому что у островов была дурная слава, хотя мало кто знал почему.

Но Хуару любил приключения, и на следующее утро он оставил рыбацкий поселок Понт-Авен и отправил-

*В глубине швейцарского озера находится целый город, перемещенный сюда водяной
феей, для того чтобы она могла не расставаться со своим смертным возлюбленным.*

ся искать сокровища. Взяв нож и колокольчик своей милой, он отбыл на запад в Конкерно.

В порту он прихватил неохранный шлюпку и поплыл в сторону Гленана, где поднимались из мрачной воды островные скалы. Локх легко было найти: он был самым большим в этой группе, и его скалы покрывали деревья. Хуару причалил в бухте и выбрался на берег. С залива поднимался туман, воздвигая серую стену вокруг солнечного островка.

Среди деревьев он нашел тихое озеро, вокруг которого росли ивы. На берегу лежала лодка, покрашенная в красный цвет и отделанная золотом. Это действительно было волшебство: озеро пресной воды на острове, окруженном морем, и лодка, которая, казалось, манила к себе Хуару.

Он взобрался в нее без колебаний. И без всяких усилий с его стороны она соскользнула с берега. На воде лодка вдруг задрожала и стала мягкой. И Хуару обнаружил, что, подобно птенцу, сидит верхом на огромном лебеде. Птица повернула голову и внимательно на него посмотрела. И вдруг она нырнула.

н открыл глаза только тогда, когда они опустились на дно и птичьи перья выскользнули у него из рук. Он стоял перед укрепленным замком, расположенном в саду и окруженном лесом. Это было очаровательное место, излучающее свет. По ту сторону журчала зеле-

ная вода, и высоко над ней солнечный диск освещал поверхность озера.

Но внутри светящегося барьера было сухо. У его ног рыба плавала в пруду, окруженном каменной оградой. «Выпей это», — вдруг произнес нежный голос у самого уха. Чаша с вином оказалась в его руках. Он повернулся и посмотрел прямо в глаза женщине, стоявшей перед ним. И в этот момент Хуару утонул в изумрудных глазах никсы, существа, которое бретонцы называют гракхом. Мысли о сокровищах, которые он искал, совершенно его оставили. Он забыл о доме и милой. Он без слов выпил вино, и никса хихикнула.

«Ты останешься со мной, юноша?» — спросила она.

Он кивнул.

«Тогда мы устроим брачный пир». Никса наклонилась, собрала рыбок из пруда в золоченую корзину и пошла к дому. Хуару последовал за ней.

В зале горел огонь, отражаясь на полу из бледного мрамора и золотых колоннах. Это был дом-сокровище, как раз такой, какой описывал рыбак в Понт-Авене. Но Хуару не смотрел по сторонам. Он стоял, вытянув руки по швам, в ожидании приказаний никсы.

«Мы должны совершить жертвоприношение, — сказала она и дотронулась до золотой корзины. — Брось рыбок в огонь, а потом мы их съедим». Она оставила его, и он почувствовал острую боль. Однако, взяв корзинку, пошел к огню. В ней неистово бились рыбки, и дюжина тон-

ких голосков эхом отдавалась в его ушах.

И когда он дотронулся до первой рыбки своим железным ножом, она вдруг прыгнула и исчезла, а вместо нее появился маленький человечек, такой же рыбак, как и он сам.

«Берегись, приятель, — крикнуло существо грубоватым голосом. — Мы все тоже когда-то были людьми». Затем маленький человек скрылся: железо, противодействуя колдовству, освободило человека от чар никсы, хотя и не восстановило его облик полностью. Тем не менее Хуару не убил никого из своего рода. В голове у него прояснилось. В ужасе он дотронулся до другой рыбки, затем еще до одной — и через несколько минут у его ног была целая армия человечков.

Они разбежались, когда в комнате вдруг раздалось рычание. Никса, высокая и стройная, стояла в дверях, складки ее длинного платья пенились вокруг ног, и серебряная сеть свисала до земли в ее руках.

«Ты боишься стать моим слугой?» — закричала она, и Хуару отпрянул, выронив свой нож.

Последнее, что он видел, — это сверкающие зеленые глаза никсы, когда сеть оказалась на его голове. Затем внезапно она взвилась вихрем шелка высоко под потолок. Серебряный колокольчик, который дала ему милая, выпал из его рубахи, громко звеня. По коже пробежал холодок. Он пытался крикнуть. Но только ужасное клокотанье вырвалось у него из горла.

«Ну что, моя маленькая жаба, — произнес голос высоко над ним, —

пришло время тебе отправиться в болото, где обычно обитают такие твари». Сильный удар перебросил его через всю комнату. Хуару вскочил на лягушачьи лапы и поскакал подальше от никсы. Он выпрыгнул за дверь и спрятался за домом в высокой траве.

Как долго Хуару пробыл в стране никсов, он не смог бы сказать, потому что свет здесь никогда не менялся и время, казалось, остановилось. Он квакал на краю пруда, где он видел заколдованных рыбок и слышал их тоненькие голоса. Но большей частью рыбки прятались в глубине, и Хуару прятался в зелени, подальше от цепких рук никсы и ее ног. Иногда никса пела, и он мог слышать ее мурлыканье о власти, о земных существах, пойманных в ловушку, о морских колдунах, о победе волн.

Но пришел день, когда новая жертва попала во дворец никсы. Это была молодая женщина. На ней развевались многочисленные юбки бретонского народного костюма, и низ ее платья был вышит так, как это делается в его деревне. И рядом с ее туфлями покоился наконечник пастушьего посоха. Она говорила с никсой, и голос ее был спокоен и тих, но Хуару не мог разобрать слов. В ужасе он пытался ее предупредить, но мог издать только гортанное кваканье. Нервно подергивая хвостиками, рыбки исчезли в глубине пруда.

В следующий момент мир взор-

*Утопленников ожидает печальная участь:
они становятся добычей хищных рыб под
равнодушными взорами русалок.*

вался. Искрящееся вино расплескалось по траве, серебряная сеть взлетела высоко в воздух. Никса издала рев, подобный реву зимнего моря, и затем исчезла. Сам Хуару завыл, неожиданно поднимаясь в воздух. Он стоял на земле прочно, на двух ногах и трепетал. Бретонская барышня, безмятежно улыбаясь, позвала его: «Милый». Это была его подружка из деревни, пришедшая, чтобы его освободить.

— Отважная девушка! — закричал он. — Как же ты меня нашла?

— Тебе нужно было волшебство старых жен против волшебства водяных, — ответила она. — Мой серебряный колокольчик позвал меня, этот посох привел меня. А холодное железо уничтожило злое очарование. Теперь никса — сама жаба, но она не долго пробудет в таком состоянии. Найди своих товарищей.

И вместе смертные мужчина и женщина, склонившись над прудом, дотронулись железным ножом до рыбок, одного за другим освободили рыбаков от власти этого страшного места. Она приказала всем взяться за руки. Затем ее посох начал гореть и двигаться и перенес живую цепь из озера на землю.

Мудрость бретонских жен спасла смертных, но долго она не могла сдерживать власть воды. И спустя годы бретонцы рассказывали уже новые истории об острове Локх, о несчастных, пойманных в сети волшебства.

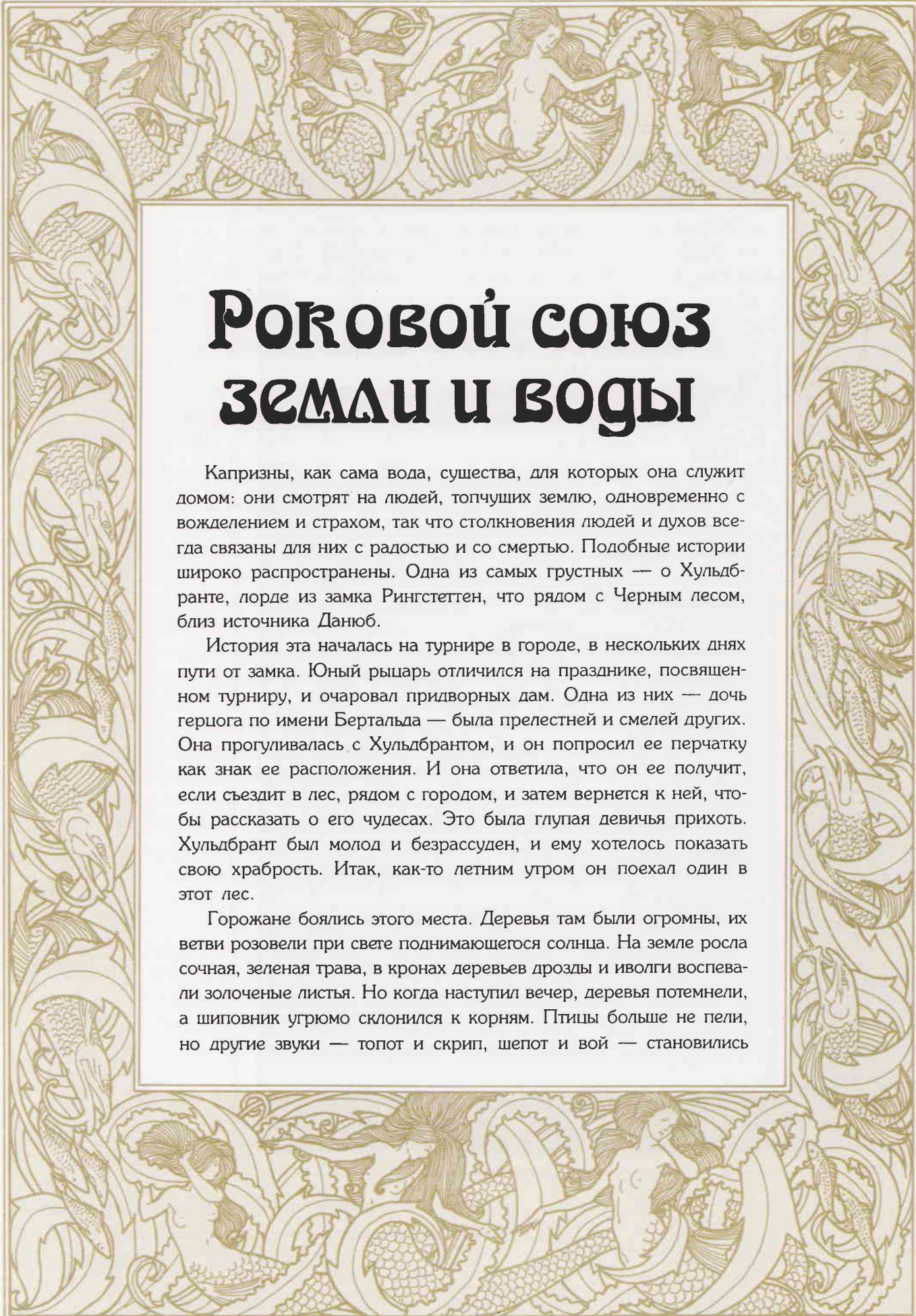
Неважно, что меньше стало рассказов о ней, неважно, как уменьши-

лась ее территория, никса — дитя огромной волшебной силы, потомок правящих этим миром с самого его возникновения, более сильных, чем люди, поселившиеся на земле. В жилах ее текла кровь Океана и Тезии, матери моря; холодной Раны, пожирающей моряков; могущественного Посейдона и nereид; сирен и морских чудовищ, русалок и сельков и всей компании народа Фин подводной империи.

Подобно им, она была из древнего мира. Она была стара, как волны моря, которые бьются о край земли, стара, как источники, что пузырятся в горных лесах и чьи воды питают глубокие озера и огромные реки, впадающие в мировой океан.

Рекрасные и таинственные, дающие жизнь и таящие смерть, воды и духи, которые ими управляют, не имеют начала и конца и границ своей власти. И были они неотразимо привлекательны для мужчин и женщин. Но смертные привязаны к праху, из которого они созданы. Они не смогут нырнуть в зеленые глубины вместе с русалками или петь в коралловых пещерах моря. Те, кто выбирает для себя очарование водного мира, навсегда теряет все, что делает его человеком, так как не остается открытых дверей между мирами. Те, кто пойман водою, обречены лежать, скованные и молчаливые, среди песков и скал морских глубин — хрупкие тени, раскачивающиеся подводными ветрами.

Роковой союз земли и воды

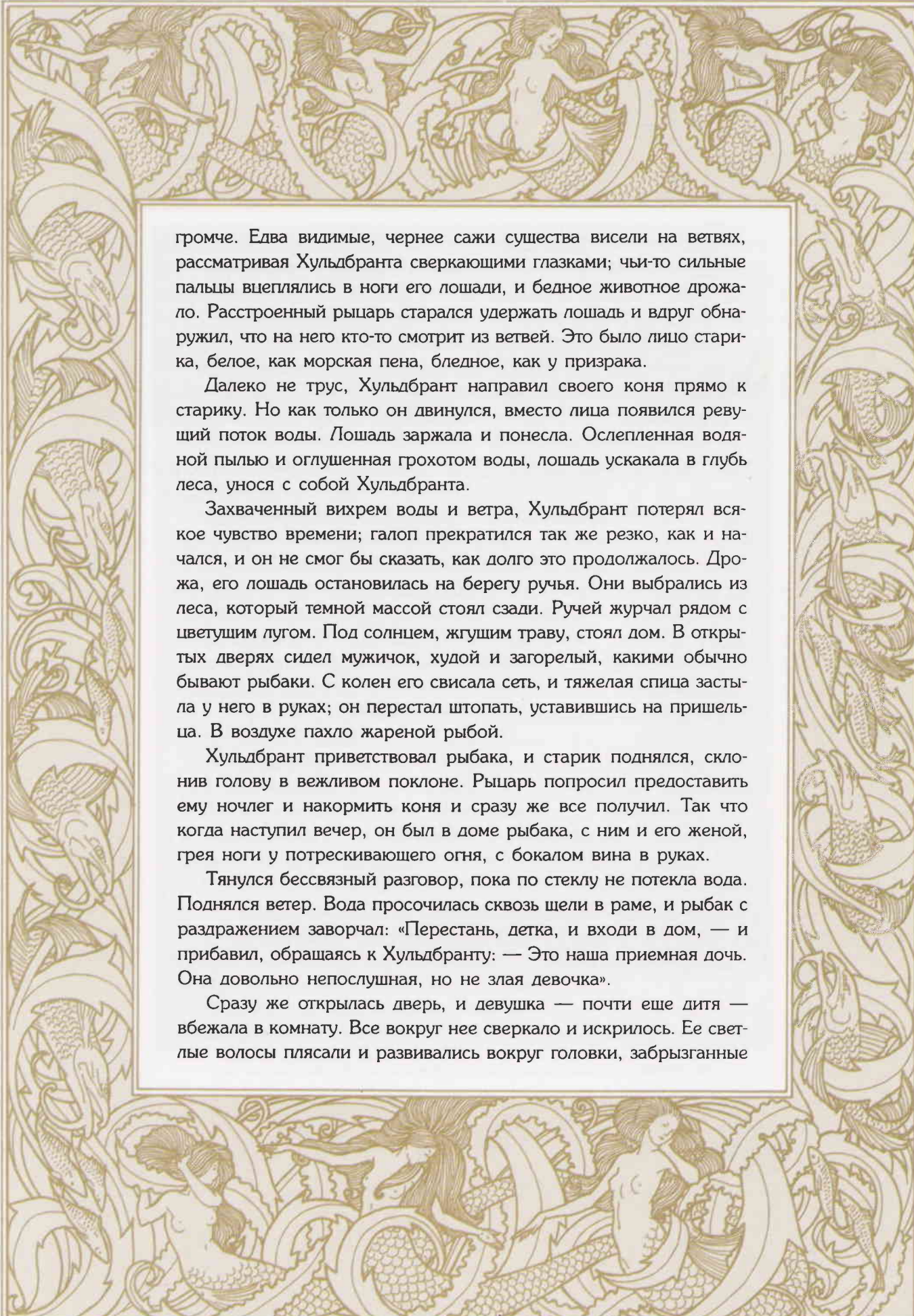
Капризы, как сама вода, существа, для которых она служит домом: они смотрят на людей, топчущих землю, одновременно с вожелением и страхом, так что столкновения людей и духов всегда связаны для них с радостью и со смертью. Подобные истории широко распространены. Одна из самых грустных — о Хульдбранте, лорде из замка Рингстеттен, что рядом с Черным лесом, близ источника Данюб.

История эта началась на турнире в городе, в нескольких днях пути от замка. Юный рыцарь отличился на празднике, посвященном турниру, и очаровал придворных дам. Одна из них — дочь герцога по имени Бертальда — была прелестней и смелей других. Она прогуливалась с Хульдбрантом, и он попросил ее перчатку как знак ее расположения. И она ответила, что он ее получит, если съездит в лес, рядом с городом, и затем вернется к ней, чтобы рассказать о его чудесах. Это была глупая девичья прихоть. Хульдбрант был молод и безрассуден, и ему хотелось показать свою храбрость. Итак, как-то летним утром он поехал один в этот лес.

Горожане боялись этого места. Деревья там были огромны, их ветви розовели при свете поднимающегося солнца. На земле росла сочная, зеленая трава, в кронах деревьев дрозды и иволги воспевали золоченые листья. Но когда наступил вечер, деревья потемнели, а шиповник угрюмо склонился к корням. Птицы больше не пели, но другие звуки — топот и скрип, шепот и вой — становились

По просьбе прелестной женщины Хульдбрант вошел в зачарованный лес.

громче. Едва видимые, чернее сажи существа висели на ветвях, рассматривая Хульдбранта сверкающими глазками; чьи-то сильные пальцы вцеплялись в ноги его лошади, и бедное животное дрожало. Расстроенный рыцарь старался удержать лошадь и вдруг обнаружил, что на него кто-то смотрит из ветвей. Это было лицо старика, белое, как морская пена, бледное, как у призрака.

Далеко не трус, Хульдбрант направил своего коня прямо к старику. Но как только он двинулся, вместо лица появился ревущий поток воды. Лошадь заржала и понесла. Ослепленная водяной пылью и оглушенная грохотом воды, лошадь ускакала в глубь леса, унося с собой Хульдбранта.

Захваченный вихрем воды и ветра, Хульдбрант потерял всякое чувство времени; галоп прекратился так же резко, как и начался, и он не смог бы сказать, как долго это продолжалось. Дрожая, его лошадь остановилась на берегу ручья. Они выбрались из леса, который темной массой стоял сзади. Ручей журчал рядом с цветущим лугом. Под солнцем, жгущим траву, стоял дом. В открытых дверях сидел мужичок, худой и загорелый, какими обычно бывают рыбаки. С колен его свисала сеть, и тяжелая спица застыла у него в руках; он перестал штопать, уставившись на пришельца. В воздухе пахло жареной рыбой.

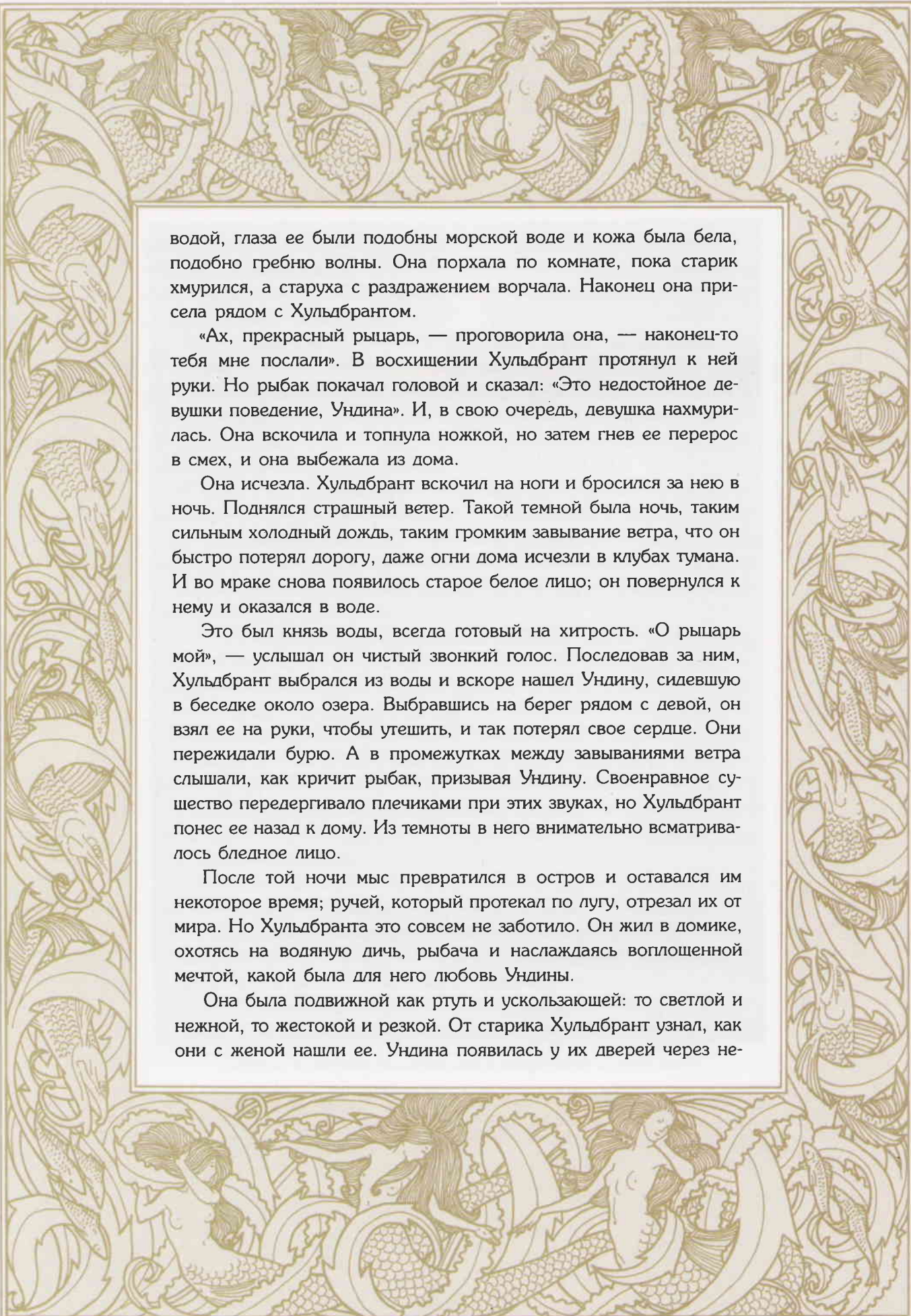
Хульдбрант приветствовал рыбака, и старик поднялся, склонив голову в вежливом поклоне. Рыцарь попросил предоставить ему ночлег и накормить коня и сразу же все получил. Так что когда наступил вечер, он был в доме рыбака, с ним и его женой, грея ноги у потрескивающего огня, с бокалом вина в руках.

Тянулся бессвязный разговор, пока по стеклу не потекла вода. Поднялся ветер. Вода просочилась сквозь щели в раме, и рыбак с раздражением заворчал: «Перестань, детка, и входи в дом, — и прибавил, обращаясь к Хульдбранту: — Это наша приемная дочь. Она довольно непослушная, но не злая девочка».

Сразу же открылась дверь, и девушка — почти еще дитя — вбежала в комнату. Все вокруг нее сверкало и искрилось. Ее светлые волосы плясали и развивались вокруг головки, забрызганные

Дитя ветра и волн, Ундина ждала смертного, который ее полюбит.

водой, глаза ее были подобны морской воде и кожа была бела, подобно гребню волны. Она порхала по комнате, пока старик хмурился, а старуха с раздражением ворчала. Наконец она присела рядом с Хульдбрантом.

«Ах, прекрасный рыцарь, — проговорила она, — наконец-то тебя мне послали». В восхищении Хульдбрант протянул к ней руки. Но рыбак покачал головой и сказал: «Это недостойное девушки поведение, Ундина». И, в свою очередь, девушка нахмурилась. Она вскочила и топнула ножкой, но затем гнев ее перерос в смех, и она выбежала из дома.

Она исчезла. Хульдбрант вскочил на ноги и бросился за нею в ночь. Поднялся страшный ветер. Такой темной была ночь, таким сильным холодный дождь, таким громким завывание ветра, что он быстро потерял дорогу, даже огни дома исчезли в клубах тумана. И во мраке снова появилось старое белое лицо; он повернулся к нему и оказался в воде.

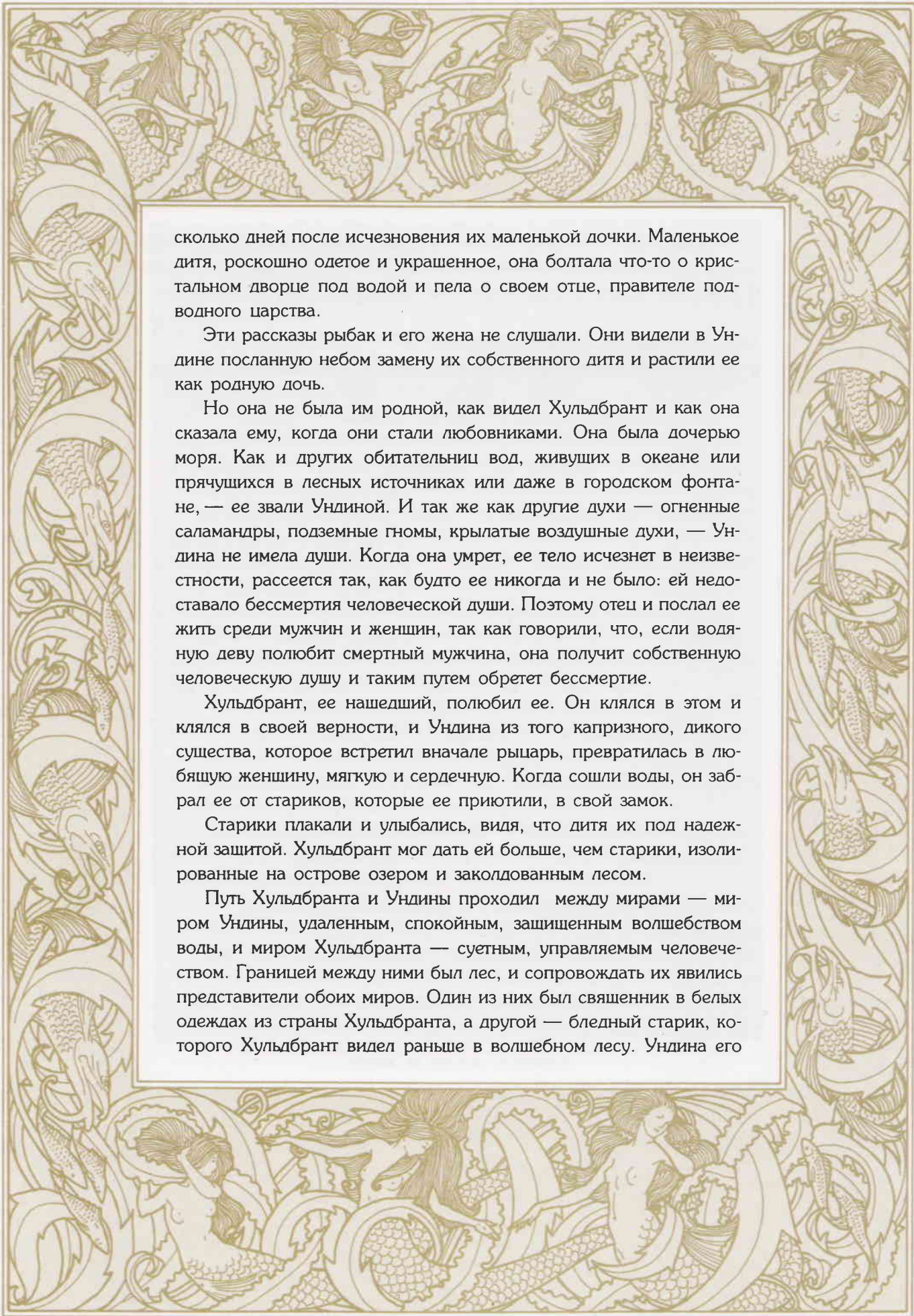
Это был князь воды, всегда готовый на хитрость. «О рыцарь мой», — услышал он чистый звонкий голос. Последовав за ним, Хульдбрант выбрался из воды и вскоре нашел Ундину, сидевшую в беседке около озера. Выбравшись на берег рядом с девой, он взял ее на руки, чтобы утешить, и так потерял свое сердце. Они пережидали бурю. А в промежутках между завываниями ветра слышали, как кричит рыбак, призывая Ундину. Своенравное существо передергивало плечиками при этих звуках, но Хульдбрант понес ее назад к дому. Из темноты в него внимательно всматривалось бледное лицо.

После той ночи мыс превратился в остров и оставался им некоторое время; ручей, который протекал по лугу, отрезал их от мира. Но Хульдбранта это совсем не заботило. Он жил в домике, охотясь на водяную дичь, рыбака и наслаждаясь воплощенной мечтой, какой была для него любовь Ундины.

Она была подвижной как ртуть и ускользящей: то светлой и нежной, то жестокой и резкой. От старика Хульдбрант узнал, как они с женой нашли ее. Ундина появилась у их дверей через не-

Влюбленные укрылись на острове.

сколько дней после исчезновения их маленькой дочки. Маленькое дитя, роскошно одетое и украшенное, она болтала что-то о кристальном дворце под водой и пела о своем отце, правителе подводного царства.

Эти рассказы рыбак и его жена не слушали. Они видели в Ундине посланную небом замену их собственного дитя и растили ее как родную дочь.

Но она не была им родной, как видел Хульдбрант и как она сказала ему, когда они стали любовниками. Она была дочерью моря. Как и других обительниц вод, живущих в океане или прячущихся в лесных источниках или даже в городском фонтане, — ее звали Ундиной. И так же как другие духи — огненные саламандры, подземные гномы, крылатые воздушные духи, — Ундина не имела души. Когда она умрет, ее тело исчезнет в неизвестности, рассеется так, как будто ее никогда и не было: ей недоставало бессмертия человеческой души. Поэтому отец и послал ее жить среди мужчин и женщин, так как говорили, что, если водяную деву полюбит смертный мужчина, она получит собственную человеческую душу и таким путем обретет бессмертие.

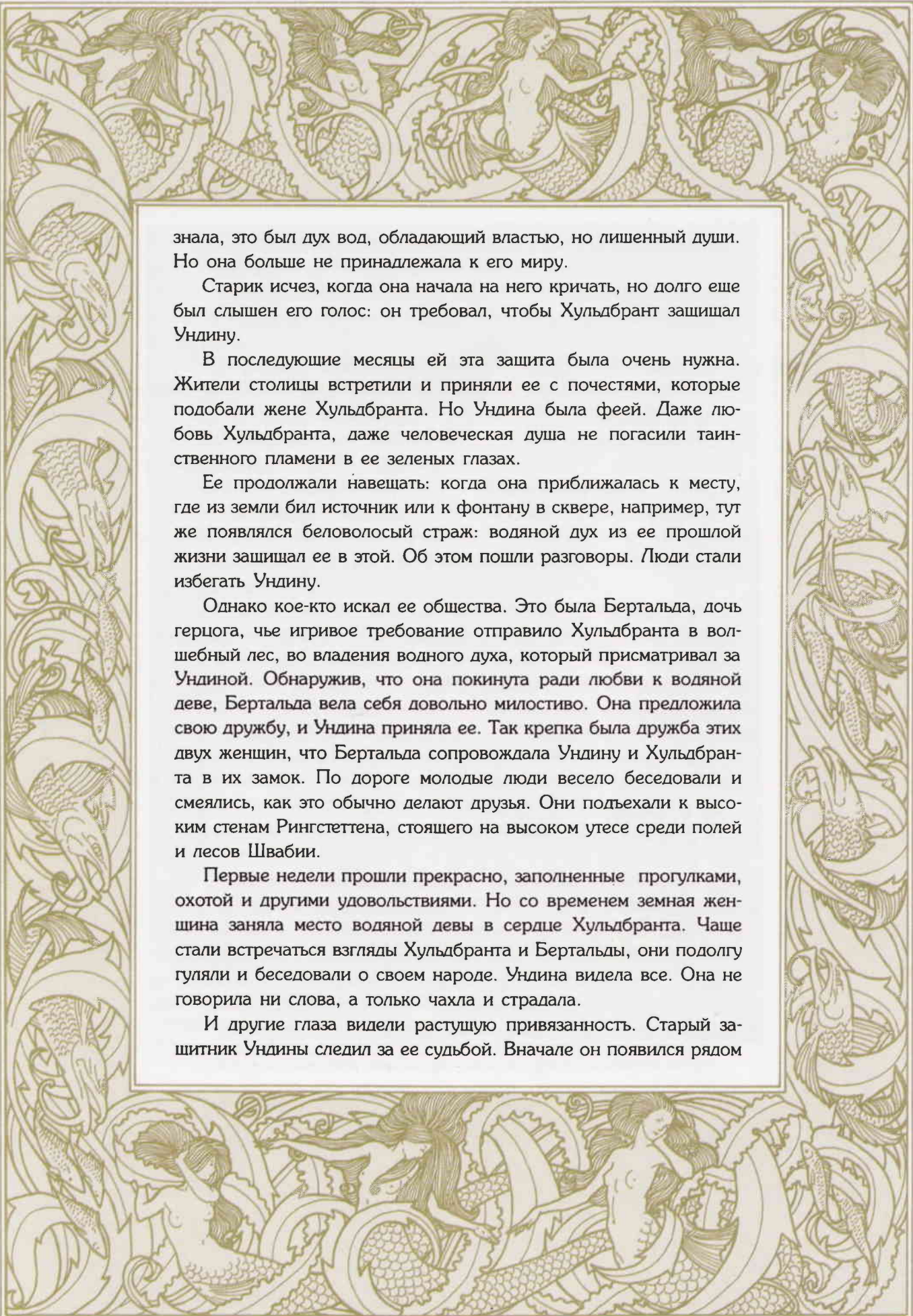
Хульдбрант, ее нашедший, полюбил ее. Он клялся в этом и клялся в своей верности, и Ундина из того капризного, дикого существа, которое встретил вначале рыбак, превратилась в любящую женщину, мягкую и сердечную. Когда сошли воды, он забрал ее от стариков, которые ее приютили, в свой замок.

Старики плакали и улыбались, видя, что дитя их под надежной защитой. Хульдбрант мог дать ей больше, чем старики, изолированные на острове озером и заколдованным лесом.

Путь Хульдбранта и Ундины проходил между мирами — миром Ундины, удаленным, спокойным, защищенным волшебством воды, и миром Хульдбранта — суетным, управляемым человечеством. Границей между ними был лес, и сопровождать их явились представители обоих миров. Один из них был священник в белых одеждах из страны Хульдбранта, а другой — бледный старик, которого Хульдбрант видел раньше в волшебном лесу. Ундина его

Ундина отправилась в мир смертных под защитой священника и духа вод.

знала, это был дух вод, обладающий властью, но лишенный души. Но она больше не принадлежала к его миру.

Старик исчез, когда она начала на него кричать, но долго еще был слышен его голос: он требовал, чтобы Хульдбрант защищал Ундину.

В последующие месяцы ей эта защита была очень нужна. Жители столицы встретили и приняли ее с почестями, которые подобали жене Хульдбранта. Но Ундина была феей. Даже любовь Хульдбранта, даже человеческая душа не погасили таинственного пламени в ее зеленых глазах.

Ее продолжали навешать: когда она приближалась к месту, где из земли бил источник или к фонтану в сквере, например, тут же появлялся беловолосый страж: водяной дух из ее прошлой жизни защищал ее в этой. Об этом пошли разговоры. Люди стали избегать Ундину.

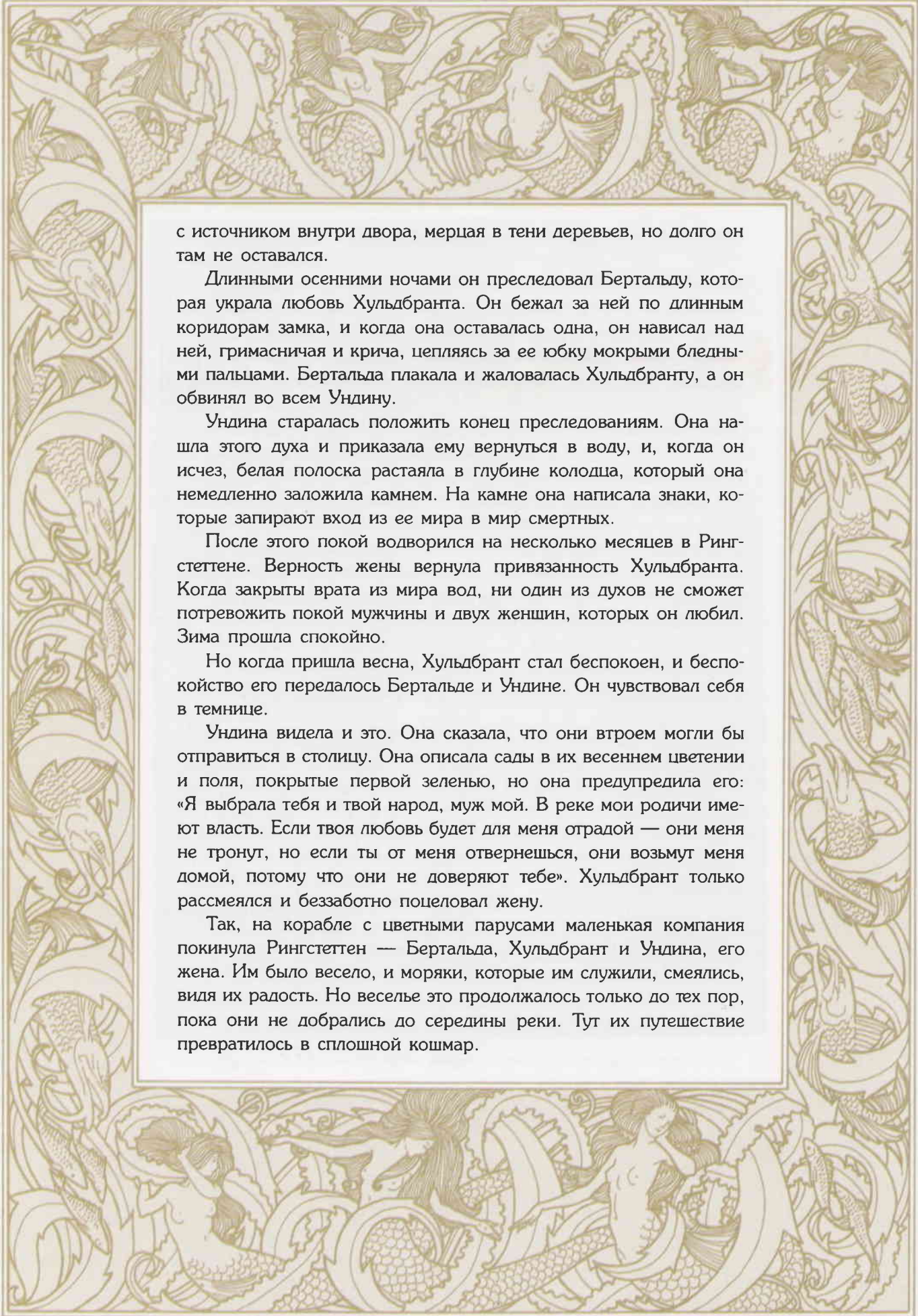
Однако кое-кто искал ее общества. Это была Бертальда, дочь герцога, чье игривое требование отправило Хульдбранта в волшебный лес, во владения водного духа, который присматривал за Ундиной. Обнаружив, что она покинута ради любви к водяной деве, Бертальда вела себя довольно милостиво. Она предложила свою дружбу, и Ундина приняла ее. Так крепка была дружба этих двух женщин, что Бертальда сопровождала Ундину и Хульдбранта в их замок. По дороге молодые люди весело беседовали и смеялись, как это обычно делают друзья. Они подъехали к высоким стенам Рингстеттена, стоящего на высоком утесе среди полей и лесов Швабии.

Первые недели прошли прекрасно, заполненные прогулками, охотой и другими удовольствиями. Но со временем земная женщина заняла место водяной девы в сердце Хульдбранта. Чаше стали встречаться взгляды Хульдбранта и Бертальды, они подолгу гуляли и беседовали о своем народе. Ундина видела все. Она не говорила ни слова, а только чахла и страдала.

И другие глаза видели растущую привязанность. Старый защитник Ундины следил за ее судьбой. Вначале он появился рядом

В мире Хульдбранта Ундину поджидала соперница — леди Бертальда.

с источником внутри двора, мерцая в тени деревьев, но долго он там не оставался.

Длинными осенними ночами он преследовал Бертальду, которая украла любовь Хульдбранта. Он бежал за ней по длинным коридорам замка, и когда она оставалась одна, он нависал над ней, гримасничая и крича, цепляясь за ее юбку мокрыми бледными пальцами. Бертальда плакала и жаловалась Хульдбранту, а он обвинял во всем Ундину.

Ундина старалась положить конец преследованиям. Она нашла этого духа и приказала ему вернуться в воду, и, когда он исчез, белая полоска растаяла в глубине колодца, который она немедленно заложила камнем. На камне она написала знаки, которые запирают вход из ее мира в мир смертных.

После этого покой водворился на несколько месяцев в Рингстеттене. Верность жены вернула привязанность Хульдбранта. Когда закрыты врата из мира вод, ни один из духов не сможет потревожить покой мужчины и двух женщин, которых он любил. Зима прошла спокойно.

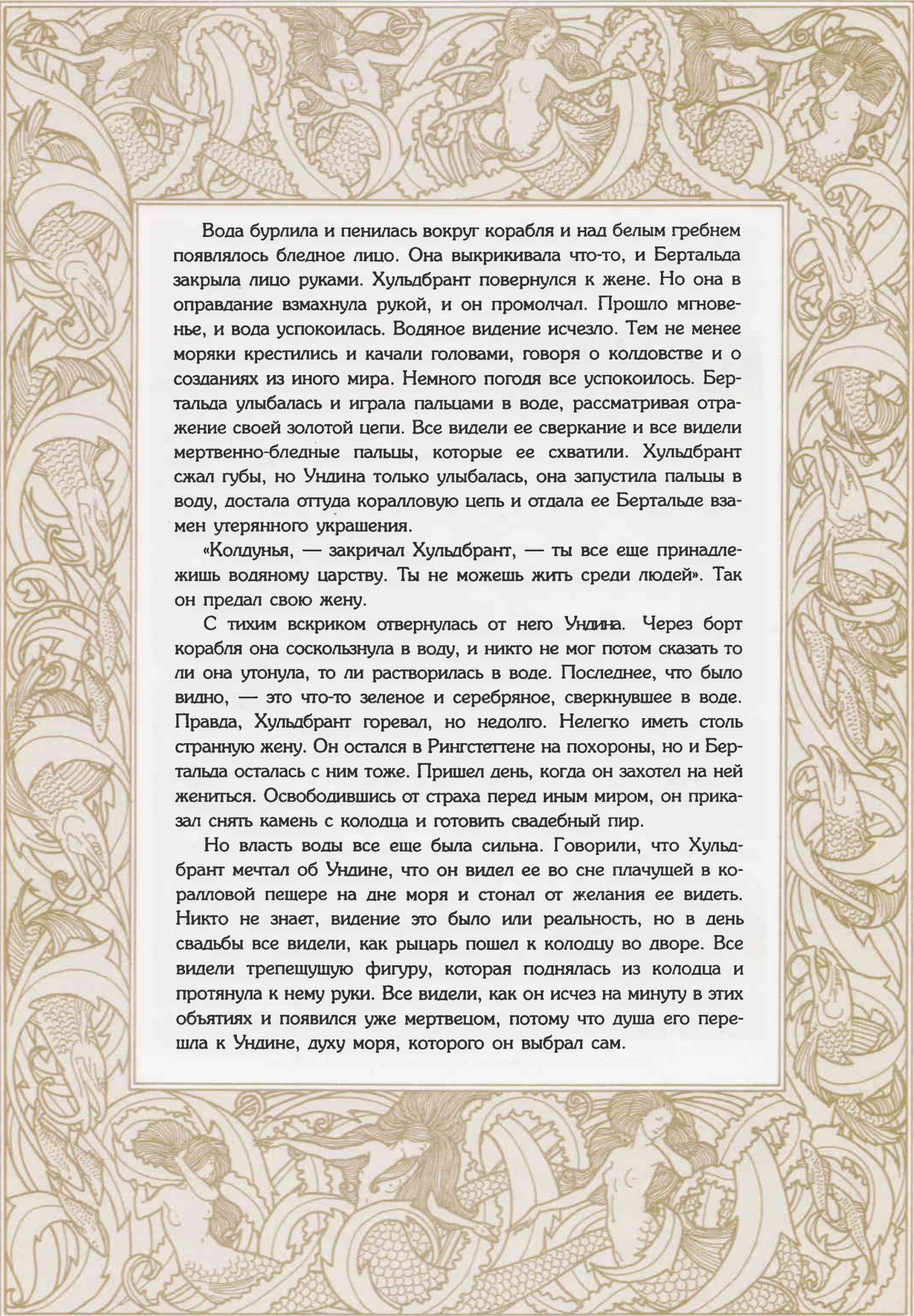
Но когда пришла весна, Хульдбрант стал беспокоен, и беспокойство его передалось Бертальде и Ундине. Он чувствовал себя в темнице.

Ундина видела и это. Она сказала, что они втроем могли бы отправиться в столицу. Она описала сады в их весеннем цветении и поля, покрытые первой зеленью, но она предупредила его: «Я выбрала тебя и твой народ, муж мой. В реке мои родичи имеют власть. Если твоя любовь будет для меня отрадой — они меня не тронут, но если ты от меня отвернешься, они возьмут меня домой, потому что они не доверяют тебе». Хульдбрант только рассмеялся и беззаботно поцеловал жену.

Так, на корабле с цветными парусами маленькая компания покинула Рингстеттен — Бертальда, Хульдбрант и Ундина, его жена. Им было весело, и моряки, которые им служили, смеялись, видя их радость. Но веселье это продолжалось только до тех пор, пока они не добрались до середины реки. Тут их путешествие превратилось в сплошной кошмар.

Брошенная Хульдбрантом, морская дева исчезла в водах.

Вода бурлила и пенилась вокруг корабля и над белым гребнем появлялось бледное лицо. Она выкрикивала что-то, и Бертальда закрыла лицо руками. Хульдбрант повернулся к жене. Но она в оправдание взмахнула рукой, и он промолчал. Прошло мгновение, и вода успокоилась. Водяное видение исчезло. Тем не менее моряки крестились и качали головами, говоря о колдовстве и о созданиях из иного мира. Немного погодя все успокоилось. Бертальда улыбалась и играла пальцами в воде, рассматривая отражение своей золотой цепи. Все видели ее сверкание и все видели мертвенно-бледные пальцы, которые ее схватили. Хульдбрант сжал губы, но Ундина только улыбалась, она запустила пальцы в воду, достала оттуда коралловую цепь и отдала ее Бертальде взамен утерянного украшения.

«Колдунья, — закричал Хульдбрант, — ты все еще принадлежишь водяному царству. Ты не можешь жить среди людей». Так он предал свою жену.

С тихим вскриком отвернулась от него Ундина. Через борт корабля она соскользнула в воду, и никто не мог потом сказать то ли она утонула, то ли растворилась в воде. Последнее, что было видно, — это что-то зеленое и серебряное, сверкнувшее в воде. Правда, Хульдбрант горевал, но недолго. Нелегко иметь столь странную жену. Он остался в Рингстеттене на похороны, но и Бертальда осталась с ним тоже. Пришел день, когда он захотел на ней жениться. Освободившись от страха перед иным миром, он приказал снять камень с колодца и готовить свадебный пир.

Но власть воды все еще была сильна. Говорили, что Хульдбрант мечтал об Ундине, что он видел ее во сне плачущей в коралловой пещере на дне моря и стонал от желания ее видеть. Никто не знает, видение это было или реальность, но в день свадьбы все видели, как рыцарь пошел к колодцу во дворе. Все видели трепещущую фигуру, которая поднялась из колодца и протянула к нему руки. Все видели, как он исчез на минуту в этих объятиях и появился уже мертвецом, потому что душа его перешла к Ундине, духу моря, которого он выбрал сам.

В снах Хульбранта Ундина грустно пела в подводном дворце.

Иллюстрации

В книге использованы иллюстрации и фотографии:

Cover: Detail from a painting by J. W. Waterhouse, The Royal Academy of Arts, courtesy The Bridgeman Art Library, London. 1-5: Artwork by Alicia Austin. 6-11: Artwork by John Howe. 15: Artwork by Matt Mahurin. 16, 17: Artwork by John Howe. 18-21: Artwork by Wayne Anderson. 24-27: Artwork by Julek Heller. 28-35: Artwork by Gary Kelley. 36, 37: Artwork by John Howe. 39: W. Russell Flint, from *The Heroes* by Charles Kingsley, © The Medici Society Ltd., 1912, courtesy Mary Evans Picture Library, London. 42, 43: Artwork by John Howe. 46, 47: Walter Crane, courtesy Neue Pinakothek, photographed by Blauel/Gnam, Artothek, Munich. 50, 51: Herbert Draper, Fer-

ens Art Gallery, Hull, courtesy The Bridgeman Art Library, London. 52-58: Artwork by Julek Heller. 60-67: Artwork by John Howe. 68, 69: Artwork by Matt Mahurin. 72, 73: Artwork by Troy Howell. 74: Courtesy Ill. *Familie Journal*, 1890, Copenhagen. 76-78: Artwork by Matt Mahurin. 80, 81: Kuniyoshi, courtesy B. W. Robinson Collection, photographed by Derek Bayes, London. 84, 85: Artwork by Matt Mahurin. 88, 89: T. J. Dix, courtesy Fine Art Photographic Library Ltd., London. 90: Howard Pyle, courtesy Delaware Art Museum, Howard Pyle Collection. 92-99: Artwork by Matt Mahurin. 100, 101: Artwork by Michael Hague. 103: Edward Bume-Jones, Fogg Art Museum, Harvard University, Grenville L. Winthrop Bequest. 106-108: Artwork by Michael Hague. 112, 113: Artwork by Matt Mahurin. 115: Arthur Rackham,

Kunstbibliothek, Berlin, by permission of Barbara Edwards, courtesy Bildarchiv Preussischer Kulturbesitz, West Berlin. 116, 117: J. W. Waterhouse, Roy Miles Fine Paintings, courtesy The Bridgeman Art Library, London. 118: A. F. Gouguet, document *l'Illustration/Sigma*, Paris, courtesy Mary Evans Picture Library, London. 120, 121: Artwork by Troy Howell. 124: Edmund Dulac, copyright Geraldine M. Anderson, from *The Tempest* by William Shakespeare, Hodder and Stoughton, 1908, courtesy Mary Evans Picture Library, London. 126-139: Arthur Rackham, from *Undine* by de La Motte-Foqué, published by William Heinemann, 1909, by permission of Barbara Edwards, courtesy Dorothy Bacon, London. Border artwork adapted from Arthur Rackham by Alicia Austin. 144: Artwork by Alicia Austin.

Библиография

Anderson, Rasmus B., ed. and transl., *Norse Mythology, or, The Religion of Our Forefathers, Containing All the Myths of the Eddas*. 7th ed. Chicago: Scott, Foresman, 1901.
Anson, Peter F., *Fisher Folk-Lore: Old Customs, Taboos and Superstitions among Fisher Folk, Especially in Brittany and Normandy, and on the East Coast of Scotland*. London: The Faith Press, 1965.
Apollonius Rhodius, *Argonautica*. Transl. by Edward P. Coleridge. New York: The Heritage Press, 1960.*
Armstrong, Warren, *Sea Phantoms*. New York: The John Day Company, 1961.
Ashton, John, *Curious Creatures in Zoology*. Detroit: Singing Tree Press, 1968 (reprint of 1890 edition).

Bacon, Janet Ruth, *The Voyage of the Argonauts*. Boston: Small, Maynard, 1925.
Baker, Margaret, *Folklore of the Sea*. London: David & Charles, 1979.
Barthell, Edward E., Jr., *Gods and Goddesses of Ancient Greece*. Coral Gables, Florida: University of Miami Press, 1971.
Bascom, Willard, *Deep Water, Ancient Ships*. Garden City, New York: Doubleday, 1976.
Bassett, Fletcher S., *Legends and Superstitions of the Sea and of Sailors, in All Lands and at All Times*. Chicago: Belford, Clarke, 1885.
Beck, Horace, *Folklore and the Sea*. Mystic, Connecticut: The Marine Historical Association, 1979.*
Benwell, Gwen, and Arthur Waugh, *Sea Enchantress: The Tale of*

the Mermaid and Her Kin. New York: The Citadel Press, 1965.
Blacker, Carmen, and Michael Loewe, eds., *Ancient Cosmologies*. London: George Allen & Unwin, 1975.
Briggs, Katharine, *An Encyclopedia of Fairies: Hobgoblins, Brownies, Bogies, and Other Supernatural Creatures*. New York: Pantheon Books, 1976.
Bringsværd, Tor Age, *Phantoms and Fairies from Norwegian Folklore*. Transl. by Pat Shaw Iversen. Oslo: Johan Grundt Tanum Forlag, no date.
Brown, Raymond Lamont, *Phantoms of the Sea: Legends, Customs and Superstitions*. New York: Taplinger, 1973.
Bulfinch, Thomas, *Myths of Greece and Rome*. Compiled by Bryan

- Holme. New York: Penguin Books, 1981.
- Campbell, Joseph, *The Masks of God: Occidental Mythology*. New York: Penguin Books, 1969.
- Carrington, Richard, *Mermaids and Mastodons: A Book of Natural & Un-natural History*. New York: Rinehart, 1957.
- Casson, Lionel, *The Ancient Mariners: Seafarers and Sea Fighters of the Mediterranean in Ancient Times*. New York: Macmillan, 1959.*
- Cavendish, Richard, ed., *Man, Myth & Magic*. 11 vols. New York: Marshall Cavendish, 1983.
- Child, Francis James, ed., *The English and Scottish Popular Ballads*. Vol. 1. New York: Pageant, 1956.*
- Cole, Joanna, comp., *Best-Loved Folktales of the World*. Garden City, New York: Doubleday, 1982.
- Colum, Padraic, *The Golden Fleece and the Heroes Who Lived before Achilles*. New York: Macmillan, 1967.
- Craigie, William A., ed. and transl., *Scandinavian Folk-Lore*. Detroit: Singing Tree Press, 1970 (reprint of 1896 edition).
- Davidson, H. R. Ellis, *Scandinavian Mythology* (Library of the World's Myths and Legends). London: Hamlyn, 1983.
- Davis, F. Hadland, *Myths & Legends of Japan*. New York: Farrar & Rinehart, 1932.*
- Deane, Tony, and Tony Shaw, *The Folklore of Cornwall*. Totowa, New Jersey: Rowman and Littlefield, 1975.
- De Carli, Franco, *The World of Fish*. Transl. by Jean Richardson. New York: Abbeville Press, 1978.
- Dozier, Thomas A., *Dangerous Sea Creatures* (Wild, Wild World of Animals series). New York: Time-Life Films, 1976.
- Engel, Leonard, *The Sea* (Life Nature Library). New York: Time Inc., 1961.
- Evans, Ivor H., ed., *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*. New York: Harper & Row, 1970.
- Evslin, Bernard, *Greeks Bearing Gifts: The Epics of Achilles and Ulysses*. New York: Four Winds Press, 1971.
- Farmer, Penelope, comp. and ed., *Beginnings: Creation Myths of the World*. New York: Atheneum, 1979.
- Filby, Frederick A., *The Flood Reconsidered: A Review of the Evidences of Geology, Archaeology, Ancient Literature and the Bible*. London: Pickering & Inglis, 1970.
- Frank, Harry Thomas, *Discovering the Biblical World*. Maplewood, New Jersey: Hammond, 1975.
- Freund, Philip, *Myths of Creation*. Levittown, New York: Transatlantic Arts, 1975.
- Froud, Brian, and Alan Lee, *Faeries*. Ed. by David Larkin. New York: Harry N. Abrams, 1978.*
- Gaster, Theodor H., *Myth, Legend, and Custom in the Old Testament*. New York: Harper & Row, 1969.*
- Gerhardt, Mia I., *Old Men of the Sea, from Neptune to Old French Luron: Ancestry and Character of a Water-spirit*. Amsterdam: Polak & Van Gennep, 1967.
- Graham, Winston, *Poldark's Cornwall*. London and Exeter: The Bodley Head and Webb & Bower, 1983.
- Grant, Michael, *The Ancient Mediterranean*. New York: Charles Scribner's Sons, 1969.
- Graves, Robert, *The Greek Myths*. Vols. 1 and 2. New York: Penguin Books, 1983.*
- Gruppe, Henry E., *The Frigates* (The Seafarers series). Alexandria, Virginia: Time-Life Books, 1979.
- Guerber, H. A., *Myths of Northern Lands*. Detroit: Singing Tree Press, 1970 (reprint of 1895 edition).
- Hadfield, R. L., *The Phantom Ship and Other Ghost Stories of the Sea*. London: Geoffrey Bles, 1937.
- Hammond, N.G.L., and H. H. Scullard, *The Oxford Classical Dictionary*. Oxford, England: The Clarendon Press, 1978.
- Hauff, Wilhelm, *The Caravan*. Transl. by Alma Overholt. New York: Thomas Y. Crowell, 1964.*
- Homer:
The Illustrated Odyssey. Transl. by E. V. Rieu. New York: A & W Publishers, 1981.
The Odyssey of Homer. Transl. by E. V. Rieu. New York: The Modern Library, 1960.*
- Jensen, Albert C., *Wildlife of the Oceans*. New York: Harry N. Abrams, 1979.
- Keightley, Thomas, *The World Guide to Gnomes, Fairies, Elves and Other Little People*. New York: Avenel Books, 1978 (reprint of 1878 edition).
- Kemp, Peter, ed., *The Oxford Companion to Ships & the Sea*. London: Oxford University Press, 1976.
- Killip, Margaret, *The Folklore of the Isle of Man*. London: B. T. Batsford, 1975.
- Knight, Frank, *The Sea Story: Being a Guide to Nautical Reading from Ancient Times to the Close of the Sailing Ship Era*. London: Macmillan, 1958.
- Kramer, Samuel Noah, *Cradle of Civilization* (Great Ages of Man series). Alexandria, Virginia: Time-Life Books, 1978.
- Krappe, Alexander Haggerty, *Balor with the Evil Eye: Studies in Celtic and French Literature*. New York: Columbia University, 1927.
- La Motte-Fouqué, Baron Friedrich de, *Undine*. Transl. by W. L. Courtney. London: William Heinemann, 1925.*
- Leach, Maria, ed., *Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend*. 2 vols. New York: Funk & Wagnalls, 1949.
- Leeming, David, *Mythology*. New York: Newsweek Books, 1977.
- Lowry, Shirley Park, *Familiar Mysteries: The Truth in Myths*. New

- York: Oxford University Press, 1982.
- McCormick, Harold W., and Tom Allen, with Capt. William E. Young, *Shadows in the Sea: The Sharks, Skates and Rays*. Philadelphia: Chilton Books, 1963.
- MacCulloch, John Arnott: *The Childhood of Fiction: A Study of Folk Tales and Primitive Thought*. London: John Murray, 1905.* *The Mythology of All Races: Eddic*. Vol. 2. New York: Cooper Square, 1964.
- McGowen, Tom, *Encyclopedia of Legendary Creatures*. Chicago: Rand McNally, 1981.
- Mackenzie, Donald A., *Myths of Babylonia and Assyria*. London: Gresham, circa 1930.
- Marmur, Mildred, transl., *Japanese Fairy Tales*. New York: Golden Press, 1960.
- Marwick, Ernest W., *The Folklore of Orkney and Shetland*. London: B. T. Batsford, 1975.
- Mireaux, Emile, *Daily Life in the Time of Homer*. Transl. by Iris Sells. New York: Macmillan, 1965.
- Munch, Peter Andreas, *Norse Mythology: Legends of Gods and Heroes*. Transl. by Sigurd Bernhard Hustvedt. New York: AMS Press, 1970 (reprint of 1926 edition).
- Ovidius Naso, Publius, *Metamorphoses*. Transl. by Rolfe Humphries. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1955.
- Paré, Ambroise, *On Monsters and Marvels*. Transl. by Janis L. Pallister. Chicago: The University of Chicago Press, 1982.
- Phillipotts, Beatrice, *Mermaids*. New York: Ballantine Books, 1980.
- Pindarus, *Pindar in English Verse*. Transl. by Arthur S. Way. London: Macmillan, 1922.
- The Rand McNally Atlas of the Oceans*. New York: Rand McNally, 1977.
- Robinson, B. W., Kuniyoshi: *The Warrior-Prints*. Oxford, England: Phaidon, 1982.
- Robinson, C. E., *Everyday Life in Ancient Greece*. Oxford, England: The Clarendon Press, 1961.
- Sanders, N. K., transl., *The Epic of Gilgamesh*. New York: Penguin Books, 1983.*
- Schwab, Gustav, *Gods & Heroes: Myths and Epics of Ancient Greece*. New York: Pantheon Books, 1946.
- Seki, Keigo, ed., *Folktales of Japan* (Folktales of the World series). Transl. by Robert J. Adams. Chicago: The University of Chicago Press, 1963.
- Simpson, Michael, transl., *Gods and Heroes of the Greeks: The Library of Apollodorus*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1976.
- Streicher, Sonnfried, *Fabelwesen des Meeres*. Rostock, East Germany: VEB Hinstorff, 1982.
- Sturluson, Snorri, *The Prose Edda*. Transl. by Arthur Gilchrist Brodeur. New York: The American Scandinavian Foundation, 1967 (reprint of 1916 edition).
- Sweeney, James B., *A Pictorial History of Sea Monsters and Other Dangerous Marine Life*. New York: Crown, 1972.
- Thomdike, Joseph J., Jr., ed., *Mysteries of the Deep*. New York: American Heritage, 1980.
- Whipple, A. B. C.: *The Clipper Ships* (The Seafarers series). Alexandria, Virginia: Time-Life Books, 1980. *The Whalers* (The Seafarers series). Alexandria, Virginia: Time-Life Books, 1979.
- Whympier, Fred, *The Romance of the Sea: Its Fictions, Facts, and Folk-Lore*. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1896.

* Издания, помеченные звездочкой, были особенно полезны при подготовке этой книги.

ББК 84(0)
Д85

Перевод
В. ПРУСОВОЙ

Оригинал-макет подготовлен
А. ПАВЛОВЫМ

Духи вод

Редактор И. ШУРЫГИНА

Художественный редактор И. ЛОПАТИНА

Технический редактор Н. ПРИВЕЗЕНЦЕВА

Корректоры Н. КУЗНЕЦОВА, Л. ЧУЛАНОВА

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать
03.09.96 г. Уч.-изд. л. 18,93. Цена 74 000 р.
Клубная цена 33 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Д85 Духи вод. — М.: ТЕРРА, 1996. — 144 с.: ил. — (Зачарованный мир).

ISBN 5-300-00709-9

Море — это звено, связующее берег с таинственным миром безграничного. О морских духах и демонах, русалках и ундилах, призрачных кораблях и сокровищах на дне океана рассказывается в этой книге.

Д 4703000000-481 Без обьявл.
А30(03)-96

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00709-9

"Authorized Russian language edition © 1996,
Publishing Center "TERRA". Original edition
© 1985, Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form,
by any electronic or mechanical means, including
information storage and retrieval devices or systems,
without prior written permission from the publisher,
except that brief passages may be quoted for review."

Time-Life Books is a trademark of Time Warner
Inc."

Перевод на русский язык. © 1996, Издательский
центр «ТЕРРА». Оригинальное издание © 1985,
Time-Life Books BV. Все права защищены.

Не допускается воспроизведение текста и/или ил-
люстраций любым механическим или электронным
способом, включая информационные базы данных
и системы, без письменного разрешения издателя.

Time-Life Books является торговой маркой Time
Warner Inc.

